

РУССКИЙ МИР

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПАВЛОВСКАЯ АННА
ВАЛЕНТИНОВНА

12+

Анна Павловская
Русский мир. Часть 1

«Автор»

2008

Павловская А.

Русский мир. Часть 1 / А. Павловская — «Автор», 2008

ISBN 978-5-532-08435-3

Сформировался русский менталитет, почему он приобрёл те формы и особенности, о которых рассуждает мировое сообщество. Книга рассказывает о характере русского народа, о его быте, поверьях, нравах наших предков. Как объяснить феномен "загадочной русской души"? Какие существуют в России традиции гостеприимства? Что представляет собой предпринимательство в России? Почему нас часто не понимают на Западе, и что делать, чтобы нас могли понять; откуда взялись стереотипы о России, и насколько они правдивы? "Русский мир" ответит на эти и многие другие вопросы. В оформлении обложки использовано фото автора.

ISBN 978-5-532-08435-3

© Павловская А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Введение	5
Глава 1. Народные сказки и русский характер	14
Значение сказки при изучении русского характера	14
Бытование сказки в России	23
Отражение особенностей русского характера в народных сказках	34
Глава 2. Особенности русской государственности	46
Регионы России: единство в многообразии	46
Власть и народ	65
Русская интеллигенция	85
Глава 3. Россия и мир	98
«Окно в Европу» или «железный занавес»?	98
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Анна Павловская

Русский мир. Часть 1

Введение

Работа над «Русским миром» началась в 1991 г. И это не случайно. Страна стояла на пороге новой жизни, в который уже раз за свою историю довольно категорично отказываясь от собственного прошлого. В обществе царили негативные настроения, подогреваемые средствами массовой информации. Все подвергалось критике: дореволюционная и советская история, политическое устройство и развитие экономических отношений, быт и образ жизни россиян, даже достижения великой русской культуры ставились под сомнение, особенно те, которые были связаны с политически некорректными в то время темами – величие страны, дружба народов и др. Все это невольно сводилось к одному тезису: только очень странный и несуразный народ мог оказаться в подобной исторической ситуации.

Одновременно с этим, как часто бывает в моменты политического и идейного кризиса в России, в науке и публицистике остро встали вопросы: что такое Россия, кто такие русские, как «они дошли до жизни такой», есть ли в их судьбе некая закономерность, предрешенность, каковы особенности русского национального характера. Мнения авторов в большинстве случаев делились на два полярных направления, оба были не новы для русской общественной мысли, только выражались резче, чем обычно. Одно заключалось в идее исключительности русского народа, его особой миссии в мире, непохожести на все остальные народы. С неким вызовом посреди общего критического настроения авторы утверждали превосходство русских, приводя примеры из давней и недавней истории.

По второму пути шло большинство публицистов и журналистов: Россия и русские далеки от «цивилизованного сообщества» и в силу особенностей своего характера имеют мало шансов влиться в него. Они «испорчены» веками тоталитаризма, не имеют общественного сознания, растеряли предпринимательскую жилку, погрязли в варварстве, пьянстве и лени. И в этом случае иллюстраций хватало и на страницах истории, и в криминальной хронике.

И те и другие подчеркивали, каждый по-своему, исключительность русской культуры, ее оторванность от общемирового процесса. На этом фоне довольно остро ощущалась необходимость изучения особенностей развития русского народа без крайностей, взвешенно, на основании широких научных данных, в контексте мировых цивилизаций, но без противопоставления – «они хорошие, а мы плохие» или наоборот. Важным представлялось и обращение к истокам, в целях поиска корней современной ситуации, определения закономерностей развития как страны, так и населяющего ее народа.

Еще одним важным моментом, предрешившим появление курса «Русский мир», стало снятие «железного занавеса». Столкновение с реальным внешним миром открыло россиянам две противоположные истины: с одной стороны, он не так отличается от нашего, как когда-то казалось, и в хорошем и в плохом смысле, с другой – мы не так похожи на других жителей мира, как могли бы быть, учитывая общечеловеческие ценности. Да и люди, населяющие когда-то единый для нас мир загадочного зарубежья, тоже оказались разные, и «их нравы» разительным образом отличались от страны к стране.

Автор этих строк в 1991–1992 гг. преподавала русскую культуру и литературу в одном американском университете и, как большинство соотечественников, открывала для себя чужой инокультурный мир, удивляясь разнице в восприятии и отношении к самым обычным вещам, манере поведения и общения, просто повседневной жизни. Было очевидно, что американские студенты воспринимают русскую литературу иначе, чем русские: не могут понять коллизии

абсурдных на их взгляд русских сказок (за что наградили вялую девочку в сказке «Морозко»?), совершенно иначе расставляют акценты в произведениях Л. Н. Толстого (милый русскому сердцу Стива Облонский оказывается у них чуть ли не главным злодеем) и т. д.

Одновременно с этим оказалось, что мир воспринимает далекую Россию исключительно через призму устойчивых, довольно примитивных стереотипов, к тому же в большинстве случаев, к сожалению, негативных. Удивляло и полное незнание России вообще – как будто она и вправду, как полагали многие, находится где-то на краю света, в ледяной пустыне, населенной волками и медведями, среди которых чудом выживают странные дикие люди, каким-то загадочным образом породившие мировых гениев в области литературы, музыки, театра.

Наконец, важнейшим стимулом к созданию «Русского мира» стало появление в 1992 г. в МГУ им. М. В. Ломоносова нового факультета иностранных языков¹, куда пришла работать автор по возвращении из зарубежной командировки. С первых дней существования факультета одной из его важнейших задач стало изучение иностранного языка и культуры. До этого «страна была отрезана от мира западных языков, эти языки преподавались как мертвые – латынь и древнегреческий». Теперь же «внезапное и радикальное изменение социальной жизни нашей страны, ее “открытие” и стремительное вхождение в мировое, в первую очередь западное, сообщество вернуло языки к жизни, сделало их реальным средством разных видов общения...»²

Только знание культуры, понимаемой в широком смысле, дает прочный фундамент для освоения языков. Так возник курс «Мир изучаемого языка», который стал одним из важнейших учебных и научных достижений факультета. В течение нескольких лет студенты, наряду с изучением правил грамматики и запоминанием лексики, всесторонне рассматривали культурные особенности народа, говорящего на этом языке. Курс включал элементы истории, литературной критики, политологии, социологии. Чаще всего его читали как русские преподаватели, так и приглашенные иностранные лекторы, для того чтобы студент мог получить разностороннюю картину, увидеть этот «мир» разными глазами.

Было очевидно, что в то время знание иностранных языков и культур выходило на первый план, начинало играть определяющую роль в карьере, становилось важным фактором жизненного успеха. Работа в государственных и дипломатических органах, а еще больше в зарубежных фирмах и компаниях, которые массово стали проникать в Россию, предполагала знание как языка, так и жизни народов, говоривших на этом языке.

Наряду с широким преподаванием иностранной культуры на факультете иностранных языков были введены курсы, связанные с отечественной культурой. Среди них – «Русский мир», который и по сей день читается всем студентам факультета на 1-м курсе. Вот здесь студентам приходилось объяснять, что знание своих традиций для человека, изучающего иностранный язык, не менее важно, чем чужих.

Прежде всего такого рода знания нужны студентам для чисто практических целей. Их специальность предполагает общение с иностранцами, для которых они всегда будут представлять интерес именно как носители своей, русской, культуры. Конечно, приятно удивить иностранного собеседника знанием его родной литературы или истории, но задаваемые им вопросы, интересующие его проблемы всегда неизбежно будут связаны именно с Россией. Для плодотворного общения необходимо знание, как и почему ведет себя представитель иной культуры в определенных ситуациях. Но общение – процесс двусторонний, а вот своя, отечественная, традиция часто, как это ни парадоксально, бывает известна хуже, чем чужая. Почему мы определенным образом реагируем на те или иные явления, как сложились наши традиции,

---

¹ Фактически факультет был создан приказом ректора в 1988 г. для преподавания иностранных языков на других факультетах университета, в 1992 г. состоялся первый набор студентов и начался учебный процесс на самом факультете.

² Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2004. С. 32–33. (С. Г. Тер-Минасова – основатель и декан факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова.)

какие культурные факторы определяют наше поведение – это все не менее важно для межкультурного общения, чем знание иностранной культуры.

Здесь есть опасный момент – ощущение того, что это все свое, знакомое и изучать здесь нечего. Скажем сразу, даже в тех случаях, когда какие-то явления действительно знакомы, являются обычными и привычными, их суть, исторические истоки нам чаще всего непонятны и неизвестны. Человек, приехавший на экскурсию в Париж, за неделю узнает его лучше, чем родной город, в котором он прожил всю жизнь: в данном случае есть задача в сжатые сроки изучить как можно больше, чтобы оправдать поездку, и ощущение, что твое, родное, никуда от тебя не уйдет, так что и торопиться нечего. Здесь невольно вспоминается очень хорошая и старательная аспирантка, которая на 23-м году жизни обнаружила, что Петербург – красивейший город – «не хуже Рима и Лондона».

Знаменитый русский педагог К. Д. Ушинский во второй половине XIX в. обращал внимание читателей на это свойство русской природы: «...русский человек всего менее знаком именно с тем, что всего к нему ближе: со своей родиной и всем, что к ней относится... Даже француз, поражающий вас полнейшим невежеством относительно всего, что лежит за пределами его “прекрасной Франции”, выкажет вам замечательные познания во многом, что относится до его отечества. Только русский, да и не маленький, а большой человек, изумляя иностранца своим безукоризненным выговором на иностранных языках, в то же время часто говорит плохо на своем отечественном и почти всегда пишет с грубыми ошибками, знает подробно историю французской революции и в то же время глубокомысленно задумается над тем, в котором столетии жил Иоанн Грозный; наверное помнит, что Мадрид при реке Мансанаресе, но весьма часто не знает, при какой реке стоит Самара, а уж что касается до какой-нибудь реки (Черемшана, например), то и говорить нечего, если только ему самому не приходилось купаться в ней»³.

Однако еще чаще речь идет о простом незнании своих культурно-исторических традиций. Более полутора веков тому назад великий русский писатель Н. В. Гоголь писал: «Велико незнание России посреди России». За прошедшее время ситуация не сильно изменилась. Интересно, что эта фраза из «Выбранных мест из переписки с друзьями» помещена в главу с характерным названием «Нужно проездиться по России». Рекомендации Гоголя о том, как узнать свою страну, остались актуальными. Для того чтобы лучше узнать Россию, нужно отбросить все существующие в обществе мнения и предрассудки, забыть о слухах и активно навязываемых предвзятых суждениях и проехать по России, как по «новой дотоле вам неизвестной земле».

И сейчас, как и тогда, особенно важно познакомиться не только с местными достопримечательностями и культурными памятниками, хотя и они того стоят. И все-таки самым главным остается жизнь людей. «Клянусь, человек стоит того, чтоб его рассматривать с большим любопытством, нежели фабрику и развалину», – восклицает Гоголь. Именно их обычаи, традиции, особенности поведения, образ мыслей и сейчас часто остаются незнакомыми и непонятными для соотечественников. И сейчас, как когда-то, велик разрыв и сильно непонимание между интеллигенцией и народом, столицей и провинцией, городом и деревней.

Таким образом, с 1992 г. на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова автором этой книги читается курс «Русский мир». Позже он был дополнен семинарскими занятиями для студентов отделения региональных исследований и международных отношений. И задачами его стали, помимо общеобразовательных (знание своих истоков и корней) и прагматических (для общения с представителями иных культур), знакомство с Россией и создание позитивного имиджа страны. Последнее сегодня особенно актуально.

Сейчас много говорят о том, что положительный образ России в мире – залог политического и экономического успеха, задача общегосударственного значения. И часто забывают, что

---

³ Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения. М., 1954. Т. 2. С. 280.

начинать надо с себя, что нельзя создать о себе доброе мнение у соседей, если ты сам его не имеешь. Современное молодое поколение уже не помнит тех времен, когда мы были «самой читающей страной в мире», или «покоряли Енисей», или гордились великими стройками. Они выросли в обстановке острой критики, которая понятна старшему поколению как реакция на всеобщее самовосхваление предшествующих десятилетий. Но для молодежи это единственная реальность, в которой выяснилось, что читали совсем не то, что нужно, покорение пространств и масштабное строительство привело в экологическому кризису и т. д. Необходимость создания позитивного образа России внутри страны очевидна и не исключает, а, наоборот, способствует его распространению в мире.

Курс «Русский мир», так же как и «Миры изучаемых языков», стал важнейшей составляющей учебной программы факультета иностранных языков и регионоведения МГУ. Со временем оба курса стали настолько актуальными и значимыми, что в 2000 г. было решено открыть новую специальность «регионоведение», по сути представлявшую собой те же «миры», только в более развернутом виде. Теперь уже не культура стала средством изучения иностранного языка, а язык стал одним из способов познания культуры. Одним из важных достижений явилось открытие специализации по регионоведению России, уникальной в своем роде. В отличие от региональных университетов, занимающихся в рамках этого направления по сути тем, что принято называть краеведением, здесь делается попытка изучить всю Россию как единый регион, особенности и закономерности ее развития, национальную специфику в общемировом контексте. Уже читавшийся на факультете к этому моменту несколько лет курс «Русский мир» стал основой данного направления.

Несколько слов о названии «Русский мир». Оно пришло не сразу. Существуют близкие и правильные понятия – «культура», «цивилизация», «менталитет», «дух» и др. Научное определение термина «культура» вполне соответствует поставленным задачам. Он включает в себя следующие сферы: нравы и обычаи, язык и письменность, характер одежды, поселений, работы, постановка воспитания, экономика, характер армии, общественно-политическое устройство, судопроизводство, наука, техника, искусство, религия, все формы проявления объективного духа данного народа (Философский словарь), а также ценности и нормы, верования и обряды, знания и умения, обычаи и установления (включая такие социальные институты, как право и государство), язык и искусство, техника и технология и т. д. (Российский энциклопедический словарь). Вместе с тем в обычном восприятии термин «культура» понимается более узко, исключительно как художественная культура. Именно так и трактовалось бы название «Русская культура» – как собрание сведений о русской живописи, музыке, литературе, театре и т. д.

Понятие «цивилизация» в первоначальном значении синонимично культуре. Но и здесь вмешиваются нюансы, затемняющие смысл. Это и понимание ее исключительно в качестве материальной культуры, как было принято в марксистской литературе, и в смысле комфорта, который дают современные технические достижения, и в качестве определенной ступени в развитии общества. Были отвергнуты и другие термины: «менталитет» – слишком узко, «дух» – слишком метафизично. Близкое по сути название «народоведение» звучит громоздко. Поиски такого рода общего названия велись и в XIX в. Обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, по долгу службы много занимавшийся вопросами образования, с насмешкой писал о попытках создать учебный курс, вмещающий «энциклопедию знаний под диким названием Родиноведения»⁴.

«Мир» оказался понятием всеобъемлющим и емким, включающим и язык, и культуру, и географию, и искусство, и, самое главное, народ, живущий в этом мире и создающий его. В русском языке слово «мир» многоплановое, оно означает и среду обитания, и вселенную,

⁴ Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 140.

и противоположность войне, и традиционное для России объединение людей. Исторически «мир» – это прежде всего люди, а не земли: в словаре В. И. Даля под «миром» понимаются «все люди, весь свет, род человеческий». А в вышедшем в первой половине XX в. словаре Д. Н. Ушакова дается следующее определение понятия «мир» – «народ, совокупность народностей, какая-нибудь часть человечества, с их социальными, культурно-историческими и этнографическими признаками». «Часть человечества», объединенная Россией, находится в центре внимания «Русского мира».

Интересно, что понятие «мир» позже было широко оценено коммерческими структурами. Россию наводнили различные «миры» – кожи, меха, окон, паркета, сантехники, ногтей и т. д. «Магазин мебели» звучало безынициативно, по-старинке, «Салон мебели» – по-иностранному и пафосно, а вот «Мир мебели» сразу давал покупателю нужный настрой: ново, понятно и широко.

«Русский мир» как учебный курс в МГУ им. М. В. Ломоносова поначалу вызывал смущение в научном и образовательном сообществе. История, литература, философия, культура – это изучение результатов деятельности человека, которая имеет материальное выражение в событиях, книгах, трудах, памятниках. Психология и медицина исследуют поведение и состояние здоровья конкретного человека. А здесь речь шла о попытке определить характер, образ мысли, особенности поведения целого народа.

Вместе с тем необходимость подобного курса была понятна на самых разных уровнях, хотя и далеко не всем. Долгое время в Министерстве образования велись переговоры о необходимости создания комплексной научной дисциплины, которая заняла бы в вузах ту нишу в области общественно-научного знания, которую освободили идеологически устаревшие общественные науки советского образца. Было предложено и название «россиеведение». Однако дальше обсуждений дело не пошло. Представляется, что предложенная конкретная программа было слишком объемной и трудно осуществимой в масштабах большой страны. При этом по сути она не предлагала ничего нового: первая часть – история-историософия России, вторая – курс русского языка, третья – русская словесность и литература, четвертая – философия России⁵. Все это предполагалось делать «не так, как в школе», правда, не совсем понятно как и, главное, какими силами. Именно последняя часть по своему содержанию была наиболее интересной, ближе всего подходила к тому, что мы включаем в понятие «Русский мир».

Наконец, в 2006 г. сочетание «русский мир» прозвучало в устах президента России, причем, по выражению прессы, «концептуально». Действительно, речь шла о создании государственно-значимого направления не только в науке и образовании, но и в государственной политике. На встрече с деятелями культуры в декабре 2006 г. В. В. Путин заявил: «В наше сложное время мы должны искать новые адекватные формы исторической общности людей. И русский мир может и должен объединить всех тех, кому дорого русское слово и русская культура, где бы они ни жили, в России или за ее пределами, и к какой бы этнической группе ни принадлежали. Почаще употребляйте это словосочетание – “Русский мир”!»⁶ И его действительно стали употреблять гораздо чаще. А в июле 2007 г. приказом президента РФ был создан фонд «Русский мир», задачами которого стали «популяризация русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры», а также «поддержка программ изучения русского языка за рубежом»⁷.

В процитированной выше фразе президента затронут важный момент, касающийся второй части названия – «русский». Терминологическая путаница и полемика относительно поня-

---

⁵ Интервью с доктором философских наук И. Чубайсом, одним из инициаторов проекта нового курса «россиеведение» в Российской газете (2002. 16 янв. № 8).

⁶ Литературная газета. 2006. 6–12 дек. № 49.

⁷ Цели и задачи фонда «Русский мир» на сайте www.ruskiymir.ru

тий «нация», «национальность», «этнос» ведется уже давно. Усложняет ситуацию и разность понимания этих слов в других языках (многие жители России не раз заходили в тупик, сталкиваясь с пунктом «nationality» в зарубежных анкетах, который выясняет гражданство, а не этническую принадлежность опрашиваемого). В советское время был найден простой выход – термин «советский человек» включал в себя всех представителей многонационального государства, независимо от их национальной, этнической и даже расовой принадлежности. В постсоветское время его попытались заменить понятием «российский», которое, однако, не всегда удачно вписывается в словосочетания. В частности, «российский мир», «российские традиции», «российская культура» как бы отсекают предшествующую историю, предполагают исключительно современную ситуацию.

В нашем случае понятие «русский мир», безусловно, не ограничивается теми, кто являются русскими по рождению и крови. Можно прожить всю жизнь в далекой Австралии и остаться очень русским, можно родиться и вырасти в России, имея маму китаянку и папу испанца, и быть русским. Наконец, невозможно отделить от судьбы России все те народы, которые уже много веков сосуществуют в ее пределах. Взаимное культурное влияние, общие исторические судьбы, единое наследие давно уже создали некую общность, которую мы и включаем в понятие «русский мир».

В центре внимания настоящего труда находятся особенности и закономерности развития русского мира, определение его места в контексте мировой культуры, выявление общего и специфического в национальных традициях, обычаях, быте, нравах и образе жизни русского народа, а также исторические корни современных явлений русской жизни. В нем делается попытка определить особенности национального характера русского народа, его взглядов и представлений о жизни. Главным на этом пути оказалось выявление некоей константы – неизменных особенностей, вечных ценностей, сохраняющихся в этом постоянно меняющемся мире, того культурного своеобразия, которое сохраняется не только в различные периоды, но и характерно для разных слоев русского общества: социальных, возрастных, региональных.

Среди важнейших путей и методов изучения русского мира надо выделить следующие. Во-первых, это историко-культурный подход, заключающийся в поисках прежде всего исторических корней современных явлений. Нередко от студентов приходится слышать: «Зачем нам столько истории? Нас интересует день сегодняшний». Эту ошибку повторяют и многие ученые, занимающиеся современными проблемами. Но ведь именно в истории скрыты истоки большинства явлений. Причем гораздо глубже, чем это кажется на первый взгляд. Сегодня стало обычным делом «валить» все на эпоху «тоталитаризма», а ведь корни большинства особенностей русского мира гораздо глубже. При этом, конечно, важно избежать той позиции, в которой находился король из известной пьесы Е. Л. Шварца «Обыкновенное чудо», во всех своих недостатках винивший дурную наследственность и бесовских предков.

Вторым определяющим моментом при изучении русского мира является сопоставительный характер исследования. Для того чтобы понять, что ты чем-то отличаешься от других, надо сравнить себя с ними. Пигмей, всю жизнь проживший в родной деревне, будет считать нормой рост в один метр и, только оказавшись во внешнем мире, осознает свое отличие от большинства людей, населяющих планету. Поэтому в каждой теме неизбежно будет присутствовать сопоставление «они – мы», для того чтобы особенности русского мира стали ярче и заметнее. При этом очень важно избежать каких бы то ни было оценок в этой ситуации, речь ни в коей мере не будет идти о том, что кто-то лучше, а кто-то хуже, а исключительно о различии культур. Сравнение будет преимущественно вестись со странами, относящимися к так называемому западному миру, – Европе, Северной Америке. Причина не только в том, что они близки к русским, а значит ярче оттеняют национальное своеобразие, но и в личных знаниях и возможностях автора.

Третья особенность изучения русского мира заключается в проблемно-тематическом и комплексном подходе. В данном случае, несмотря на историко-культурную основу, важна будет не хронология, а связь времен. Поэтому герои древности будут соседствовать с литературными персонажами XIX в., а изложение материала построено в соответствии с важнейшими темами русского мира: взаимоотношение государства и общества, связь с внешним миром, общественные отношения, семейные отношения, религия, образование, традиции гостеприимства и т. д. И все они будут рассмотрены на протяжении существования русского государства и через призму особенностей русского характера. Все темы взаимосвязаны, русский мир един, и любое деление условно. Конечно, охватить все своеобразие русского мира невозможно, в учебном пособии делается попытка выделить определяющие моменты его существования.

Наконец, важной особенностью данного труда является его междисциплинарный характер. В силу широты поставленной задачи, требующей комплексного изучения материала, в работу были вовлечены методы и достижения практически всех гуманитарных наук: истории, филологии, лингвистики, социологии, этнологии, психологии, философии, культурологии и других. Каждая из них раскрывает какую-то грань того великого единого целого, которое мы называем русским миром. Очень помог автору и его личный опыт: за время трудовой деятельности она, после окончания исторического факультета, поочередно работала на филологическом, историческом факультетах и факультете иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова.

Важным представляется вопрос об источниках, на которых основывается научное изучение и описание русского мира. Для того чтобы такое широкое и достаточно абстрактное понятие, как характер народа, стало научно обоснованным, необходима солидная источниковая база. В последние годы нередко приходится сталкиваться с тем, что гуманитарные науки стали достоянием всех, кто умеет связно говорить и писать. Вот физика и химия – другое дело, там нужны доказательства тех или иных положений и выводов, а в гуманитарной сфере красиво или научнообразно сказанное слово заменяет научные эксперименты. С этим нельзя согласиться. Как и в любой науке, необходимы доказательства, причем весомые. А содержатся они именно в источниках как в результатах деятельности человеческого общества. Обычно круг источников ясен (часто он заложен в самом названии), исследователь лишь сужает его до размеров конкретной темы: для лингвиста источником информации является язык, для литературоведа – литература, для искусствоведа – памятники искусства, для философа – философские трактаты и т. д.

В том случае, если речь идет об изучении такого широкого понятия, как «мир», необходимо обращение к целому комплексу источников, которые «заимствуются» у разных гуманитарных наук. Можно разбить все это многообразие на три основные группы. Для наглядности проведем простое сравнение. Представим, что мы хотим узнать и понять какого-нибудь человека. Есть три главных способа сделать это. Во-первых, попросить рассказать о себе. Конечно, в этом будет большая доля предвзятости: некоторым свойственно себя расхваливать, другие, наоборот, стесняются выставлять свои достоинства напоказ. И все-таки определенная истина в рассказе человека о себе самом будет, откроются какие-то глубины, не видные со стороны, яснее станут мотивы поступков и поведения, раскроются чувства и мысли. Второй способ – понаблюдать за человеком, посмотреть, как он ведет себя в той или иной ситуации, реагирует на определенные слова и действия. И в этом будет лишь доля правды, однако она будет. Наконец, последнее – расспросить других людей об интересующем вас человеке: друзей и врагов, коллег и родственников. Одни чрезмерно расхвалят его, другие могут незаслуженно очернить. Но зерно правды будет содержаться и в их информации. И только тщательно проанализировав, сопоставив и соединив все эти разнохарактерные и по-своему субъективные сведения, мы получим более или менее определенный портрет человека, придем к пониманию его характера.

То же самое и с народом в целом. Основные источники информации и здесь можно разделить на самооценку, наблюдение и мнение окружающих. К первой, самой обширной группе отнесем следующие: факты истории, исторические документы; литературу и фольклор; этнографические данные; социологические данные; источники личного характера (переписка, мемуары, дневники); данные языка; философские труды; памятники художественной культуры; средства массовой информации и коммуникации и т. д. Это как бы взгляд изнутри, то, что «сказал» за века русский народ о себе сам.

Большое значение имеют личные наблюдения и опыт. Поскольку речь идет о живой, современной сегодняшнему дню структуре, их использование также научно обосновано, хотя и только в купе с остальными материалами.

Наконец, огромную роль при изучении русского мира имеет взгляд со стороны. Наблюдения иностранцев дают особый взгляд на русскую действительность. Они часто обращают внимание на те факты и события русской жизни, которые подчас, сознательно или бессознательно, оставались незамеченными русскими наблюдателями. Безусловно предвзятые, как и любые источники, они тем не менее выражают свои тенденции, отличные от русских источников, а порой бывают более объективны и свободны от политических воздействий, чем русские материалы. Еще В. О. Ключевский подчеркивал важность изучения записок иностранцев: «Будничная обстановка жизни, повседневные явления, мимо которых без внимания проходили современники, привыкшие к ним, прежде всего останавливали на себе внимание чужого наблюдателя; незнакомый или мало знакомый с историей народа, чуждый ему по понятиям и привычкам, иностранец не мог дать верного объяснения многих явлений русской жизни, часто не мог даже беспристрастно оценить их; но описать их, выставить наиболее заметные черты, наконец, высказать непосредственное впечатление, производимое ими на непривыкшего к ним человека, он мог лучше и полнее, нежели люди, которые пригляделись к подобным явлениям и смотрели на них со своей домашней, условной точки зрения»⁸.

Известно, что для XV–XVII вв. именно записки иностранцев являются основным источником информации о быте и нравах русских. Внутренние источники уделяли этой теме недостаточно внимания – зачем писать об обычных явлениях повседневной жизни? Для иностранцев же именно это представляло наибольший интерес и как экзотика, и как возможность лишний раз подчеркнуть варварство русских. К тому же путешественников чаще всего интересует, как живут обычные люди, что едят, какую одежду носят, как проводят свободное время. И хотя относиться к такого рода сведениям надо с большой осторожностью, как источник сведений о повседневной жизни России они незаменимы.

Не только исторические записки иностранцев представляют интерес для исследователя русского мира. Они сохранили свое значение в более позднее время и умножились другими материалами – данными, содержащимися в иностранной художественной литературе и кино, в трудах зарубежных исследователей, в средствах массовой информации и Интернете.

Важным представляется и изучение бытующих зарубежом стереотипов о России. Их принято критиковать за примитивность и недоброжелательность. Вместе с тем знание их не только помогает в межкультурном общении, но и позволяет порой выявить некое зерно правды, пусть и утрированной до примитивности, но важной для понимания характера народа.

Подробный анализ различных источников содержится в главах книги в соответствии с рассматриваемой в них тематикой.

Книга, хотя и основана на курсе лекций, имеет свои особенности. Фактический материал, использовавшийся во время ее написания, был значительно расширен. В свою очередь, из нее были убраны некоторые учебные положения, разъяснения и поучения, необходимые при чтении лекций.

---

⁸ Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 14.

Русский мир велик и необъятен. Составить полный всеобъемлющий реестр особенностей русской жизни практически невозможно. К тому же, когда пишешь о родной стране, сталкиваешься с тем, что практически каждый имеет свое точное представление о том, что важно, а что нет, что хорошо, а что плохо и как интерпретировать те или иные явления. Из всего многообразия тем были выбраны те, которые представляются автору ключевыми для понимания русской жизни и раскрытия русского характера.

Глава 1. Народные сказки и русский характер

Значение сказки при изучении русского характера

Отличительные особенности русского характера и образа жизни нашли свое отражение в русских народных сказках. Сказки – источник древний и чрезвычайно важный для понимания культурных особенностей различных народов. Одновременно с этим они являются прекрасным подтверждением существования национальных характеров. Хотя сказки схожи по сюжетам, в разных странах у них свои герои, свои выходы из ситуаций, свои национальные идеи и идеалы. Они знакомы всем, и именно с анализа русских сказок надо начать знакомство с русским миром.

Корнями сказки уходят в далекое прошлое. Невозможно определить время их появления. До сегодняшнего дня многие из них дошли в смешанном виде: именно этим объясняется переплетение самых разных слоев и тем. Христианство, язычество и более древние и темные верования гармонично переплетаются в сказке в единое художественное целое, и это смешение никого не удивляет и не удивляло. Герой молится Богу перед дальней дорогой, так же естественно произносит магические заклинания и пользуется услугами сил природы. Из каких глубин истории приплыли чудо-юдо рыбы-киты, прилетели змеи горынычи, вылезли кощеи бессмертные, сказать трудно. Но очевидно, что они пришли из тех далеких времен, когда человек считал солнце, луну, ветер и деревья своими соседями и существами одушевленными.

Сказки стали записываться довольно поздно. Они представляют собой устное народное творчество, и в этом их важнейшая особенность. Проходя через различные эпохи, они впитывали их дух, настроения и интересы. Но многое потом снова уходило, а то, что оставалось, представляло собой те универсальные народные идеалы, которые не зависят от сиюминутности, вечны. Также и с местом: в разных регионах России сказки имеют местный колорит, где-то герой скачет по мхам и болотам, а где-то по лесам, но суть их от этого не меняется.

Еще одной особенностью сказок является тот факт, что они всегда были распространены повсеместно, в самых разных слоях общества. А значит, являлись своеобразным объединителем общества: носителем национальных идеалов, которые одинаково близки и понятны бедным и богатым, горожанам и деревенским жителям, людям образованным и не очень. Известно, что сказки были больше всего распространены в крестьянской среде. Большое значение они имели для артельных рабочих, солдат, охотников. Есть исторические сведения о том, что до XVIII в. сказочники состояли и в царской свите, развлекавая высокородных особ своими историями, за что их щедро вознаграждали.

Даже в период повсеместного «офранцузивания» русского дворянства сказка возвращала к национальным основам, поддерживала связь поколений, объединяла столь отделившиеся друг от друга слои русского общества. Хорошо известно высказывание А. С. Пушкина, которое содержится в письме к брату из Михайловского: «Знаешь мои занятия? До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки – и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма»⁹. Но не только знаменитая Арина Родионовна рассказывала вечерами сказки великому поэту, нянюшки и мамушки по всей стране приобщали своих господ, предпочитавших французский язык русскому, к сокровищам народной культуры. Множество дневниковых сви-

---

⁹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 16 тт. Т. 13. М.-Л., 1937. С. 120-121.

детельств говорит об этом, так же как и распространенность литературной сказки (т. е. авторски переработанного сказочного сюжета) в XIX в.

Воспитательную роль сказки трудно переоценить. Для большинства детей именно со сказки начинается знакомство с художественным словом и постижение основ человеческой премудрости. С младенчества усваиваются многие истины, которые незаметно, спрятав их за интригующим и таинственным сюжетом, преподносит народная сказка. И родители, рассказывая или читая сказки своим детям, как бы заново повторяют урок, освежают в памяти те идеалы, которые они, в свою очередь, слышали в детстве от родителей или соседей. В этом проявляется двойственная роль сказок: они не только отражают особенности национального характера, но и активно его формируют, с раннего возраста давая детям готовые формулы и идеалы.

Значение сказки высоко оценивали русские ученые и мыслители. Философ Иван Ильин, выступая в Берлине на «Вечере русской сказки» в 1934 г., подчеркнул ее значение как хранилища национальной мудрости. «В русских сказках русский народ пытался распутать и развязать узлы своего национального характера, высказать свое национальное мироощущение, наставить своих детей в первобытной, но глубокой жизненной мудрости, – разрешая лежавшие на его сердце жизненные, нравственные, семейные, бытовые и государственные вопросы. И сказки русские – просты и глубоки, как сама русская душа. Они всегда юны и наивны, как дитя; и всегда древни и мудры, как прабабушка...»¹⁰

Философ-эмигрант Б. П. Вышеславцев считал, что с помощью сказки можно проникнуть в подсознание народа. Для этого, по его мнению, надо проникнуть в его сны: «Но сны народа – это его эпос, его сказки, его поэзия... Многих возмущала пошлость и безнравственность сказки. Но сны бывают разные: прозаические, низменные, отвратительные и – возвышенные, божественные. Сны, как и сказки народа, не выбирают самого красивого и благородного, как это делают стихи поэта; они, напротив, неумолимо правдивы даже в своем цинизме»¹¹.

Советский исследователь В. Я. Пропп отмечал: «Универсальность сказки, ее, так сказать, повсюдность, столь же поразительна, как и ее бессмертие. Все виды литературы когда-нибудь отмирают. ... Между тем сказку понимают решительно все. Она беспрепятственно переходит все языковые границы, от одного народа к другому, и сохраняется в живом виде тысячелетиями»¹².

Единого мнения о происхождении сказки и ее истоках нет, да и быть не может. Зародившись в древности и пройдя через многовековые устные пересказы, сказка трансформировалась, менялась, обростала деталями из разных эпох и периодов. Основные концепции, существующие в науке, сводятся к следующему. Мифологическая школа, к которой относятся первые ученые-собиратели сказок – в Германии братья Гримм, в России – Ф. И. Буслаев и А. Н. Афанасьев, считает сказки осколком древних мифов. А. Н. Афанасьев писал: «Сравнительное изучение сказок, живущих в устах индоевропейских народов, приводит к двум заключениям: во 1-х, что сказки создались на мотивах, лежащих в основе древнейших воззрений арийского народа на природу, и во 2-х, что, по всему вероятно, уже в эту давнюю арийскую эпоху были выработаны главные типы сказочного эпоса и потом разнесены разделившимися племенами в разные стороны – на места их новых поселений, сохранены же народной памятью – как и все поверья, обряды и мифические представления»¹³. Поиски отголосков древних мифов в современных сказках составили в данном случае основу изучения сказочных сюжетов.

---

¹⁰ Трубецкой Е. Три очерка о русской иконе. Приложение. М., 2000. С. 315.

¹¹ Вопросы философии. 1995. № 6.

¹² Пропп В. Я. Собрание трудов. Русская сказка. М., 2000. С. 9.

¹³ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. М., 1865 (репринт М., 1994). Т. 1. С. 54.

Первые исследователи сказок считали, что существовала некая единая индоевропейская основа, из которой происходят все сказки, подобно тому как признается в науке существование единой прародины европейских языков. Этот некогда единый пранарод, говоривший на одном языке и имевший общие мифы, ставшие основой для сказок, расселился со временем, и образовались отдельные народы, чьи языки (и сказки) хотя и отличны друг от друга, но сохраняют черты прежнего родства. Именно поэтому сказки разных народов имеют общие сюжеты и мотивы, но излагаются по-разному, в зависимости от характера рассказывающего их народа.

Компаративисты (к ним относятся немецкий ученый Т. Бенфей, чешский – Й. Поливка, русский – А. Н. Веселовский, финский – А. Аарне) искали совпадения в восточных и европейских сказках, исторические соответствия в их сюжетных построениях, именах героев, мотивах и образах. Сопоставлялись сказки самых разных народов, проводились соответствия, делались попытки выявить первоначальную основу, а главное, – найти древнейший первоисточник каждой сказки. Чаще всего его находили на Востоке, особенно в Индии, иногда в древнем Египте, реже в Европе.

Поиск первоначального источника и затем путей распространения сказки в европейских и других странах составляли основу научных исследований сторонников данного направления. В сущности, в основе его лежит идея заимствования: согласно ей большинство народов просто усвоили чужие сюжеты, пришедшие к некоторым из них достаточно поздно. Однако в трудах лучших исследователей отмечается тот факт, что подобное заимствование не могло быть механистическим: «Усвоение пришлого сказочного материала немислимо без известного предрасположения к нему в воспринимающей среде. Сходное притягивается сходным, хотя бы сходство было и неабсолютное... С этой точки зрения в каждой сказке должно быть и свое и чужое, теория заимствования подает руку теории самозарождения»¹⁴. То есть с одной стороны, должен был проводиться отбор сказок, наиболее близких данному народу, а с другой – их творческая переработка в соответствии с особенностями национального характера.

В рамках антропологической школы складывается теория о единой бытовой и психологической основе самозарождения сказочных сюжетов (широкое распространение получила прежде всего в Англии, ее основателем считается Э. Тэйлор). Изучив сказки народов всего мира, ученые пришли к выводу, что ни единая первооснова, ни заимствования не играют никакой роли в том, что народы, проживающие в разных уголках планеты, имеют схожие сказочные сюжеты. По их мнению, дело просто в человеческой психике, законы которой едины для всех народов.

Согласно теории Тэйлора, все народы проходят одинаковый путь развития. Причем развитие идет эволюционным путем – от менее совершенного к более совершенному. «Совершенными», естественно, являются так называемые цивилизованные государства, т. е. в первую очередь европейские и американские, а «несовершенными» – дикари, живущие племенным сообществом. Таким образом, для того чтобы узнать, как выглядели европейские народы в древности, надо отправиться куда-нибудь к островам Полинезии или в глубину африканского континента и понаблюдать за поведением и обрядами живущих там народов.

Схожего направления придерживалась и возникшая после революции советская теория стадийного развития, ее активным пропагандистом был В. Пропп (заметим, кстати, что более поздняя советская и современная российская фольклористика предусмотрительно вообще предпочитали избегать темы происхождения сказок). Конечно, советские исследователи основывались на исторических концепциях классиков марксизма-ленинизма и отмежевывались от идеалистических концепций Тэйлора. «Отличие этих работ от английских состоит в том, – писал Пропп, – что сходство сказок объясняется не единством человеческой психики, а ее закономерной связью с формами материального производства, ведущими к одинаковым или

---

¹⁴ Веселовский А. Н. Собрание сочинений. Т. 16. М.–Л., 1938. С. 221.

сходным формам социальной жизни и идеологии»¹⁵. Сравнение русских народных сказок с мифами народов майя, верованиями папуасов Новой Гвинеи, сказаниями индейцев племени тлинкит или вадджага, легендами острова Фиджи и т. д. забавно, впечатляет эрудицией и широтой знаний, хотя и представляется натянутым и бесперспективным.

Все эти школы и направления не дают окончательного ответа о происхождении сказок. Вместе с тем все они подтверждают возможность изучения сказок с точки зрения национальных характеров. Если источник сказок был единым, а потом они получили национальное наполнение, значит сопоставление вариантов, существующих в разных странах, дает возможность изучать национальные отличия. В случае заимствования ситуация не меняется: какие сюжеты заимствовались, как преобразовались характеры, образы и ситуации на иной почве, и здесь сравнение даст возможность выявить национальные черты. Если же похожие сказки возникали независимо друг от друга, то и в этом случае различие между ними демонстрирует особенности психического склада того или иного народа. В любом случае очевидно, что именно сказки, по каким бы то ни было причинам единые в своей основе, дают богатый, яркий и наглядный материал для изучения национальных характеров. В этом их огромное значение при изучении различных народов, особенно тех, у которых популярность и широкое распространение сказки сохранялись на протяжении многих веков и продолжают сохраняться. К их числу относится и русский народ.

Итак, популярность различных сюжетов в разных странах, герои и другие персонажи, ситуации, в которых они оказываются, – все это отражает национальные особенности тех народов, которые эти сказки рассказывают. Не случайно веселая сказка о трех поросятах, которые строят себе домики из соломы, хвороста и кирпичей, родилась в Англии, так же как и поговорка «Мой дом – моя крепость». В стране, где концепция дома занимает ключевое значение в культуре и характере, поросенок, построивший дом из кирпича, не мог не стать героем сказки. А дети получают с детства урок – когда строишь дом, ничего не жалеешь для этого, он не должен быть из соломы или хвороста, а самым что ни на есть прочным и настоящим.

Другой пример. Английская сказка «Дочь морского царя» рассказывает о морской девице, которая, как и ее братья и сестры, раз в год сбрасывала тюленью шкурку и становилась прекрасной девушкой. Случайно ее увидел и полюбил рыбак, который украл ее шкурку. Не имея возможности вернуться в море, дева была вынуждена выйти за него замуж. Они прожили долгую жизнь на берегу моря, родили много детей, но однажды дева (напомним, теперь уже жена и мать) нашла свою старую шкурку. Страшно обрадовавшись и ни минуты не раздумывая, она надела ее на себя и уплыла в море. Щемящей нотой (для русского читателя) жалости к оставленной ею семье заканчивается сказка: «Только раз она оглянулась на домик, где хоть и жила против воли, но все же познала маленькое счастье. Шумел прибой, на сушу катились волны Атлантического океана, и пена их окаймляла берег. За этой пенной каймой стояли несчастные дети рыбака. Дочь морского короля видела их, но зов моря громче звучал у нее в душе, чем плач ее детей, рожденных на земле. И она плыла все дальше и дальше и пела от радости и счастья»¹⁶. Трудно представить такого рода «счастливый конец» для русской сказки, в которой незыблемы семейные устои, а тем более все, что связано с материнством. Но у англичан с морем особые отношения, и зов моря, его притяжение им понятны и близки.

А вот как выглядит вариант подобной сказки на русской почве¹⁷. В ней тоже участвует дочь морского царя – Василиса Премудрая. Ее одежду похищает герой, она вынуждена отстать от своих сестер. Но на этом сходство с английской сказкой заканчивается. Василиса сама пред-

¹⁵ *Пропи В. Я.* Русская сказка. М., 2000. С. 183.

¹⁶ Английские народные сказки / Сост. и пер. Н. Шеришевской. М., 1957. С. 108.

¹⁷ Пересказ и цитирование сказок дается по: *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. В 3 т. Сер. «Литературные памятники». М., 1984. В скобках указывается номер сказки.

лагают Ивану-царевичу стать ее мужем, раз уж он похитил ее рубашку, видимо увидев в этом некий перст судьбы. Потом помогает ему выполнить задачи, которые ставит перед ним ее отец – морской царь. А когда его одолела тоска по родине, помогает ему бежать и сама бежит с ним к людям, хотя и знает, будучи Премудрой, что он ее там забудет. В русском варианте не свободная дочь морской стихии бросает своего земного мужа (а заодно и детей), как это было в английском варианте, а царевич забывает о морской царевне от радости, что вернулся на родину, на «святую Русь». «Пришел Иван-царевич во дворец, – рассказывает сказка, – увидели его родители, бросились ему на шею и стали целовать-миловать его; на радостях позабыл Иван-царевич про Василису Премудрую»¹⁸. Только любовь, преданность и сила его возлюбленной соединили героев, так что они «стали все вместе жить да поживать да добра наживать».

Итальянские сказки отражают особенности итальянской жизни. Искусство сопровождает итальянцев всю их жизнь. Поэтому естественно, что ни у какого другого народа нет такого обилия сказочных сюжетов, в которых участвуют произведения искусства, прежде всего статуи. В итальянских сказках герои магическими чарами превращаются в статуи, влюбляются в статуи и стремятся их оживить, получают советы от статуй, становятся статуями в наказание. Иногда статуи защищают своих создателей. В сказке «Тайна Флорио» бесчестный скульптор Фабиано присваивает себе шедевры, которые создает его подмастерье Флорио. Он подписывает свое имя на статуях, и все окружающие восхищаются его твореньями. Связанный словом, Флорио молчит и продолжает ваять прекрасные статуи. Так продолжается до тех пор, пока сами статуи не решают восстановить справедливость. В доме Фабиано собираются гости, чтобы восхититься новым шедевром. И тут происходит неожиданность:

«И вдруг статуя заговорила. Она не сделала ни одного движения. Только чуть приоткрыла изогнутые, словно лук стрелка, губы. Статуя сказала:

В тиши ночей медлительный резец

Меня из камня вывел к свету.

Не Фабиано, нет, мне Флорио отец,

Безвестный Флорио, хоть он молчит об этом.

Произнеся эти слова, статуя сомкнула губы. Но тут гневными голосами закричали другие статуи, ее сестры и братья: «Сотрите с нас неслыханный позор! Нас создал Флорио! А Фабиано – вор!» После такого позора Фабиано остается только бежать, а Флорио – купаться в лучах заслуженной славы.

Итальянский фольклор содержит небывалое количество сюжетов, посвященных преобразованиям и превращениям. Конечно, и в русских сказках есть свои царевны-лягушки и финисты – ясные соколы, на то они и сказки, чтобы происходили чудеса, но в итальянских их несравнимо больше, чем в каких-либо других. Практически в каждой все выглядит не тем, что есть на самом деле: апельсины оказываются прекрасными девушками, грязный поросенок – принцем, мальчик – рыбой. Еще Древний Рим проявил особый интерес к этой теме. Овидий собрал вместе все мифологические истории (их около 250), в которых происходят преобразования, и назвал свое собрание «Метаморфозы». Люди в них во что только не превращаются – в животных, растения, созвездия и камни.

Полтора столетия спустя другой римский писатель, Апулей, написал роман «Метаморфозы», или «Золотой осел», в котором главный герой превращается в осла и в таком обличьи участвует в разного рода приключениях, в том числе и эротических (не случайно ведь юный Пушкин «читал охотно Апулея, а Цицерона не читал»).

Это литературное произведение содержит прекрасную народную сказку-легенду об Амуре и Психее (так же как наш фольклорный «Аленький цветочек», записанный писателем Аксаковым). Оба произведения, безусловно, имеют общую основу и несомненное сходство.

¹⁸ Там же.

В древнеримском варианте главная проблема Психеи – ее красота и доверчивость, враги – богиня Венера и завистливые сестры, спасение приходит от высшего божества Зевса, которого уговаривает влюбленный Амур. По воле богов ее отправляют в загадочный дворец, где живет невидимый дух, который немедленно вступает с ней в интимную связь. Когда, подзуживаемая сестрами, она освещает его лицо во время сна, он оказывается самым красивым юношей на свете – Амуром. Основа любви здесь – красота, спасение героев – в руках богов.

В русском варианте героиня сама напрашивается на неприятности, мечтая о таинственном аленьком цветочке. Хозяин дворца (трудно представить себе, чтобы они, как в случае с Психеей и Амуром, оказались в одной постели в первую же ночь) действует уговорами и разговорами, пробуждает жалость, завоевывает чувства девушки умом и порядочностью. Герой при свете дня оказывается настоящим чудовищем, и именно его любит нежное сердце героини. Основа любви здесь – судьба, суженость, вечный принцип русской женщины «хоть плохонький, но свой», спасение же героев – в преданности и стойкости. Только сестры в сказках разных народов завистливые и злые.

То особенное место, которое итальянский карнавал, с его традицией переодевания, масками, театральностью и игровой культурой, занимает в итальянском мире, отражено и в сказках. Сюжеты некоторых из них посвящены переодеваниям, когда персонаж становится тем, во что он одет. В известной сказке о генерале Фанта-Гиро в трудную для страны минуту младшая дочь короля, у которого не было сыновей, идет на войну. Ее старшие сестры не смогли переломить свою женскую натуру и не пошли воевать. Фанта-Гиро решает стать настоящим генералом. Для этого она прежде всего одевается соответствующим образом: «Она надела доспехи, подобрала длинные косы под шлем, опоясалась мечом да еще прибавила два пистолета. Генерал получился хоть куда»¹⁹. Одежда и звание диктовали и поведение. Ее противник-король, чутьем понимая, что перед ним девушка, никак не мог ее подловить. И оружие ее привело в восхищение, и ветку жасмина она по-мужски засунула за ухо, и лопот хлеба по-солдатски маханула на весу. Переодевшись, она настолько вошла в роль, что узнать в ней девушку было невозможно, она ощущала себя генералом и вела себя как генерал. Только вернувшись в женское платье, женской ревностью и слезами разоблачила она себя.

Показательные результаты дает сравнение двух сказок с общей основой: немецкой «Метелица» и русской «Морозко». «Морозко» вообще является очень характерной для русской культуры сказкой и не только потому, что связана с морозной снежной темой, которую традиционно считают очень русской. Русскость ее гораздо глубже. Сюжет ее прост: живут дед с бабой и дочерьми, старшая – падчерица, нелюбимая мачехой и сестрами. Надоела она бабе своей красотой, послушанием и прилежанием, и велела мачеха деду отвезти ее в лес и оставить под сосной. Дело было в разгар зимы, так что судьба девушки была predetermined. Вот как описывает сказка дальнейшие события: «Девушка сидит да дрожит; озноб ее пробрал. Хотела она выть, да сил не было: одни зубы только постукивают. Вдруг слышит: невдалеке Морозко на елке потрескивает, с елки на елку поскакивает да пощелкивает. Очутился он и на той сосне, под коей девица сидит, и сверху ей говорит: “Тепло ли те, девица?” – “Тепло, тепло, батюшко-Морозушко!” Морозко стал ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать. Мороз спросил девицу: “Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная?” Девица чуть дух переводит, но еще говорит: “Тепло, Морозушко! Тепло, батюшко!” Мороз пуше затрещал и сильнее защелкал и девице сказал: “Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная? Тепло ли те, лапушка?” Девица око-стеневала и чуть слышно сказала: “Ой, тепло, голубчик Морозушко!”» После этого Морозко награждает девушку дарами, и она благополучно возвращается домой.

Завистливая мачеха решает отправить и своих дочерей за вознаграждением. Сели они под деревом, а мороз страшный, холодно, мерзнут. «Морозко все ближе да ближе; наконец

¹⁹ Итальянские сказки цит. по: Итальянские народные сказки в пересказе Н. В. Гессе и З. М. Задунайской. Л., 1959.

очутился на сосне, над девицами. Он девицам говорит: “Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные? Тепло ли, мои голубушки?” – “Ой, Морозко, больно студено! Мы замерзли, ждем суженого, а он, окаянный, сгинул” Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать и чаще пощелкивать. “Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?” – “Пооди ты к черту! Разве слеп, вишь, у нас руки и ноги отмерзли”. Морозко еще ниже спустился, сильно приударил и сказал: “Тепло ли вам, девицы?” – “Убирайся ко всем чертям в омут, сгинь, окаянный!”» – и девушки окостенели. Наказал их Морозко до смерти.

Интересна реакция иностранных студентов на просмотр этой сказки в учебных целях (она была экранизирована в 1960-е гг.). Они никак не могли понять, в чем ее смысл. Одна девушка говорит неправду, обманывает старика и получает богатство. Другая – честная и искренняя, ей холодно, она так и говорит. А ее за это наказывают. Разве не загадочна эта русская душа?

Кстати, в начале 1990-х гг. на волне всплеска интереса к России фильм «Морозко» был переведен на английский язык и выпущен в Америке. Результат неожиданный и непредсказуемый – он оказался в числе 100 худших фильмов всех времен и вызвал жаркую дискуссию в Интернете, которая не прекращается по сей день²⁰. «Ужасный, отвратительный фильм», «наркотический бред», «никогда не смотрите его», «ничего нельзя понять в сюжете», «неудивительно, что мы выиграли холодную войну, если русские любят такие фильмы» – таковы комментарии американских зрителей. Начиная с 2000 г. к обсуждению горячо подключились российские и европейские пользователи Интернета, утверждающие, что только американцы, считающие весь мир одним большим Макдоналдсом, могли не понять эту прекрасную сказку (это далеко еще не самое обидное из высказываний). Словом, разгорелся настоящий конфликт культур.

Действительно, на первый взгляд в сказке отсутствует логика. Но русскому читателю, слушателю или зрителю понятно, что героиня сказки «Морозко» скромная, тихая, кроткая, т. е. воплощает любимые народные качества. Она не хочет утруждать своими проблемами пожилого человека, принимает свою судьбу такой, как она есть, не ропща и не жалуясь. Ее правда – в терпении и смирении. А мачехины дочери – эгоистки, думают только о том, что им холодно, шумят и ругаются, обзывают грубыми словами старика и не заслуживают снисхождения.

Совсем другие ценности мы находим в немецком аналоге «Метелица». В ней сразу появляются логика и рациональность. Русские сказки любят нелогичные и необъяснимые действия – жила себе падчерица, потом вдруг, безо всяких объяснений, ее отправляют умирать в лес, и все, хотя и огорчившись, понимают и принимают эту ситуацию. В немецкой сказке тоже нелюбимая падчерица совершает все-таки в начале пусть небольшой, но проступок – роняет веретено в колодец. Ухватившись за этот предлог (он все-таки нужен!), мачеха велит ей достать веретено из колодца. Неожиданно в колодце девушка встречает старушку, которая предлагает ей немного у нее пожить и поработать.

Девочка была прилежна и трудолюбива: «Она очень старалась угодить Метелице своей работой и взбивала перину так, что пух летел вокруг, будто снежные хлопья. Старушка любила прилежную девочку, всегда была с ней ласкова, и девочке жилось у Метелицы гораздо лучше, чем дома». Когда же она собралась все-таки вернуться домой, старушка наградила ее – полила золотым дождем.

Далее, как и в русском варианте, мачеха отправляет родную дочку за приданым. Та ныряет в колодец, встречает старушку: «Вот и стала ленивица жить у бабушки Метелицы. В первый день она еще скрывала свою лень и делала, что ей велела старушка. Уж очень хотелось ей получить награду! Но на второй день она начала лениться, а на третий даже встать утром с постели не захотела, она совсем не заботилась о перине Метелицы и взбивала ее так плохо,

²⁰ Интересующиеся могут познакомиться с ней на сайте www.imdb.com

что из нее не вылетало ни одного перышка. Бабушке Метелице очень не понравилась ленивая девочка»²¹. В результате последовало наказание – лентяйку облили смолой, и она стала замарашкой.

В немецких сказках на первый план выходит труд как мерило ценностей. Хороший человек – тот, который хорошо трудится, а зло воплощено в лени. Хорошая девочка в немецком варианте трудолюбива и чистоплотна, она проходит испытание трудом (в русском варианте испытывают холодом на терпение и скромность). А плохая девочка – лентяйка и грязнуля, ничего не может и не хочет делать, за что и наказывается. И наказание вполне характерное – она становится на всю жизнь замарашкой и не может смыть с себя грязь. Что может быть неприятнее для немцев с их традиционным культом чистоты!

Французские сказки лучше всего известны в пересказе Шарля Перро. Конечно, они подверглись литературной обработке и отошли от первоначального народного оригинала. С другой стороны, несомненно, Перро отобрал наиболее популярные и понятные французскому читателю истории, так что их можно считать вполне представительными для французской культуры. Сказка «Ослиная шкура» начинается вполне традиционно: жили-были король с королевой, любили друг друга, но не было у них детей. Тогда они взяли на воспитание дочь своего умершего друга и полюбили ее как родную. Здесь все понятно и просто. Но дальше начинаются неожиданности. Королева умерла, и король очень сильно затосковал, потому что очень любил ее. Он и слышать не хотел ничего о новой женитьбе, пока ему не указали на его воспитанницу. Тут король потерял голову и стал вести себя совершенно неразумно, силой принуждая девушку выйти за него замуж. Охваченный страстью, он из хорошего доброго персонажа превратился в главного гонителя и преследователя. Подобного рода «греховная страсть» к своей почти дочери крайне редко встречается в русских вариантах.

Обращение девушки к тетке-волшебнице и следование ее советам не привело ни к каким результатам, кроме получения трех прекрасных платьев, цвета неба, луны и солнца, которые девушка предусмотрительно захватила с собой, убегая от короля. Такой практицизм также слегка шокирует русского читателя, привыкшего к сказкам, в которых героини всегда бескорыстны. Обернувшись она, правда, в шкуру убитого по ее просьбе осла, чтобы ее никто не узнал и не поймал. Платья ей все жегодились – в тот момент, когда она, скинув шкуру, примеряла одно из платьев, чтобы полюбоваться собой, ее увидел во всем великолепии королевич, влюбился и в конце концов женился. В русских сказках очень силен принцип «Полюбите нас грязненькими, а чистенькими нас каждый полюбит», а красота и великолепие невесты являются в конце наградой за любовь.

Национальные особенности заметны и во французской сказке «Рике с хохолком». Ее герой некрасив, но очень умен. Две сестры, королевны из соседней страны, родились одновременно, но совсем непохожи друг на друга: одна – прекрасная лицом, но совершенно глупая, другая – умная, но некрасивая. Казалось бы, ожидаешь некоего любовного треугольника с вытекающей финальной моралью, что красота – это не так важно по сравнению с умом и хорошим характером. Именно к этому, скорее всего, и пришла бы русская сказка. Во французской качества характера героинь вообще не упоминаются, а вот красота и ум имеют решающее значение. И определяющее. Вполне логично и объяснимо (хотя и не законам русской сказки) герой предпочитает красавицу, подарив ей частицу своего ума, а красавица выходит замуж за умника, предварительно убедившись, что он похорошел благодаря волшебству. Совершенно в стороне остается некрасивая, но умная героиня, ее полностью затмевает поумневшая красавица-сестра. Русский читатель, тайно сочувствуя некрасивой умнице, все ждет, что ее как-то наградят. Но нет – торжествует красота. А некрасивая сестра постепенно озлобляется от зависти (это остается за пределами сказки, но как-то напрашивается всей логикой повествования).

---

²¹ Братья Гримм. Госпожа Метелица. М., 2005. С. 7.

Наконец, интереснейший материал для исследователя национальных характеров дают русские сказки, возникшие на основе заимствования из иностранных литературных произведений. XVII и XVIII вв. познакомили русского читателя с разнообразной переводной литературой. Часть сюжетов переводных повестей проникла в сказочные народные повествования. При этом иностранные сюжеты прошли тщательные отбор на соответствие национальным идеалам, а отобранные трансформировались на русской почве порой до неузнаваемости. Так, в XVII в. по всей Западной Европе в переводах распространился роман о Тристане и Изольде. Успех его был огромен. А в России история о роковой любви популярность в народе не приобрела, хотя и была переведена в то же время на русский язык. Страсть, да еще и с подтекстом измены, не отвечала народным идеалам.

Совсем другой была судьба повести о Бове-королевиче. Появившись в средневековой Франции, она стала популярна и в Европе, и в России. Через многочисленные рукописные и печатные издания, распространившиеся в России, проникла она и в народную сказку. Однако претерпела важные изменения. В оригинале Бова – сын князя Гвидона, которого убивает жена, чтобы выйти замуж за князя Додона (имена героев заставляют вспомнить сказки Пушкина, в которые, кроме имен, ничего особенно и не перешло). Сын ей мешает, он вынужден бежать. После странствий он оказывается конюхом у короля, дочь которого Дружна пленяется исключительной красотой Бовы (помимо всего прочего, у него еще и золотые волосы). Главное в романе – битвы, которые выигрывает непобедимый красавец Бова. Он спасает всех, включая отца Дружны, и в конце концов завоевывает свою принцессу.

В русском сказочном варианте, а отголоски повести встречаются в самых разных сказках, Бова не участвует ни в одной битве. Этот элемент полностью исчезает, так же как и во многих случаях красота Бовы, о его внешности просто нигде не упоминается. Иногда только неожиданно, к концу повествования, обнаруживаются его золотые волосы. Таким образом, русская версия в обобщенном виде выглядит так: Бова (часто под другим, русифицированным именем) бежит от преследований матери и отчима, попадает к царю в качестве слуги, конюха или садовника, привлекает внимание дочери царя – иногда прекрасным садом, который вырастил, иногда необычными для слуги речами и поведением, а чаще всего просто так, немотивированно, – открывается ей в своем благородном происхождении, проходит испытания и женится. Отсутствие мотивировки в любви и браке – излюбленная тема русских сказок, считающих судьбу определяющим фактором в этих вопросах.

Таким образом, сказки играют двойственную роль: с одной стороны, они отражают национальный характер, дают возможность судить о распространенных в народе идеалах, своими сюжетами, героями, моралью отражают национальные представления о мире, о людях, о том, что такое хорошо, а что такое плохо. С другой стороны, именно сказки в значительной степени этот характер и формируют, с детства закладывая в сознание основные жизненные идеалы и приоритеты. Важной особенностью сказок является их вневременность – зародившись в древности, подвергаясь изменениям и наслоениям, в зависимости от исторической эпохи, они пронесли неизменными через века именно базовые важнейшие особенности русской культуры в широком смысле этого слова. То же самое относится и к местным вариантам, и к различным социальным и возрастным группам. Сказки объединяют русский мир в некое единое целое – вне зависимости от времени, пространства, социального статуса или возраста рассказчика и слушателя. Они являются великим объединителем русского (так же советского и российского) народа.

Бытование сказки в России

Существует множество свидетельств распространенности сказки в России. Во-первых, наличие специального термина – сказка. Из всех главных европейских языков только в русском и немецком существует специальное слово для этого явления. Во-вторых, существование огромного количества сказочных сюжетов и их вариантов, которые были записаны за последние 200 лет. В-третьих, серьезное и обстоятельное научное изучение сказок, начавшееся еще в XIX в., здесь русских исследователей опередили (по времени, а не по числу работ и концепций), пожалуй, только немецкие ученые. Наконец, об этом говорит и широкая популярность сказок, сохранившаяся в русском обществе до сегодняшнего дня. В большинстве стран они к настоящему времени стали анахронизмом и материалом для ученых трудов по фольклору. В России они сохранили свое значение, адаптировавшись и приняв новые формы – кино, мультфильмы, видео, сегодня они приспособились и к компьютеру. Но большая часть сказок по-прежнему рассказывается или читается детям, как и когда-то, их бабушками и мамами. Может быть, именно поэтому столь велико доверие к сказкам!

Трудно найти какую-либо конкретную причину столь широкого распространения и долговечности бытования сказок в России. Здесь сыграл свою роль тот факт, что Россия длительное время оставалась крестьянской страной, а крестьянство наиболее привержено традиционным формам фольклора и, связанное с землей и природой, дольше других сохраняет веру в чудо. Важно и то, что русский народ привык работать и отдыхать сообща, а хорошо известно, что сказка была популярна во время коллективных работ и посиделок. Несомненное значение имеет тот факт, что письменное слово долгое время было привилегией исключительно духовной литературы, а светская книга получила широкое распространение в стране довольно поздно. Размер страны также способствовал сохранению старых традиций времяпровождения, не случайно в поздний период, с конца XIX в., центр собирания и распространения русской сказки перемещается в Сибирь, куда, конечно, разного рода развлечения доходили медленнее и в меньшем количестве, чем это было в Центральной России.

Нельзя не упомянуть о высоком художественном значении народных сказок, наполненных замечательными поэтическими образами. Как прекрасно и точно описание течения дня. Шла девушка к бабе-яге, встретила по дороге трех всадников: белого, красного и черного. Удивилась она, решила бабу-ягу расспросить: «Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде: кто он такой?» – «Это день мой ясный», – отвечала баба-яга. «Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет: это кто такой?» – «Это мое солнышко красное!», – отвечала баба-яга. «А что значит черный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?» – «Это ночь моя темная – все мои слуги верные!»

Трудно забыть и многочисленные заговоры, присказки, стихотворные формы, которыми наполнены сказки. Плачет братец-козленочек:

Аленушка, сестрица моя!
Меня хотят зарезати;
Костры кладут высокие,
Котлы греют чугунные,
Ножи точат булатные!

И конечно, сказки продолжают оставаться кладезем и хранилищем народной мудрости: «утро вечера мудренее», «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», «не желай богатства, пожелай жену мудрую», «много будешь знать, скоро состаришься» и т. д. Это уже не просто национальная, а житейская мудрость.

То, что сказки всегда были распространены в первую очередь в народной среде, не вызывает сомнения, хотя письменных свидетельств этому практически не сохранилось. Об этом говорят персонажи – преимущественно крестьянские сыны или солдаты, подробности крестьянского быта, сохранившиеся в сказках, а превращение в конце сказки в царского зятя и безбедная жизнь лишней раз свидетельствуют о бедности рассказчиков и их слушателей, мечтавших о несбыточном. Письменные же источники свидетельствуют о том, что сказки были распространены повсеместно, вплоть до царских палат.

Известно, что царь Иван Грозный очень любил сказки и без них плохо засыпал. По свидетельству двух немцев Иоганна Таубе и Элерта Крузе, находившихся при царском дворе и пользовавшихся (совершенно напрасно) доверием грозного царя, именно так проводил вечера Иван Васильевич. Они наблюдали это в Александровской слободе. Сначала царь посещает вечернюю молитву. «После этого идет он ко сну в спальню, где находятся три приставленных к нему слепых старика; как только он ложится в постель, они начинают рассказывать ему старинные истории, сказки и фантазии, за одной другой. Такие речи, согласно его природе или постоянному упражнению, вызывают его ко сну...»²²

Рассказывание сказок было тогда делом повсеместно распространенным. Историк русского быта Иван Забелин полагал, что это было типично не только для особ царского звания: «Мы полагаем, что это была общая привычка старинных русских людей и царь Иван Васильевич является в этом отношении только сыном своего века»²³.

Дошли до нас и имена находившихся при дворе царя Михаила Федоровича Романова сказителей, или, как их тогда называли, «бахарей» (видимо, от слова «баять» – рассказывать): Клим Орефин, Петр Сапогов, Богдан Путята или Путятин²⁴. Документы сообщают о щедрых дарах, которыми жаловал царь своих бахарей, что говорит о том, как высоко ценил он их искусство.

В XVIII в., несмотря на серьезные изменения в жизни и быте российского дворянства, сказку продолжали слушать и любить повсеместно. Так, в знаменитых мемуарах А. Т. Болотова упоминается об особом увлечении фельдмаршала С. Ф. Апраксина сказками: «На походе, – сообщает мемуарист, – Апраксин помещался в огромных калмыцких кибитках, убранных кошами и коврами. Адьютанты и ординарцы, вызываемые к нему ночью, заставляли своего фельдмаршала утопающим в пуховиках, а в головах за столиком сидел солдат-гренадер и рассказывал ему во все горло сказки для успокоения душевного на сон грядущий»²⁵.

С конца XVIII в. происходят важные изменения в духовной жизни страны – начинается все нарастающий процесс широкого распространения светской книги в русском обществе, проникшей и в народную среду. Печатная книга перестает быть дорогой редкостью, она становится доступной каждому. В XIX в. возникают издательства, занимающиеся выпуском книг для народа – интересных и дешевых. Книга начинает теснить устное народное творчество.

Одновременно с этим происходят и другие изменения, жизнь русской деревни разнообразится, появляется больше развлечений и возможностей провести свободное время. Открываются библиотеки, в провинциальных городах появляются театры, в том числе и народные, развиваются средства коммуникации, путешествие становится более доступным. Конечно, не стоит преувеличивать масштаб подобных изменений: крестьянин по-прежнему в первую очередь связан с землей и сельскохозяйственным трудом, походы в театр и путешествия не являются для него делом обыкновенным. Но все-таки сказка начинает постепенно терять свое значение даже в крестьянской среде.

²² Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Кн. 8. 1922. С. 40.

²³ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Ч. II. М., 2000. С. 280.

²⁴ Там же. С. 281.

²⁵ Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII вв.). Л., 1971. С. 12.

По мере проникновения образования в крестьянскую среду сказок начинают стесняться. Корреспондент Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева сообщал из Владимирской губернии: «Взрослые сказок не любят и говорят, что это одно баловство. Считается, что дети зря обувь носят, если в школе задают на дом учить сказки. Сами дети сказки любят...»²⁶ С одной стороны, понять крестьянина можно – сказки детям и дома расскажут, в школу он ходит за наукой. С другой стороны, очевидно, что перед городским человеком, задающим вопросы о крестьянской жизни, надо выглядеть прилично, Владимирская губерния в самом центре страны, не какое-нибудь захолустье. В этом большая проблема всех такого рода опросов – правду ли говорят или покрасоваться хотят, мол, мы тоже знаем, что сказки – это для детей, самим взрослым людям в любви к ним признаваться неловко.

В дворянской среде все эти процессы были еще более масштабными. В XIX в. разрыв между народной крестьянской и дворянской культурой все возрастал. С распространением печатной художественной литературы, иностранных языков и книг в России дворянство и вообще образованная часть населения практически полностью отошла от фольклора. Если в допетровскую эпоху даже цари развлекались, слушая вечерами сказочников, то к началу XIX в. не самый «знатный» дворянин, в плане происхождения и крови, А. С. Пушкин пишет о «недостатках проклятого своего воспитания», которое было лишено сказок.

И в этот момент сказка в очередной раз демонстрирует свою «живучесть». Во-первых, ее начинают записывать и издавать в виде лубочных изданий для народа, отдельных книг, целых научных собраний. Из бесконечно подвижной и изменчивой формы сказка превращается в более статичную. Теперь ее не только рассказывают, но и читают.

Во-вторых, сказочные сюжеты проникают и в художественную литературу. Самые знаменитые – сказки А. С. Пушкина. Используя традиционные народные темы и персонажей, Пушкин придал им блестящую поэтическую форму, показав пример гениального сочетания народного творчества и «высокой» литературы. Пушкин гордился своими сказками. На рукописи «Сказки о рыбаке и рыбке», которую он подарил В. И. Далю (тот свои сказки публиковал под псевдонимом Казак Луганский), поэт написал: «Твоя от твоих! Сказочнику казаку Луганскому – сказочник Александр Пушкин». Интересно, что сказки Пушкина пользовались успехом и в крестьянской среде. Данные Этнографического бюро свидетельствуют об этом. «Сказки Пушкина знают даже безграмотные старухи», – писал корреспондент бюро из Ярославской губернии. А вот сказки Л. Н. Толстого, написанные специально для народа, успеха не имели. Многие крестьяне запрещали детям читать такие сказки: «К чему пригодны такие книжки? В них только и говорится, что про чертей»²⁷.

В. А. Жуковский, П. П. Ершов, В. И. Даль, М. Ю. Лермонтов, даже императрица Екатерина II и многие другие писали сказки. Таким образом, сказка адаптировалась к новым условиям, круг ее читателей расширился, разнообразился. Она по-прежнему соответствовала вкусам русского человека, вне зависимости от его положения и состояния.

Некоторых такого рода приземленный и простой вкус огорчал и как-то обижал. Писатель А. Е. Измайлов в своем романе «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания», вышедшем в самом начале XIX в., писал: «Прочти деревенскому дворянину, который не выезжал из села своего и проводил в нем все время с одними псарями и девками, прочти ему Хераскова “Россияду”, он многого не поймет в ней, но сражения богатырей ему понравятся, и, может быть, нелепая сказка одержит в его уме преимущество над бессмертной поэмой»²⁸. История показала, что именно «нелепая сказка» оказалась бессмертной и уж точно долговечнее поэм Хераскова.

²⁶ Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1993. С. 166–167.

²⁷ Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 305.

²⁸ Цветок папоротника. Сказки русских писателей XVII–XX веков. М., 1990. С. 8.

Сказка продолжала существовать и в традиционной устной форме. Даже в дворянской среде увлечение ей продолжалось. С. Т. Аксаков с большой любовью вспоминал о ключнице Пелагее, которая ввела его в мир сказок. В автобиографической повести «Детские годы Багрова-внука» он описывает свое знакомство с Пелагеей и ее сказками: «По совету тетушки, для нашего усыпления позвали один раз ключницу Палагею, которая была великая мастерица сказывать сказки и которую даже покойный дедушка любил слушать. Пришла Палагея, не молодая, но еще белая, румяная и дородная женщина, помолилась Богу, подошла к ручке, вздохнула несколько раз, по своей привычке всякий раз приговаривая: “Господи помилуй нас, грешных”, села у печки, подгорюнилась одною рукой и начала говорить, немного нараспев: “В некиим царстве, в некиим государстве...”»²⁹ Аксаков вспоминает, что сказки захватили его целиком и полностью, из-за них он был готов забыть обо всем до такой степени, что его заботливая мать даже на какое-то время запретила их ему рассказывать. Уже взрослым он вспомнил Палагею с ее сказками и записал чудесную сказку «Аленький цветочек».

А как прекрасно описывает И. А. Гончаров значение сказок в жизни его героя дворянина Ильи Обломова, их роль в воспитании и формировании его доброй, романтической, жалостливой и такой боязливой натуры. Особенно привлекательна для него тема чудес, когда можно так прекрасно жить, ничего не делая. К этому стремится его детская душа, об этом мечтает он и став взрослым. Сказка становится частью реальности, той мечтой, к которой стремится душа ребенка и взрослого. Сказки занимают важное место в жизни других обитателей Обломовки, старых и малых.

В уютной петербургской квартирке Обломова единственное, что хорошо делается, так это спится. И он видит сон про свое чудесное детство:

«...он в бесконечный зимний вечер робко жметя к няне, а она нашептывает ему о какой-то неведомой стороне, где нет ни ночей, ни холода, где все совершаются чудеса, где текут реки меду и молока, где никто ничего круглый год не делает, а день-деньской только и знают, что гуляют все добрые молодцы, такие, как Илья Ильич, да красавицы, что ни в сказке сказать, ни пером описать».

Там есть и добрая волшебница, являющаяся у нас иногда в виде щуки, которая изберет себе какого-нибудь любимца, тихого, безобидного – другими словами, какого-нибудь лентяя, которого все обижают, – да и осыпает его ни с того ни с сего разным добром, а он знай кушает себе да наряжается в готовое платье, а потом женится на какой-нибудь неслыханной красавице, Милитрисе Кирбитьевне.

Ребенок, наострив уши и глаза, страстно впивался в рассказ...

Нянька или предание так искусно избегали в рассказе всего, что существует на самом деле, что воображение и ум, проникшись вымыслом, оставались уже у него в рабстве до старости... Взрослый Илья Ильич хотя после и узнает, что нет медовых и молочных рек, нет добрых волшебниц, хотя и шутит он с улыбкой над сказаниями няни, но улыбка эта не искренняя, она сопровождается тайным вздохом: сказка у него смешалась с жизнью, и он бессознательно грустит подчас, зачем сказка не жизнь, а жизнь не сказка...

И старик Обломов и дед выслушивали в детстве те же сказки, прошедшие в стереотипном издании старины, в устах нянек и дядек, сквозь века и поколения...

И поныне русский человек среди окружающей его строгой, лишенной вымысла действительности любит верить соблазнительным сказаниям старины, и долго, может быть, еще не отрешиться ему от этой веры...

Сказка не над одними детьми в Обломовке, но и над взрослыми до конца жизни сохраняет свою власть. Все в доме и в деревне, начиная от барина, жены его и до дюжего кузнеца

²⁹ Аксаков С. Т. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. М., 1955. С. 495.

Тараса, – все трепещут чего-то в темный вечер: всякое дерево превращается тогда в великана, всякий куст – в вертеп разбойников».

Сказки продолжали жить и в русской деревне. Их рассказывали на посиделках, на постоянных дворах, во время коллективных работ, на досуге долгими зимними и осенними вечерами. Жила сказка в крестьянской семье, ее рассказывали детям, обучая их уму-разуму. Рассказывали их у костров «в ночном», в полевых станах, в пути. Сказочниками в этих случаях были сами односельчане, ремесленники, такие как, например, портные, переходившие от деревни к деревне, нищие, ямщики, няни, старики, на попечении которых оставляли детей. Особым местом была мельница, куда привозили зерно из окрестных сел и деревень и где иногда приходилось ждать своей очереди по нескольку дней. Мельник, умевший мастерски рассказывать сказки, мог рассчитывать на большее число клиентов.

Сказки процветали и там, где работали артелями. Здесь они сохраняли свое значение как вид устного творчества, пожалуй, дольше всего. Именно поэтому надолго задержалась устная сказка на Севере и в Сибири, среди охотничьих, рыболовецких, лесорубных и других артелей. На Печоре, по свидетельству известного собирателя сказок начала XX в. Н. Е. Ончукова, староста, составляющий артель, всегда стремится залучить в нее всеми мерами сказочника или «старинщика». А по свидетельству одного из молодых сибирских собирателей, в рыболовных артелях на Байкале сказочнику давали лишний пай и освобождали от целого ряда работ. «Человек, хорошо рассказывающий сказки, уже выше всей рыбацкой артели. Он – душа ее, источник светлых, бодрых настроений, которых так жаждет каждый человек и особенно рыбак, усталый после работы. По колено в воде, усталый, намокший, озябший, не всегда с хорошим уловом – он не падает духом, сидит далеко за полночь и слушает сказки, а рано утром окрик башлыка “по-дымайся!” заставляет его снова взяться за работу»³⁰.

Большой популярностью пользовались сказки в солдатской и казачьей среде. Их рассказывали в походах, на привалах, в минуты отдыха. В армии собирались люди из самых разных уголков России, и невольно происходил обмен сказочными сюжетами. Интересно, что участники Великой Отечественной войны свидетельствуют о том, что эта традиция сохранялась и на этой войне³¹.

В начале XX в. этнограф Е. Н. Елеонская отмечала: «Сказка до сих пор живет деятельной жизнью, она продолжает рассказываться, отражая в себе черты разной среды и разных эпох, она приноравливается ко времени и лицам, порою сохраняя старую тему, она является в обновленной форме и служит выражением настроения, воззрения данного момента»³².

Отдельно надо несколько слов сказать о рассказчиках-профессионалах, благодаря которым каждая сказка становилась неповторимой. Несмотря на устойчивость не только сюжетов, но и отдельных деталей повествования, словесных оборотов, присказок и прибауток, личность рассказывающего не могла не отражаться на изложении сказки. Сохранились сведения о подлинных мастерах своего дела.

Известный этнограф Д. К. Зеленин в начале XX в. записал сказки, рассказанные пермским сказочником А. Д. Ломтевым. Настоящими сказками Ломтев считал только старые традиционные волшебные. Зеленин писал о нем: «Ломтев относится к сказкам весьма серьезно. Мелкие рассказы и бытовые анекдоты он никогда не назовет сказками, а пренебрежительно – “побасенками”. Не любит он также сказок, в которых “много брызгу” (неприличного), и “Микулу-шута” рассказал мне лишь под веселую руку, да и то с извинениями: эта-де сказка – “только мужикам ржать” (хохотать)... Настоящими сказками Ломтев считает только те, в кото-

³⁰ Азадовский М. К. Русские сказочники // Русская сказка. Избранные мастера. В 2 т. / Ред. и коммент. М. К. Азадовского. Т. 1. М.–Л., 1932. С. 24.

³¹ Этнография восточных славян. М., 1987. С. 419.

³² Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России. Сборник трудов. М., 1994. С. 33.

рых подробно рассказывается о чудесных подвигах богатырей. Знанием таких именно сказок Ломтев гордится. Если в сказке нет настоящих богатырей, то должны быть, по крайней мере, цари, короли, генералы и вообще высокие лица: иначе сказка будет “мужицкою”»³³.

Известный собиратель и исследователь русской сказки М. К. Азадовский так описывал в дневнике сказочника, которого он встретил во время экспедиции в Бурятии в 1927 г.: «Там мне удалось познакомиться с великолепнейшим мастером-сказочником Д. В. Асламовым, который по богатству репертуара и уменью рассказывать, несомненно, войдет впоследствии в ряды наших лучших сказителей. Мне приходилось слышать от него сказки и одна-один, и в небольшой тесной группе, и в большой аудитории. Как мастер-исполнитель, он особенно развертывается, когда перед ним много слушателей. Рассказчик он превосходный. Он то повышает, то понижает голос, делает паузы, играет и жестикулирует. Он рассказывал Фомку-вора: когда Фомка-вор появляется перед слугами, переодетый губернатором, он кричит, топает ногами, хмурит брови. Когда выясняется безнадежная глупость губернатора и окружающие разъясняют ему ее, сказочник придает своему голосу увещательные и внушительные интонации. Отдельные подвиги и похождения он отмечает восклицаниями и вопросами: “Ага! Хорошо! Ловко! Вот как! Ловко сделано!” и т. д. Или наоборот замечаниями: “Вот дурак-то!”, “Ну чо же, смекалки-то не хватает”. Рассказывая, он все время находится в движении: оборачивается то в одну, то в другую сторону, иногда привстает с места, руками обозначает размеры, если приходится, например, говорить о величине, росте, вообще, размерах чего-нибудь или кого-нибудь. Настроение и восторг слушателей передаются и ему и, особенно, когда аудитория не может сдерживать смеха, он увлекательно и заразительно хохочет вместе с ними, прерывая рассказ. Необычайно подвижно и его лицо. Морщины его то собираются, то разглаживаются, брови насупливаются, когда речь идет о суровых и печальных фактах; с появлением же в рассказе сентиментальных и идеалистических сцен на его лице появляется улыбка. В торжественных и патетических местах он приподнимается, лицо становится суровым, поднимает руку и грозит пальцем»³⁴.

Азадовский же описывает и другой тип сказителя – Сороковикова Егора Ивановича: «Как рассказчик Асламов – полная противоположность Егору Ивановичу. Тот рассказывает спокойно, плавно, в несколько приподнято торжественном тоне, но в общем эпически спокойно. Он спокойно сидит на месте, спокойно его лицо, и только голос модулирует, подчеркивая различный характер развертывающихся событий. Особенно резко различие между ними и Асламовым в комических пассажах. Асламов весь живет, увлекается сам, поддается заражающему хохоту аудитории и в свою очередь сам увлекательно хохочет, Егор Иванович остается спокойным и только слегка улыбается в ответ на восторг аудитории». Такого же типа енисейский сказочник Зыков, изученный молодым сибирским собирателем И. Г. Ростовцевым: «Многолетняя практика выработала у него опытность и спокойную уверенность. Он не волнуется, не заминается и не останавливается, подыскивая слова. Не вскакивает с места и не бегаёт по избе, как народные актеры. Рассказывая, он неподвижно сидит на лавке, сочно сплевывая и перебирая кисет с табаком. Только в патетических местах делает несколько энергичных жестов»³⁵.

Среди сказочников-мастеров чаще встречаются мужчины. Но были и женщины, в их изложении сказки приобретали несколько иной характер. Они отличались особой мягкостью, задушевностью. Все грубые или слишком жестокие места в них сглаживались. Изменялся даже сюжет. Так, в некоторых сказках, хотя и довольно редко, встречается «неверная мать», которая ради своего любовника хочет известить сына. Такие истории заканчиваются суровым наказанием матери. В «женских» же вариантах наказание гораздо мягче, иногда сын прощает мать.

³³ Протт В. Я. Русская сказка. М., 2000. С. 389.

³⁴ Азадовский М. К. Указ. соч. С. 68.

³⁵ Там же. С. 69.

Известная сибирская сказительница Винокурова даже давала пояснения этому: «Нет прав#бв таких, чтоб мать казнить»³⁶.

Интересна судьба традиционной сказки в советское время. После революции сказка попала в категорию вещей устаревших, связанных со старым режимом. Сомнительной казались ее идеи, слабо отражала она классовую борьбу, слишком много было в ней царств и королевств, а каждый приличный герой не только получал в конце жену, но и сам становился царевичем или королевичем. Один из «защитников» художественного значения сказки писал в самом начале 1930-х гг.: «Иногда раздаются голоса: да нужен ли, вообще, современному читателю этот мир сказочных образов и сказочной фантастики. Нужны ли и интересны все эти рассказы об Иванах-царевичах и Василиях – купеческих сыновьях – их подвигах и удачах, кончающихся неизменной женитьбой и добыванием царства»³⁷.

Работы по изучению и собиранию сказки после революции не прекращались, но в основном в рамках старых, дореволюционных еще, научных школ. Однако по мере того как укреплялась государственная система в стране, соответственно возрастала необходимость усиления идеологической работы, которую теперь было надо поднять на новый уровень, стал заметен возврат ко многим традиционным ценностям, без которых невозможно, наверное, было достичь стабильности в стране и спокойствия в народе. Одним из таких незыблемых начал стала русская сказка.

С конца 1930-х гг. начинается взлет интереса и внимания к русской сказке, хорошо продуманный и поддерживаемый правительством. Ее воспитательное значение в жизни народа было оценено по достоинству и широко использовано. Она начинает новую жизнь. Во-первых, массово обретает печатный вид, а значит, теряет свою гибкость и изменчивость. Русские сказки печатались в советское время огромными тиражами, их иллюстрировали лучшие художники страны, многие издания стали подлинными художественными шедеврами. Их «причесывают» и «приглаживают» – убирают разговорные, устаревшие и местные слова и фразы, язык сказок осовременивается и становится гладким и понятным всем. Убирают грубости, жесткости и «страшилки», мертвецов, черепов, костей и съеденных людей становится совсем немного. В сказки, изложенные для детей, вводится логика и связь между событиями, от чего сказка много теряет, именно в абсурдности и нелогичности часто скрывается подлинное очарование народной сказки.

Во-вторых, появляется новый вид искусства – самый массовый – кино. Сказку начинают экранизировать. Теперь уже не только сюжеты становятся статичными, но и персонажи приобретают конкретные формы. Баба-яга – лицо артиста Г. Миллера, богатырь – осанку С. Столярова, Иванушка-дурачок – повадки О. Даля, царь – веселость М. Пуговкина и т. д. Каждое время давало свои лица, но простора фантазии, которая столь важна в сказке, оставалось все меньше. Позже сказки стали рисовать для экрана, появились мультипликации.

При всех тех потерях, которые понесли сказки как жанр, обретя «официальное» лицо, надо отметить, что в целом в советское время сказки укрепили свои позиции в русском обществе. Книги, фильмы и мультипликации были неизбежны в новых исторических условиях, а главное, в новом информационном окружении. Сказка не только выжила, но и обрела новую, очень большую популярность. Она наглядно продемонстрировала свою живучесть и способность приспосабливаться к изменившимся условиям: стало понятно, как она смогла выжить и сохранить свое влияние на протяжении веков.

Так же как книги готовили лучшие мастера своего дела, так фильмы и мультипликации делались очень профессионально, на высоком уровне. Актерский состав подбирался сильный, самые известные актеры своего времени с уважением относились к такому благородному делу,

---

³⁶ Там же. С. 29.

³⁷ Там же. С. 11.

как воспитание подрастающего поколения. В результате получались прекрасные художественные произведения на основе старых сказочных сюжетов, которые с удовольствием смотрели не только дети, но и их родители, бабушки и дедушки.

Конечно, цари в таких фильмах часто сильно оглуплялись и становились злыми, а бедность героя особо подчеркивалась, в сюжет вводились классовые конфликты, которые практически отсутствуют в традиционной сказке, но это все не слишком затемняло главное. Идеи и идеалы сохранялись вполне традиционные – не в деньгах счастье, помощи ближнему, и тебе помогут, любовь и верность вознаграждаются, семейное счастье важнее любого богатства и т. д. И на них продолжали воспитываться поколения советских детей. Таким образом, сказка продолжала оставаться связующим звеном не только между разными социальными группами, но и между совершенно разными историческими эпохами.

И в современное, сложное в идейном плане, время сказка выживает. Конечно, ее позиции сильно пошатнулись под воздействием иностранных фильмов и мультфильмов, из-за конкуренции с компьютерными играми, от снижения интереса к чтению вообще. Но все-таки мамы и бабушки еще помнят прекрасные книги и фильмы, на которых они выросли сами, да и воспитатели в детском саду ничего нового не придумали. Все еще трудно Тому и Джерри в воспитательном плане соперничать с царевной-лягушкой. Характерен диалог между продавцом в магазине видеофильмов и состоятельной дамой, подъехавшей на большом джипе к магазину: «У вас детские фильмы есть?» – «Вот, целая полка». После беглого взгляда: «Да нет, мне нужны старые, советские сказки». – «Что вы, их сразу разбирают!» Можно надеяться, что начинается возрождение интереса к традиционным сказкам и после очередного периода отрицания они займут свое место в жизни России.

Первые публикации сказок появились еще в XVIII в. Это были в основном случайные сборники отдельных сказок, часто «доработанные» автором-составителем. Печатали их для развлечения публики, на волне общего интереса к печатной светской книге, завоевывавшей книжный рынок в России. Наиболее известные среди них – «Пересмешник, или Словенские сказки» М. Д. Чулкова (ч. 1–4. М., 1766–1784), «Русские сказки» В. А. Левшина (1780–1783), «Сказки русские» П. Т. Тимофеева (1787). Баловалась сочинением-пересказом сказок и императрица Екатерина II, написавшая для своего внука Александра (будущего императора Александра I) аллегорическую «Сказку о царевиче Хлоре».

Начало научному собиранию и изданию русских народных сказок положил Александр Николаевич Афанасьев (1826–1871). Родился и вырос будущий ученый в Воронежской губернии в семье мелкого судейского чиновника. Отец его большое значение придавал образованию детей и не жалел на это своих скудных средств. Александр, всю жизнь уважавший отца, старался оправдать возложенные на него надежды. Все, кто знал его в юности и потом, в зрелые годы, отмечали его исключительные работоспособность и усердие.

Образование его было вполне традиционным для своего времени: какое-то время он посещал частные уроки «двух отцов Иванов», затем учился дома, потом в Воронежской гимназии. Но главным для него было чтение. В отцовском доме находилась обширная дедовская библиотека, и книги стали для Афанасьева главным источником знания и радости. Уже в юные годы он проявлял задатки будущего ученого. Его брат вспоминал, что книги были «обильным источником для утоления его страсти к чтению, которому он посвящал все свое время, уделяя для отдыха лишь непродолжительные вечерние часы да какой-нибудь час после обеда. Чтением занимался он, очевидно, не ради простого только развлечения или приятного препровождения времени, потому что всегда имел при себе бумагу и карандаш и аккуратно записывал свои заметки, и все такие записи тщательно оберегал»³⁸.

³⁸ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Т. 1. М., 1897. С. 379.

Любовь к книге Афанасьев пронес через всю жизнь. Поступив в университет, он умудрялся выкраивать деньги из своего очень скромного содержания на покупку книг и в конце концов стал обладателем уникальной библиотеки. К сожалению, в какой-то момент жизни, оказавшись без работы и средств, он был вынужден продать ее за бесценок.

В воспоминаниях Афанасьева о его детстве есть упоминание и о сказках, которые он любил слушать: «Чтение это, – вспоминал Александр Николаевич, – сменило для меня сказки, которые, бывало, с таким же наслаждением и трепетом слушал я прежде, зимой по вечерам, в углу темной комнаты, от какой-нибудь дворовой женщины»³⁹.

В 1844 г. А. Н. Афанасьев поступает в Московский университет на юридический факультет. После окончания поступает на службу в Московский Главный архив министерства иностранных дел. Одновременно с этим он занимается научной работой, публикуются его исследования по русской истории, славянской мифологии, сравнительной фольклористике. Научной работой Афанасьев занимался всю жизнь, несмотря на огромные материальные трудности, которые он испытывал последние 10 лет. Исследователи его жизни и творчества так и не пришли к единому мнению, почему этот серьезный ученый и, судя по воспоминаниям современников, очень ответственный человек потерял работу и был вынужден бедствовать. Но факт остается фактом – последние годы жизни Афанасьев провел в бедности, не прекращая при этом научной работы. Умер он рано, от чахотки, в 45 лет.

Главным делом жизни Афанасьева стало издание русских народных сказок. В этот период в России был вообще подъем интереса ко всему народному – языку, традициям, фольклору. Собирали и издавали народные песни, легенды, пословицы, поговорки, сказки занимались и многие другие ученые – В. И. Даль, П. В. Киреевский, П. И. Якушкин. Афанасьев использовал и европейский опыт, прежде всего, конечно, немецких ученых братьев Гримм, с которыми он состоял в переписке.

С 1855 по 1863 г. Афанасьевым было издано 8 сборников, включивших в себя свыше 550 текстов. Печатал он их по мере поступления, позже систематизировал в соответствии с предложенной им классификацией. Это новое издание вышло уже после смерти ученого, и именно оно стало основой для всех дальнейших переизданий.

В основу собрания Афанасьева легли немногочисленные записи сказок, сделанные им на родине в Воронежской губернии. Вообще же Афанасьев был, скорее, «кабинетным» типом ученого и «собирал» свои сказки в основном не выходя из дома. Обширное собрание текстов ему удалось получить от Русского географического общества, которое с 1847 г. вело работу по сбору сказок от местных собирателей в разных губерниях (223 текста). Часть была извлечена из имевшихся к этому моменту печатных изданий. Более 1000 текстов ему передал составитель первого «Толкового словаря русского языка» В. И. Даль. После выхода первых сборников к Афанасьеву стали стекаться сказки из разных источников, прежде всего от любителей фольклора на местах.

В сборнике представлены русские (из более чем 30 губерний), украинские и белорусские тексты. В отличие от братьев Гримм, Афанасьев не подвергал тексты литературной обработке. Он также публиковал варианты сказочных текстов, снабжал их этнографическим и филологическим комментарием, по мере возможности проводил аналогии со сказками народов мира.

Особое внимание он уделял сохранению народного стиля сказки. В рецензии на один из вышедших в то же время сказочных сборников он обратил внимание, что героиня называет своего отца-царя «папашею». «Пора бы собирателям поэтических созданий народа, – писал Афанасьев, – обращаться не к дворовой челяди, а к настоящим, истым поселянам, которые,

---

³⁹ Афанасьев А. Н. Народ-художник. М., 1986. С. 262.

не мудрствуя лукаво, сберегли предание в несравненно большей свежести»⁴⁰. Сам он старался сохранить текст оригинала, подвергая его лишь незначительной правке.

Реакция на публикацию сказок была не однозначна. Безусловно, публика и исследователи по заслугам оценили труд Афанасьева. Хвалебные отзывы раздавались отовсюду, включая европейские страны. Русские сказки, изданные Афанасьевым, переводили на разные языки. Его издание сразу стало классическим, на которое ориентировались все последующие исследователи фольклора.

Не обошлось и без критики. Одним из спорных моментов, который не решился и в последующих трудах фольклористов, был вопрос о том, какие тексты печатать. Одни считали, что надо печатать как можно больше вариантов, жестко придерживаясь языка и стиля каждого рассказчика. Другие настаивали на том, что надо отбрасывать все личностное и составлять некий единый сводный текст сказки. Афанасьев, как показали исследования его сборников, придерживался некоей середины. С одной стороны, он печатал разные варианты одной сказки, с другой стороны, очевидно, что некоторые изменения он в текст все-таки вносил. Архив ученого не сохранился, так что судить обо всем этом довольно трудно.

Критические замечания высказывались и по поводу способов собирания сказок. Как уже отмечалось, Афанасьев пользовался в основном чужими собраниями. А значит, полностью отсутствовала информация о личности сказочника, времени и местности, где рассказывалась сказка. Все последующие исследователи учитывали этот недостаток. Много выдающихся собирателей, энтузиастов своего дела занимались сбором и публикацией сказок: И. А. Худяков, Н. Е. Онучков, Д. К. Зеленин, Б. М. и Ю. М. Соколовы, М. К. Азадовский, А. И. Никифоров, И. В. Карнаухова и другие. В советское время собирание велось по двум направлениям: некоторые ученые записывали сказки выдающихся исполнителей, другие вели так называемую «фронтальную» запись – записывали все сказки в той или иной местности. На сегодняшний день опубликовано примерно 4200 русских сказочных текстов (вместе с вариантами)⁴¹.

Сборник сказок Афанасьева подвергался критике на протяжении всей истории своего существования. Все более или менее серьезные исследователи отмечали различные его недостатки. Многие из них были преодолены в последующих собраниях и публикациях. Однако по сей день, 150 лет спустя, именно афанасьевский сборник народных сказок используется как базовый материал для всех исследований. Столь полной и всеобъемлющей публикации больше не было. Все остальные издания в основном публиковали сказки отдельных регионов и лишь дополняли издание Афанасьева.

Афанасьев составил и базовую классификацию сказок. Ее потом много раз переделывали, соединяя и разделяя различные подгруппы, но в основном она осталась прежней. Все сказки принято делить на:

- 1) сказки о животных,
- 2) волшебные,
- 3) бытовые.

Безусловно, эта квалификация носит условный характер, в нее часто добавляют еще новеллистические, сатирические, легендарные сказки и анекдоты. Однако эти три основные группы более или менее вмещают все жанровое разнообразие русских сказок.

В сказках о животных главными действующими лицами, естественно, являются дикие и домашние животные. Самые распространенные персонажи русских сказок: хитрая лиса, глупый волк, трусливый заяц, медведь-увалень и грубиян, из домашних – кот, собака, петух, коза. Эти сказки давно стали достоянием преимущественно детской аудитории.

⁴⁰ Там же. С. 142.

⁴¹ Данные взяты из: Этнография восточных славян. М., 1987. С. 418.

Волшебные сказки самые древние. Собственно, именно их и принято традиционно называть сказками. В них всегда присутствуют чудеса и какие-то необыкновенные события. Они лучше других отражают базовые народные идеи и идеалы, и именно на них основывается изучение особенностей национального характера.

Наконец, бытовые сказки самые поздние. Их герой, как правило, простой мужик. Часто ничего сверхъестественного в них не происходит, и даже черти, если они есть, ведут себя как обыкновенные, хотя и не очень приятные, участники реальных событий. Эти истории носят явно поучительный и назидательный характер, во многих случаях – сатирический или юмористический. В таких сказках отражается много реалий повседневной жизни, высмеиваются пороки, отражаются проблемы трудовой и семейной жизни. Они интересны для историков и бытописателей, основная их часть относится к XVIII–XIX вв.

Отражение особенностей русского характера в народных сказках

В центре внимания любой сказки находится герой. Именно вокруг него происходят разные события, ему помогают или мешают остальные персонажи, он теряет и находит, а в конце добивается счастья. У каждого народа свои любимые герои. Они часто воплощают не столько лучшие качества народа, сколько идеалы, бытующие в нем. Подлинные герои европейских сказок связаны с такими понятиями, как сила, смелость, победа в сражениях, физическая красота.

Любимым героем русской народной сказки является Иван-дурак. Имена, впрочем, могут быть и другие. Внешне неприметный, совершающий на первый взгляд глупые и ненужные поступки, не стремящийся ни к богатству, ни к славе, он в конце сказки получает в награду прекрасную царевну, а иногда и полцарства в придачу. Европейские сказки тоже любят образ дурака, но в них он позволяет высмеять недостатки народа, он так и остается до конца дураком, совершающим дурацкие поступки. Такие сказки-шутки в России тоже есть. Но Иван-дурак – это совсем другое дело. Он именно герой народной сказки и победитель своих врагов.

В знаменитой сказке про Сивко-бурко у отца было три сына. Младший, Иван-дурак, «ничего не делал, только на печи в углу сидел да сморкался». Перед смертью старик попросил своих сыновей каждого по три ночи провести на его могиле. Два старших вместо себя послали дурака. Он и получил от покойного отца щедрый подарок – прекрасного коня по кличке Сивко-бурко. С его помощью Иван смог достать до высокого окна царевны и поцеловать ее (по другой версии – получает от нее перстень или платок). Заканчивается сказка пиром, на котором царевна пытается найти своего суженого. Приходит и Иван-дурак. Вот как сказка описывает своего героя: «...платишко на нем худое, весь в саже, волосы дыбом». Увидев его, «царевна обрадовалась, берет его за руку, ведет к отцу и говорит: “Батюшка! Вот мой суженый”. Братовей тут ровно ножом по сердцу-то резнуло, думают: “Чего это царевна! Не с ума ли сошла? Дурака ведет в сужены”. Разговоры тут коротки: веселым пирком да за свадебку. Наш Иван тут стал не Иван-дурак, а Иван – царский зять; оправился, очистился, молодец молодец стал, не стали люди узнавать!»

За что же награждается Иван-дурак в этой сказке? Прежде всего, конечно, за то, что остался верен слову, данному отцу. Поленились его братья ночью идти на могилу – темно и страшно. С точки зрения здравого смысла они правы. Отцу уже все равно не поможешь, зачем же мучиться. Но для Ивана заветы отца важнее здравого смысла, и поэтому он «дурак».

Сила Ивана-дурака – и в этом также выразился своеобразный народный идеал – в простоте, искренности, отсутствии меркантильности и прагматизма. В то же время его старшие братья – умницы и прагматики – как раз и оказываются в дураках. Отсутствие практицизма это одновременно и отсутствие жадности, стяжательства.

Воруется кто-то репу на огороде. Остается Ванька караулить вора. Видит, ночью мальчик еле-еле тащит огромный мешок, надрывается. Попросил мальчик помочь ему донести мешок до дома, Ванька и помог. Ну не дурак ли? Потом он отказался от предложенного золота и серебра, а взял гусли-самогуды. Ну и, конечно, закончилось все царевной и «жизнью припеваючи».

Важной чертой Ивана-дурака является сострадание, он помогает всем, кто просит о помощи, даже если это и идет на первый взгляд во вред ему самому. Он отдает голодной зайчихе последний ломоть хлеба – поступок бессмысленный с точки зрения здравого смысла, а в трудный момент именно она приносит ему яйцо, в котором Кашеева смерть. Или накрывает птенцов от дождя своим платишком и мерзнет сам, а за это гигантская птица помогает ему вернуться домой. Так милосердие награждается. Умные братья употребляют свой ум в личных интересах – и наказываются.

Жалостливость и незлобивость дурака идут на пользу и самим братьям. В конце сказки герой часто прощает им все их козни, братья все-таки! У него нет чувства мстительности. Ему хорошо, так пусть и другим, даже злым братьям, будет тоже хорошо.

Жалостливость – одно из любимых свойств русской природы. Проявляется она в самых разных областях. Вот, например, первые русские святые – Борис и Глеб, не борцы за веру, а невинно убиенные жертвы, страдальцы (и тоже ведь не за веру). К числу их достоинств летописцы относят молодость, незлобивость, чувствительность, доброту, сердечность. Оба они отказываются бороться с неумолимо надвигающимся на них злом, отвечать насилием на насилие. И оба погибают без сопротивления от рук посланных к ним убийц. Для того времени и для их положения младших наследников престола в их убийстве старшим братом в борьбе за власть нет ничего необычного. Святость их только в том, что они стали невинными жертвами и не сопротивлялись злу.

А царевич Димитрий, сын Ивана Грозного, напорившийся неосторожно на ножичек в юном возрасте? Он вообще никак не успел себя проявить (по некоторым данным, был еще и скверного жестокого характера и ножечки любил не случайно, но это, возможно, клевета). Но и его канонизировали и почитают в русском народе как святого: за невинность жертвы, за погубленную молодость, да еще и за такую бессмысленную, с народной точки зрения, вещь, как власть.

Еще одним важным качеством русского героя является скромность. Он не выскочка, не болтун, не хвастунишка. Да и такой ли он дурак, если разобраться? Он ничего не рассказывает братьям о Сивке-бурке, о поцелуе царевны, уж они бы не удержались и похвастались. А если бы узнали о его похождениях, могли бы и помешать. Никто не воспринимает Ивана-дурака всерьез, и в этом тоже его сила.

В сказке про мудрую жену сын-дурак купил на отцово наследство кошку и собаку, поселился в шалаше и был счастлив. Питался тем, что приносила собака, ничего не требовал от жизни – есть, где спать и что есть, вот и слава Богу! Получил как-то за свою кошку три бочонка золота. До этого момента сюжет международный, известен в разных странах. А вот далее начинается его славянская разновидность. Два бочонка дурак раздал нищим («Экая пропасть золота! Куда мне с ним?»), а на третий накопил ладану и зажег его в поле. В результате ангел обещал исполнить любое его желание. Послушался дурак совета, который ему дали мужики, работавшие в поле, и пожелал мудрую жену. И не ошибся. Стал-таки в конце, с помощью женой мудрости, царем. Вот вам и дурак! Жил просто, ничего не требовал, корысти не имел, совета послушался, т. е. все сделал правильно.

Наконец, особое значение имеет внешность героя: она обычно подчеркнута простая, неказистая, герой физически непривлекателен. В сказке «...меньшой, Ванюша, – как недоросточек, как зашипанный утенок, гораздо поплоче» своих старших братьев. Он сидит на печи, сморкается. Он вымазан сажей. Потому что это с точки зрения народного идеала не так и важно. Уже упоминавшееся популярное высказывание гласит: «Полюбите нас грязненькими, а чистенькими нас каждый полюбит». Старшие братья заботятся о своей внешности: «...старшие знай себе коней объезжают, кудри завивают, фабрятся, бодряты родимые...» С точки зрения народного сознания сразу становится очевидно, что ничего хорошего от таких не жди.

Так, в сказках отразились народные идеалы, представления о добре и зле, о том, что важно для человека, а что второстепенно. Как мы видим, герой русской сказки – на первый взгляд незаметный, слабый, глупый, даже жалкий. Но в конце он победитель всех сильных и красивых, получает и принцессу и иногда сундук с добром или полцарства. В образе Ивана-дурака нашли отражение наиболее ценимые в народе качества – сострадание, готовность помочь ближнему не ради выгоды, а от души, незлобивость, верность слову, скромность. Главные же недостатки воплощены в людях практических, представляющих противополож-

ность герою, таких, например, как его братья. Это жадность, равнодушие, болтливость, бессердечное отношение к ближнему, да и вообще ко всему живому.

В русской культуре мы находим немало других подтверждений тому, что в народе особенно ценились все эти качества. И что «ум» нередко становился синонимом прагматичности, хвастовства, болтливости, отсутствия духовности. Например, особенное почитание юродивых, ставивших духовное начало выше материального и добровольно отказывавшихся от «ума». Или вспомним иронию грибоедовской комедии «Горе от ума», в которой гораздо более умный, чем окружающие его люди, герой очень много говорит, особенно о себе, а его «ум» в конце концов приносит всем только горе.

Героиня русской сказки – мудрая, работящая, верная, скромная. Она часто спасает героя, выручая его в самых сложных ситуациях, дает ему советы, выполняет за него сложную работу. Как правило, она наделена еще и волшебными свойствами и умеет творить чудеса.

Здесь опять-таки речь идет не об уме, а именно о мудрости. Интересное различие в этих двух понятиях находим в словаре В. И. Даля. «Ум» у него – это «общее название познавательной и заключительной способности человека, способность мыслить; это одна половина духа его, а другая – нрав, нравственность, хотенье, любовь, страсти...» То есть ум – это неплохо, но только, когда он, как в известной поговорке, с сердцем или нравственностью «в ладу». «Мудрый» же, согласно словарю, – «основанный на добре и истине; праведный, соединяющий в себе любовь и правду; в высшей степени разумный и благонамеренный». Это гораздо глубже и всеобъемлюще, чем ум, качество, вне всякого сомнения, положительное, без всяких оговорок. В русских сказках мы встречаем Василису Премудрую, Елену Премудрую, мудрую деву и других, не имеющих этого эпитета, но поступающих именно в соответствии с вышеприведенным определением.

Герой может совершить глупость (например, сжечь лягушачью шкуру, хотя его просили этого не делать, уничтожить перышки) и тем навлечь на голову героини страшные беды. Или предать, как Финист – ясный сокол, который улетел, забыл про свою любимую и женился на другой. Но героиня все прощает ему и хранит верность до конца. Более того, часто знакомство героев начинается с какого-нибудь не слишком красивого поступка героя, как, например, кража.

«Любовь» героев в сказке «Морской царь и Василиса Премудрая» начинается с того, что царевич крадет сорочку, которую девушка скинула во время купания. Она умоляет его вернуть украденное, обещая пригодиться. И держит крепко свое слово: выполняет тайком все приказания морского царя – строит хрустальный мост, сажает за одну ночь сад. Когда же встает вопрос о женитьбе, сама подсказывает царевичу, как ее найти, и выходит за него замуж. Более того, она помогает герою бежать домой, хотя и знает, что он забудет ее на родине.

Конечно, в сказках идеи приобретают утрированные формы, чтобы донести идею до слушателя во всей полноте. Но очевидно, что в героине такой сказки главным является верность, преданность, терпение, смирение.

Нередко герой изображается совсем уж никудышным, чтобы подчеркнуть достоинства героини. Он и бедный, и дурак, и невезучий, да еще часто непослушный. Она – красивая, умная и богатая. Но вот ведь парадокс: кроме него ей никто не нужен. Интересен с этой точки зрения цикл сказок об Иване Несчастном. У героя ничего не получается, во всем невезение, он ничего не может путного сделать или совершить. Приходит он к царю за советом, как же ему быть. Увидела его царская дочка и говорит: «А я так думаю, батюшка: коли его женить, то, может, и ему Господь пошлет иную долю». И вышла замуж (в других вариантах героиня – купеческая дочь, отказывающаяся богатому жениху ради никчемного Ивана). Даже намек в сказках на какие-либо корыстные мотивы в любви нет и быть не может. А дальше волшебством и мастерством героиня начинает строить семейное благополучие. Да и Иван меняется, начинает проявлять храбрость и смекалку, побеждает змея, в другом варианте – хитрых купцов.

Впрочем, это происходит не всегда, т. к. это не столь важно. В конце сказки герой, вернувшись домой, застаёт жену в постели с двумя добрыми молодцами и поднимает меч, чтобы убить их. Но в последний момент, вспомнив добрые советы, останавливается (поумнел все-таки!) и выясняет, что это два его сына, родившиеся в его отсутствие. Такие сказки не дают никаких объяснений, за что героиня любит героя, но показывают ее прозорливость и опять-таки мудрость: кончается-то все тем, что герои живут долго и счастливо до конца своих дней.

Героини прощают даже измену героя. Это герой может себе позволить обидеться и уйти, героиня уходит, только если ее вынуждает к этому злое волшебство. В популярной в России и очень древней по происхождению сказке о Финисте – ясном соколе злые сестры, заподозрив, что к их младшей сестре прилетает Финист, натыкали острых ножей на окно. Финист прилетел, порезался, обиделся и улетел навсегда. Кстати, плохие сестры, как и братья Ивана-дурака, тоже плохи тем, что себя любят, красуются, о нарядах и женихах думают, что, казалось бы, естественно для молодых девушек, но осуждается, противопоставляясь хорошей младшей, которая озадачила отца поисками странного перышка Финиста – ясна сокола. Не только не обидевшись, но как бы даже ощущая свою вину за потерю любимого, отравляется героиня на его поиски. Уж что только девушка бедная ни делала – три пары железных башмаков износила, три железных посоха изломала, к бабам-ягам ходила, на работу устраивалась. И все это для того, чтобы обнаружить, что ее возлюбленный уже спокойно женился на другой. С большим трудом, хитростью и волшебством, вернула героиня себе своего Финиста, а потом они, как и положено, зажили счастливо.

При всех таких замечательных достоинствах героиня никогда не выпячивает своих заслуг, всегда остается в тени героя. Она только его помощница и покорна ему, принимая его таким, какой он есть. Если даже героиня видит, что герой совершает неразумные поступки, но не может остановить его, она, смирившись, следует за ним, а потом помогает ему выпутаться. Но чаще всего герой слушает свою разумную жену, даже если и не понимает ее поступков, а ее советы идут вразрез со здравым смыслом. Он как бы признает, что ей дано предвидеть больше, чем ему.

Судьбы героя и героини тесно переплетены друг с другом. Только вместе они способны строить счастливую жизнь. Со встречи с героиней начинается возвышение, просветление, врачевание (если он «дурак») героя, с ней, как правило, связаны и испытания, через которые он должен пройти. Но и героиня без своего героя ничто – лягушка лягушкой или прекрасная птица. Ее женское начало, разум, даже волшебные свойства нередко раскрываются только от необходимости бороться за героя и счастье.

В русской сказке «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» Федот стрелец ранил птицу, но, вняв ее просьбе, не убил, а принес домой. Оказалась она красавицей-царевной, на которой он женился. Федот во всем слушается жены – говорит: возьми денег в долг, берет, говорит: купи шелку, покупает. Жена же при этом – все для мужа, для семьи, своей красотой и царским званием совсем не гордится, жалеет его по-бабьи, что трудится много, устает, а живут в бедности. С помощью волшебства решила она его от работы избавить (видимо, чтобы он вместо работы дома на печи лежал), соткала прекрасный ковер. Из-за этого влюбился в нее царь, отправил Федота «туда – не знаю куда», а сам к красавице свататься. Но она верна мужу, не соглашается. Интересно, что самого Федота никто и в грош не ставит. Баба-яга говорит: «Сам-то он простой человек, извести его нетрудно бы – все равно, что щепоть табаку понюхать! Да жена у него больно хитра». А он между тем и Шмата-разума добротой на свою сторону переманивает, и купцов обманывает, и богатство для семьи добывает.

Героини русских сказок бывают иногда очень красивыми и получают прозвание Прекрасная. Но чаще всего о внешности героини просто ничего не упоминается, так как это дело второстепенное. Главное достоинство героини западноевропейских сказок, как правило, красота. Она может быть глупой, вредной, жестокой, но ей все прощается, потому что она прекрасна.

Кстати, умные женщины в таких сказках обычно воплощают злое начало, вредят героине и нередко стремятся к тому, чтобы лишить ее главного достоинства – красоты.

В русских сказках красавицы прекрасны подчеркнуто сказочной красотой – «ни в сказке сказать, ни пером описать», говорят про них. Ну кто в самом деле в обычной повседневной жизни будет радоваться звезде во лбу или месяцу под косой. Их красота – это своего рода лягушачья кожа или птичьи перышки, нужна только в первый момент встречи, чтобы привлечь внимание героя, завязать знакомство. Красота важна в европейский рыцарской культуре любовного поклонения женщине как невесте или любовнице. В русском же сознании, в сказке женщина прежде всего жена и мать, пусть даже будущая и потенциальная, хозяйка дома, работница, тут важнее совсем иные качества, а не внешняя красота.

С героем и героиней связана центральная для русских сказок тема – семейная жизнь. В начале сказки герой, как правило, покидает семью, в конце, после испытаний и странствий, возвращается с молодой женой или же, если некуда вернуться, создает новую. Именно создание семьи является высшей наградой герою, добрая жена становится венцом его испытаний и подвигов. Очевидно, что это отражает то особое место, которое семья занимала в русском мире в целом. Почти по-сказочному звучит «Домострой», книга, написанная в XVI в., когда говорит о счастье семейной жизни: «Если подарит кому-то Бог жену хорошую – дороже это камня многоценного. Такой жены и при пущей выгоде грех лишиться: наладит мужу своему благополучную жизнь. Собрав шерсть и лен, все, что нужно, исполнит руками своими, будет словно корабль торговый: отовсюду вбирает в себя все богатства. И встанет средь ночи, и даст пищу дому и дело служанкам. От плодов своих рук преумножит богатство. Препоясав туго чресла свои, руки свои утвердит на дело. И чад своих поучает, как и служанок, и не гаснет светильник ее всю ночь: руки свои простирает на труд, утверждает персты на веретене. Милость свою обращает на убогого, и плоды трудов подает нищим – не беспокоится о доме своем ее муж: самые разные одежды нарядные приготовит и мужу своему, и себе, и детям, и домочадцам своим. И потому, когда муж ее будет в собрании вельмож или воссядет со знакомыми, которые всегда почитают его, он, мудро беседуя, знает, как поступать хорошо, ибо никто без труда не увенчан. Доброй женою блажен и муж, и число дней его жизни удвоится – добрая жена радуется мужа своего и наполнит миром лета его: хорошая жена – благая награда тем, кто боится Бога, ибо жена делает мужа своего добродетельней: во-первых, исполнив Божию заповедь, благословлена Богом, а во-вторых, хвалят ее и люди. Жена добрая, трудолюбивая, молчаливая – венец своему мужу, если обрел муж такую жену хорошую – только благо выносит из дома своего. Благословен и муж такой жены, и года свои проживут они в добром мире»⁴².

Основа семейного счастья в сказках – судьба, суженость. Не любовь и страсть, а предназначение имеет решающее значение при выборе пары. Да и выбора как такового чаще всего нет. Сказка сознательно, вплоть до абсурда, избегает хоть каких-либо объяснений на тему – почему полюбили. Крадет стрелец у Марьи-царевны Премудрой крылышки. Она обнаруживает пропажу и зовет: «Коль стар человек – будь мне батюшка, а старушка – будь мне матушка; коли млад человек – будь сердечный друг, а красная девица – будь родная сестра!» Вот начало любви, прошедшей потом через трудные испытания.

Еще с большей остротой проявляется тема предназначения в семейном счастье в сказке «Царевна-лягушка». Она же показывает, что покорна судьбе не только героиня, но и герой. Все знают начало сказки. Было у царя три сына. Пришла им пора жениться, дал им отец по стреле и велел натянуть луки. Кто найдет их стрелу, на той и женятся. То есть здесь выбор определяется судьбой, независимо от их желаний, для всех троих сыновей. Двум старшим повезло – им достались генеральская и купеческая дочери. А младший пустил свою стрелу в болото (в некоторых вариантах еще и «грязное», чтобы усилить неприятное чувство), и нашла ее лягушка.

⁴² Домострой. М., 1990. С. 137.

Глупость, казалось бы, ошибка, но герой увидел в этом перст судьбы: «Иван-царевич придумался, заплакал: “Как я стану жить с лягушей? Век жить – не реку перебрести или не поле перейти!” Поплакал-поплакал, да нечего делать – взял в жены лягушу». Далее следует подробность, чтобы никто не сомневался, что лягушка самая что ни на есть обыкновенная: «Их всех обвенчали по ихнему там обряду; лягушу держали на блюде».

Сказка долго держит слушателя в напряжении – Иван живет с лягушкой, а девушкой она оборачивается и чудеса творит, только когда он спит. И только случайно он узнает о ее волшебных свойствах, сжигает кожу и навлекает на обоих несчастье. Теперь ему предстоит вернуть свою суженую, доказать, что он ее достоин. Мораль проста: ты полюби лягушку, поживи с ней, храни ей верность, а там, глядишь, она и станет царевной, хотя бы для тебя.

Европейскую Золушку принц полюбил в облике прекрасной принцессы в роскошном платье и, как честный человек, женился на ней, хотя она и оказалась не той, за кого себя выдавала, всего лишь жалкой дочерью лесничего. В русских сказках ситуация обратная: герой женится на лягушке, убогом существе, а она потом превращается в прекрасную царевну Сначала жалость к несчастному существу, потом немного терпения и красавица-жена, да еще и с приданым. Во всяком случае, в сказке. Многие верят и терпеливо ждут. Терпение также относится к числу качеств, любимых и ценимых русским народом, недаром поговорка говорит: «Стерпится – слюбится».

Кстати, существует французская сказка «Жених-жаба». Сюжет похож, но акценты расставлены совсем по-другому. Начать с того, что сама идея – решающий выбор за девушкой, она решается выйти замуж за жабу – уже как-то меняет ситуацию. Но и выбор здесь обусловлен исключительно дочерней любовью: жаба отказывается отпускать ее отца, пока девушка не согласится на брак. У жабы немедленно обнаруживается богатый замок, и в первую же брачную ночь она оказывается прекрасным принцем.

Женитьба и семья преображают неказистого в начале героя русских сказок. В одном из вариантов сказки «Сивко-бурко» Иван-дурак целует Елену Прекрасную, обернувшись прекрасным молодцом. Интересно, что потом, на пиру, он устраивает ей своеобразное испытание: «То, – говорит, – я полюбился ей молодцом, теперь она полюби меня в кафтане простом». Елена, конечно, и в простом облике узнала своего нареченного, а потом происходит своего рода «обыкновенное чудо». Вот как трогательно в своей наивной гордости за героя рассказывает об этом сказка: «... скоро с ним обвенчалась; а он-то, Боже мой, какой стал умный да смелый, а какой красавец!.. Сядет, бывало, на коня-летуна, сдвинет шапочку, подбоченится – король, настоящий король! Вглядишься – и не подумаешь, что был когда-то Ванюша».

Есть в сказках и другие замечательные персонажи. Добрые, которые помогают героям, и злые, которые мешают их счастью. Среди помощников часто оказываются спасенные героями животные и даже неодушевленные предметы, а также таинственные старики и старушки, которые помогают в благодарность за полученную краюху хлеба, а еще чаще – за доброе ласковое слово. Злодеи тоже совсем непростые – Кощей Бессмертный, который оказывается смертен, Змей Горыныч, чьи головы надо отрубить все сразу, а то они отрастают заново, морской царь, заманивающий всех к себе под воду. Кощей хочет непременно жениться на героине, для чего и крадет ее, Змей – уничтожить всю русскую землю, морской царь – сохранить своих дочерей и утопить как можно больше людей. Но они не могут противостоять силам добра.

Один персонаж стоит особняком и представляет особый интерес. Это – баба-яга, встречающаяся исключительно в славянских сказках. Она, в зависимости от ситуации, может помогать, а может вредить героям.

Английский посланник Дж. Флетчер, посетивший Россию в 1588 г., в своем сочинении отмечал: «... что касается до рассказа о золотой или яге-бабе (о которой случалось мне читать в некоторых описаниях этой страны, что она есть кумир в виде старухи)... то я убедился, что это

пустая басня»⁴³. Здесь показательны два момента: во-первых, указывающий на популярность ее образа, о чем свидетельствует слово «кумир» и упоминание о ней в книгах, видимо иностранных, а во-вторых, сохранявшаяся до того времени (конец XVI в.) вера в ее реальность. Каким-то образом англичанин убедил себя в том, что она выдумка, но ведь верил изначально, а значит, верили в это окружавшие его русские.

Много споров ведется по поводу происхождения и значения ее образа. Кто-то считает ее сторожем потустороннего мира, кто-то – повелительницей всего живого, кто-то – воплощением самой матери-сырой-земли. Есть много загадочного в ее натуре, поведении, внешнем облике, атрибутике.

Например, нет единого мнения по поводу загадочной фразы, которой баба-яга встречает героя: «Русским духом пахнет». Что это за дух такой особый, на который она обращает внимание? В. Пропп считает, что это говорит о том, что к ней пришел живой человек, а она привыкла иметь дело с мертвыми, бестелесными и непахнущими⁴⁴ (правда, это не объясняет, почему именно русский). Ю. С. Степанов считает, что эта фраза «выставляет ее как чужую, не русскую»⁴⁵. Он же пишет и о существовании реальных «этнических запахов».

На этот факт обращал внимание еще в середине XIX в. русский этнограф С. В. Максимов. Он писал: «Не только внешняя обстановка, но и потребляемая известным народом пища имеет влияние на его животный, специфический запах. Поражают обоняние свежего человека все азиатские народы, пристрастные к употреблению чеснока и черемши... и всякий носит свой особый запах: китайцы и персияне, киргизы и самоеды – в особенности те, которые усвоили ношение шерстяного и мехового платья. В равной степени влияют и ароматические приправы к блюдам, и пахучесть господствующих растений страны и т. п.»⁴⁶. Те, кто ездили за границу до начала перестройки, помнят, что возвращавшиеся «оттуда» пахли каким-то особым, «заграничным» запахом. Сейчас это ощущение несколько притупилось, но не исчезло: приезд в какую-нибудь страну сопровождается определенным набором запахов.

Баба-яга живет в избушке на курьих ножках, летает в ступе, у нее костяная нога и огромные зубы. Она – хранительница огня (в сказке «Василиса Премудрая»), золотых яблок (в сказке «Гуси-лебеди»), множества волшебных предметов (клубочка, показывающего дорогу, богатырского коня и др.), а главное – знания волшебной жизни. Она всегда знает, где найти украденную героиню, как к ней добраться и как ее отвоевать у врагов, которые, кстати, часто являются ее же родственниками. Она своего рода посредник между миром простых людей и иным, сказочным.

Образ бабы-яги хорошо показывает всю глубину, сложность и неоднозначность русских сказок, их психологизм и понимание жизни. Там, где речь идет о необходимости продемонстрировать четкие идеалы, они статичны и условны. Баба-яга – не хорошая или плохая, как, казалось бы, должно быть в сказках, а разная, как в жизни. Найдешь нужные слова, общий язык – будет помощником, а нет – так и съест может или еще как-нибудь извести. Характерно, что бабу-ягу, в отличие от Кощея или Змея, почти никогда не уничтожают.

Какой же ключик находят к ней герои? Кто-то завоевывает ее доверие лаской, кто-то – беспомощностью ситуации, кто-то – старательным трудом, кто-то – хитростью. Но самый распространенный способ – напомнить ей об обязанностях хозяйки. И здесь также проявляются особенности русской культуры и отношения к жизни. Избушка стоит в лесу, вокруг нет жилья. Путник-герой приходит к ней в дом и сталкивается с ее недоброжелательностью. Особенно раздражает бабу-ягу «русский дух». Но герой не теряет, отвечает ей: «Ну, старая, чего кричишь? Ты прежде напой-накорми, в баню своди, да после про вести и спрашивай». Законы

⁴³ Флетчер Дж. О русском государстве. М., 2002. С. 113.

⁴⁴ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. С. 47.

⁴⁵ Степанов Ю. Константы: словарь русской культуры. М., 2001. С. 840.

⁴⁶ Максимов С. В. Куль хлеба. Л., 1987. С. 625.

гостеприимства оказываются святы. Вспомнив о своих обязанностях хозяйки, баба-яга ведет его в баню (не для того ли, чтобы «русский дух» отмыть?), потом кормит-поит, спать укладывает. Строго спрашивает: «Что, добрый м#блodeц, дела пытаешь или от дела лытаешь?» Как будто это важно для нее, серьезный он человек или так, время проводит. Герой рассказывает бабе-яге про свою беду. После этого убивать или есть героя невозможно – хлеб преломили, в доме ее поспал, напомнил ей о том, что она хозяйка. Остается только помогать. В печке баба-яга пытается пожарить только детей малых и неразумных, которые подхода к ней не знают, да и то они все равно от нее сбегают.

В сказках нередко герой отправляется за тридевять земель в тридесятое царство. Иногда оно называется «иное», «небывалое» или как-нибудь еще. Путь к нему долгий и трудный. Отправляется туда герой (реже героиня) либо в поисках утраченной возлюбленной (возлюбленного), или выполняя задание, или просто «на ловлю счастья» и удачи. Описания этих царств очень разные, добираться до них герой по-разному – через непроходимый лес, по морю или через высокие горы. Но всегда встречается там с чудом. И всегда возвращается домой.

Существует распространенное мнение о том, что русский народ всегда находился в своеобразной культурной изоляции – в силу географических, а иногда и политических причин. И что это стало причиной отсутствия интереса к далеким странам, сосредоточенности на своем узком круге, часто в рамках нескольких окрестных деревень, когда поездка в ближайший город становилась масштабным событием. С одной стороны, действительно русский крестьянин жил внутри замкнутого мира, и дальние путешествия были для него не только не доступны, но и не нужны. Страна сама по себе большая, разнообразная, да еще и постоянно расширявшая границы и осваивавшая новые земли. С другой стороны, представление об отгороженности русского человека от окружавшего его мира, в том числе и далекого, были явно преувеличены. Политика, торговля, паломничество всегда связывали Русь, Россию с другими странами: еще великокняжеские дочери выходили замуж за иностранных монархов, новые рынки искали за тремя морями, а святые места посещали отнюдь не только люди духовного звания. Свидетельств постоянного взаимодействия России и мира множество: они находятся в книгах, в записках путешественников, в заимствованных обрядах и деталях быта, в языке и традициях питания.

Свидетельствуют об этом и сказки. В них описываются бескрайние моря и высокие горы, которых нет ни в средней полосе России, ни на юге, ни во многих других регионах (вместе они существуют практически только на Русском Севере). Но это никого не смущает, они не воспринимаются как экзотика. А вот иные страны действительно несут на себе отпечаток волшебства. Они описываются как прекрасные и непохожие на повседневность. В тридесятом царстве встречаются великолепные дворцы, хрустальные или стеклянные горы, «луга зеленые, травы шелковые, цветы лазоревые» (157), прекрасные сады, иногда с золотыми плодами или молодильными яблоками. Дворцы там чаще всего золотые: «А дворец тот золотой и стоит на одном столбе на серебряном, а навес над дворцом самоцветных камней, лестницы перламутровые, как крылья в обе стороны расходятся... Лишь только вошли они, застонал столб серебряный, расхотелись лестницы, засверкали все кровельки, весь дворец стал повертываться, по местам передвигаться» (560). Золотой не только дворец, но и колодцы, терема, ограды. Иногда все это алмазное. И живут там часто царь-девицы невиданной красы. А окружают их олени с золотыми рогами, жар-птицы, утки – золотые перышки.

Представление о других странах как о месте прекрасном и удивительном характерно для русской культуры в целом. Интересно, что в словаре констант русской культуры устанавливается связь между понятиями «чужой», «чуждый» и «чудо», «чудесный»⁴⁷. Чудо понимается как «явление, не объяснимое естественным порядком вещей», «странное, необычное».

⁴⁷ Степанов Ю. С. Указ. соч. С. 140.

Описание реальных путешествий русских людей в другие страны очень сильно похоже на сказочное. Столь сильно, видимо, было ожидание «чуда» от этих «чужих» земель. Вот выдержки только из некоторых «хожений»:

«И иные многие столпы стоят по городу из мрамора, много на них надписей, от верха до низа резьбою изукрашены. Много удивительного, уму непостижимо». («Странствий Стефана Новгородца», 1348–1349).

«Стояли на два ряда, одеты одни в багряный бархат, другие в вишневый бархат, один ряд имел на груди жемчуг, другие иное украшение. Под хорами находился чертог с 12 ступенями, шириною две сажени, облачен красным червцом, на нем два столпа золотые... Кто сможет передать эту красоту!» («Хожение Игнатия Смольнянина в Царьград», 1389).

«Перед воротами этого монастыря лежит жаба каменная. Эта жаба при царе Льве Премудром по улицам ходила, мусор пожирала, а метлы сами подметали. Встанут утром рано, а улицы чисты» («Хожение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину», 1419–1422).

«И видели мы город чудный, и равнины, и горы небольшие, и сады красивые, и палаты весьма чудные, с позолоченными верхами, и монастыри в городе чудные и мощные. И товара в нем всякого полно. И воды проведены в город по трубам, текут по всем улицам. А ныне воды из фонтанов текут, студеные и вкусные... И видели здесь мудрость недоуменную и несказанную. <...> Среди города этого фонтаны устроены, колонны их из меди, позолоченные, весьма чудесные, трех сажений и выше. И у каждого из фонтанов статуи людей пристроены, тоже из меди. И вытекают из всех этих медных людей воды вкусные и холодные: у одного из рта, у иного из уха, а у другого из глаза, а у иного из локтя, а у иного из ноздрей, вытекают очень прытко, как из бочек. Статуи эти выглядят просто как живые люди. <...> Так высоки эти горы, что облака вдоль них по ущельям ходят и берутся облака от них же. Снега лежат на них от сотворения гор. Летом же в них жара и зной большой, но снег не тает» («Хожение на Флорентийский собор Неизвестного Суздальца», 1437).

«В крепости султана семеро ворот, а в воротах сидит по сто сторожей да по сто писцов-индусов: одни записывают, кто войдет, другие записывают, кто выйдет; чужестранцев в крепость не пускают. Дворец его весьма чудесный, всюду резьба да золото, и каждый камень резной и золотом расписан причудливо, а во дворце сосуды разные. <...> А Цейлон же есть пристань Индийского моря немалая, а в нем лежит отец Адам на горе высокой. Да около него рождаются драгоценные камни, рубины, кристаллы, белые агаты, смола, хрусталь, наждак. И слоны рождаются, а продают их на локоть, да страусов продают на вес. ... В Шабате же рождаются шелк, скатный жемчуг, простой жемчуг, сандал... В Гуджарате рождаются индиго и лак, а в Камбае рождаются сердолик. В Райчуре же рождаются алмаз» («Хожение за три моря Афанасия Никитина», 1466–1472)⁴⁸.

Трудно отличить в них сказку и реальность, так тесно они переплетаются. И уже описание из сказки выглядит порой более обычным, чем из настоящего путешествия.

Но чудеса в конце концов утомляют. И герои сказок, насладившись удивительной жизнью в далеких странах, начинают тосковать и стремиться домой. А сколько тоски по родине звучит в восклицании Афанасия Никитина, шесть лет странствовавшего по восточным странам: «Русская земля да будет Богом хранима! Боже, сохрани ее! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя бояре Русской земли несправедливы. Да станет Русская земля благоустроенной и да будет в ней справедливость. О Боже, Боже, Боже, Боже»⁴⁹. Порой, чтобы полюбить родные места, надо с ними расстаться. И сказочное путешествие оказывается еще одним испытанием героя – на любовь к родине.

⁴⁸ Книга хожений. Сер. «Сокровища древнерусской литературы». М., 1984. С. 268, 284, 301, 319, 320, 321, 370, 375.

⁴⁹ Там же. С. 378.

Важно отметить еще одну особенность сказочного действия. В Европе большинство сказок начинается с почина вроде «давным давно» («once upon a time»). В России это, как правило, «в некотором царстве, в некотором государстве...» Следовательно, в Европе сказочный отсыл идет во времени – когда-то, давным давно происходили чудеса и жили странные существа. В России же – это отсыл пространственный. Там где-то, в далеких странах, эта сказочная действительность существует и по сей день. Кто знает? Таким образом, в русском восприятии сказочной действительности, с одной стороны, чудо всегда существует где-то за тридевять земель, с другой – оно реально в пространстве, а не во времени. Значит, может жить и в дне сегодняшнем.

В сказках раскрывается множество отдельных черт характера русского человека и особенностей его внутреннего мира и идеалов.

Однозначным является отношение к богатству. Жадность воспринимается как большой порок. Бедность же является достоинством. Это не значит, что нет мечты о достатке: трудности крестьянской жизни заставляли мечтать о скатерти-самобранке, о печке, в которой «и гусятини, и поросятины, и пирогов – видимо-невидимо! Одно слово сказать – чего только душа хочет, все есть!», о невидимом Шмате-разуме, который стол яствами накрывает, а потом убирает и т. д. И о волшебных замках, которые за один день сами строятся, и о полцарстве, за невесту полученном, тоже было приятно помечтать долгими зимними вечерами. Но богатство достается героям легко, между делом, когда они о нем и не думают, как дополнительный приз к хорошей невесте или спасенной жене. Стремящиеся к нему как самоцели всегда наказываются и остаются «у разбитого корыта».

Своеобразным представляется отраженное в сказках отношение русского народа к труду. Вот, казалось бы, непонятная с точки зрения идеалов сказка про Емелю-дурака. Лежал он всю жизнь на печи, ничего не делал, да еще и не скрывал причины, отвечал «Я ленюсь!» на все просьбы о помощи. Пошел как-то по воду и поймал волшебную щуку. Продолжение хорошо знакомо всем: щука уговорила его отпустить ее назад в прорубь, а за это обязалась выполнять все желания Емели. И вот «по щучьему веленью, по моему прошенью» сани без лошади везут дурака в город, топор сам дрова рубит, а они в печь складываются, ведра маршируют в дом без посторонней помощи. Мало того, Емеля еще и дочку царскую заполучил, тоже не без вмешательства волшебства. Конец, правда, все-таки обнадеживающий (в детских пересказах его почему-то часто опускают): «Дурак, видя, что все люди как люди, а он один был нехорош и глуп, захотел сделаться получше и для того говорил: “По щучьему веленью, а по моему прошенью, кабы я сделался такой молодец, чтоб мне не было подобного и чтоб был я чрезвычайно умен!” И лишь успел выговорить, то в ту ж минуту сделался так прекрасен, а притом и умен, что все удивлялись».

Эту сказку часто трактуют как отражение извечной склонности русского человека к лени, безделью. Говорит же она, скорее, о тяжести крестьянского труда, рождавшего желание отдохнуть, заставлявшего мечтать о волшебном помощнике. Да, если тебе повезет и ты поймашь чудо-щуку, можно будет с удовольствием ничего не делать, лежать на теплой печи и думать о царской дочке. Все это, конечно, также нереально для мечтающего об этом мужика, как едущая по улицам печка, и ждет его обычная трудная повседневная работа, но помечтать-то о приятном можно.

Сказка раскрывает и еще одно отличие русской культуры – в ней нет святости понятия труда, того особого трепетного отношения, на грани «труд ради самого труда», которое свойственно, например, Германии или современной Америке. Известно, например, что одной из распространенных проблем у американцев является неумение расслабиться, отвлечься от дела, понять, что ничего не случится, если на неделю уехать в отпуск. Для русского человека такой проблемы нет – отдыхать и веселиться он умеет, а работу воспринимает как неизбежность.

Известный философ И. Ильин считал такую «лень» русского человека частью его творческой, созерцательной натуры. «Созерцанию нас учило прежде всего наше равнинное пространство, – писал русский мыслитель, – наша природа, с ее далями и облаками, с ее реками, лесами, грозами и метелями. Отсюда наше неутолимое взирание, наша мечтательность, наша созерцающая “лень” (Пушкин), за которой скрывается сила творческого воображения. Русскому созерцанию давалась красота, пленявшая сердце, и эта красота вносилась во все – от ткани и кружева до жилищных и крепостных строений»⁵⁰. Пусть нет рвения и возвеличивания труда, зато есть чувство прекрасного, слияние с природой. Это тоже приносит свои плоды – богатое народное искусство, выразившееся в том числе и в сказочном наследии.

Иногда герои награждаются за свое страдание. Эта тема также особо любима русской сказкой. Часто симпатии оказываются на стороне героев (еще чаще – героинь) не в силу их особых качеств или совершаемых ими поступков, а из-за тех жизненных обстоятельств – несчастье, сиротство, бедность, – в которых они оказались. В этом случае спасение приходит извне, ниоткуда, не как результат активных действий героя, а как восстановление справедливости. Такие сказки призваны воспитывать сострадание, сочувствие к ближнему, чувство любви ко всем страждущим. Как тут не вспомнить мысль Ф. М. Достоевского о том, что страдание необходимо для человека, т. к. укрепляет и очищает душу.

Свидетельствуют русские сказки и об особой вере русского человека в значение сказанного слова. Так, существует отдельный цикл из разряда сказок-легенд, в котором весь сюжет завязан на разного рода случайно вырвавшихся проклятиях. Характерно, что известны только русские варианты подобных сказок. В одной из них, например, сын, проклятый матерью еще во чреве, попал в руки к нечистой силе. По очереди все едут его выручать – отец, потом мать, потом жена. Спасает, конечно, жена, не побоявшаяся прыгнуть за ним в прорубь к чертям со словами «Друг мой сердечный, закон неразлучный! Теперь я от тебя не отстану!.. Ты в воду, и я за тобой!» (229). В волшебных сказках также подчеркивается важность произнесенного слова, необходимость держать его: пообещал жениться на той, которая найдет стрелу, – надо выполнять; сдержал слово и ходил на могилу к отцу – будешь награжден; произнесла обещание выйти замуж за того, кто украл крылышки, – выполняй. Этими простыми истинами наполнены сказочные сюжеты.

Слово открывает двери, поворачивает избушку, разрушает чары. Пропетая песенка возвращает память мужу, забывшему и не узнавшему свою жену, козленочек своим четверостишием (кроме него, видимо, он ничего говорить не умеет, иначе бы объяснил, что случилось) спасает сестрицу-Аленушку и себя. Слову верят, без всякого сомнения. «Я тебе пригожусь», – говорит какой-нибудь зайчик, и герой отпускает его, уверенный (как и читатель), что так и будет.

Еще в русских сказках, как и в русском народе, сильна вера в чудо. Конечно, все волшебные сказки в мире строятся на каких-то необыкновенных событиях. Но нигде чудесное так не довлеет над сюжетом, как в русских. Оно нагромождается, переполняет действие, иногда оно даже и не нужно для развития событий. И в него всегда верят, безоговорочно и без тени сомнения. Невольно возникает параллель с днем сегодняшним. Уже сколько лет дурят русского человека, а все равно он верит и покупается. Другие народы уже поняли бы, что нельзя ездить по супердешевым путевкам в Турцию и Египет или верить в какие-то мифические работы, где за месяц заплатят столько, сколько в другом месте за всю жизнь, а все равно верят – и едут, и обманываются, и возвращаются разочарованными, и опять едут. Россия поистине благодатная почва для мошенников, настолько сильна в народе вера в чудо и в то, что лучшее все-таки возможно.

⁵⁰ Русская идея / Сост. М. А. Маслин. М., 1992. С. 437.

Наконец, русские сказки удивляют часто отсутствием логики и здравого смысла. Сказочники даже не пытаются связать или объяснить явления. Кажется, что они часто вполне сознательно избегают этого. Потому что все это не нужно, только затемняет внутреннюю мысль и логику повествования. Именно поэтому русские сказки так трудно понять народам с рациональным мышлением. Так же как трудно понять и поступки русского человека (не отсюда ли выход – идея о загадочной русской душе, хоть как-то объясняющая то, что происходит).

Вот типичный диалог (сказка «Летучий корабль»): «Старик спрашивает дурня: “Куда идешь?” – “Да царь обещал отдать свою дочку за того, кто сделает летучий корабль”. – “Разве ты можешь сделать такой корабль?” – “Нет, не сумею!” – “Так зачем же ты идешь?” – “А Бог его знает!”» (144). За этот замечательный ответ (потому, что он честный?) старик помогает герою добыть царевну. Это вечное странствие «не знаю куда», в поисках «не знаю чего» присуще русским сказкам и русской жизни.

Почему героиня любит никудышного героя? Откуда герой, никогда не покидавший ранее родного дома, знает, какие слова сказать избушке, чтобы она повернулась «к нему передом», а какие – бабе-яге, чтобы она его не съела? Почему купец не удивляется, когда жена просит его купить ей «чудо-чудное, диво-дивное»? Каким образом герой добирается «туда, не знаю куда» и находит «то, не знаю что». Сказки не дают ответа на эти вопросы. Да они не нужны ни слушателю, ни читателю.

Сказки раскрывают все важнейшие стороны русской жизни. Практически все основные темы, которые будут рассмотрены в последующих главах, в той или иной степени затронуты в народном фольклоре. Сказки – неисчерпаемый источник сведений о национальном характере. Сила их и в том, что они не только раскрывают его, но и создают.

Глава 2. Особенности русской государственности

Регионы России: единство в многообразии

Россия широко раскинулась на карте мира. Одной своей частью она лежит в Европе, другой – в Азии. Европейская часть значительно меньше по площади (1/4 территории), но азиатская заметно уступает по населению (1/5 населения страны). Даже сегодня, когда страна потеряла много своих территорий, ее размер впечатляет. Россия все еще остается самым крупным по размерам территории государством мира. Ее площадь составляет почти 17,1 млн. км², что почти в два раза больше, чем Китай и США. Население России, согласно переписи 2002 г., немногим более 145 млн. человек (7-е место в мире после Китая, Индии, США, Индонезии, Бразилии и Пакистана).

Россия расположена в 11 часовых поясах, так что когда жители Калининграда только собираются на обеденный перерыв в 1 час дня, в Петропавловске-Камчатском многие в 10 вечера уже ложатся спать. Максимальное расстояние между западными (не считая Калининградской области, которая отделена от основной территории России государством Литва) и восточными границами – 9 тыс. км, а между северными и южными – 4 тыс. км⁵¹.

В России представлено большинство климатических поясов – от арктической тундры до Прикаспийских пустынь. Немалые площади лежат за Северным полярным кругом, где природные условия особенно суровы.

Про географическое и природное разнообразие можно писать бесконечно: здесь и бескрайние равнины, и высокие горы, и непроходимая тайга, и суровые степи. При этом концентрация населения крайне неравномерна: большая часть населения сосредоточена в городах, остальная стремится собраться вокруг них. Так что огромные пространства остаются незаселенными. Это, кстати, исторически привлекало в Россию захватчиков.

Размах страны настолько огромен, что в ней легко потеряться в буквальном смысле слова. В 1978 г. вся советская общественность была потрясена находкой, которую сделали геологи в сибирской Саянской тайге. Они обнаружили семью Лыковых, много десятилетий жившую в полной изоляции от внешнего мира. Старообрядцы, они бежали от беспокойной жизни еще в 1923 г. и с тех пор не имели никаких контактов с миром. Четверо детей родились в этом уединении и никогда не видели других людей. Эти люди не знали ничего ни о политических изменениях в стране, ни о войнах, ни о техническом прогрессе, просто жили посреди России, как на необитаемом острове. Итог этого открытия был печален – встреча с современной цивилизацией, как когда-то случилось с американскими индейцами, принесла им инфекционные болезни, которые довольно быстро подвели итог жизни этих необычных затворников. Оставшаяся в живых младшая дочь Агафья (к моменту обнаружения ей было 39 лет) наотрез отказалась покидать отчий дом и переезжать к людям.

Неудивительно, что русский человек всегда ощущал безграничность и размах своей страны. Понятие «простор» относится к числу тех русских слов, которые трудно перевести на иностранный язык в силу отсутствия эквивалентов как в языке, так и в жизни других народов. В советское время победно пели: «Широка страна моя родная, / Много в ней лесов полей и рек...» И далее: «От Москвы до самых до окраин, / С южных гор до северных морей, / Человек проходит как хозяин / Необъятной Родины своей». Песня не только воспитывала, но и отражала присущее русскому человеку ощущение необъятности своей страны.

---

⁵¹ Атлас России. М., 2005. С. 6.

Подобное восприятие своей земли как бескрайней и просторной сложилось еще в древности, когда размер ее хотя и отличался существенным образом от современного, но все равно был значительным. Автор знаменитого «Слова о погибели земли Русской» (предположительно XIII в.), от которого дошел до нас только начальный фрагмент, подчеркивает размах и географическое разнообразие Руси: «О светло светлая и красно украшенная земля Русская! Многими красотами дивишь ты: озерами многими, дивишь ты реками и источниками местнотчymi, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными, боярами честными, вельможами многими, – всего ты исполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!»⁵²

Хотелось бы отметить еще один важный момент в вышеприведенном отрывке – ощущение единства всей русской земли. XIII в. – время раздробленности, междоусобиц, распада Древней Руси на отдельные княжества. А автор «Слова» как будто специально указывает границы «красно украшенной земли Русской», подчеркивает ее масштаб и мощь: «Отсюда до венгров, и до поляков, и до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев и до немцев, от немцев до корелы, от корелы до Устюга, где живут тоймичи поганые, и за Дышащим морем, от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы – то все покорил Бог народу христианскому поганые страны: великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю Киевскому, и деду его Владимиру Мономаху, которым половцы детей своих пугали в колыбели. А литва из болота на свет не показывалась. А венгры каменные города укрепляли железными воротами, чтобы на них великий Владимир не ходил войной. А немцы радовались, что они далеко за синим морем. Буртасы, черемисы, веда и мордва бортничали на князя великого Владимира. И сам господин Мануил Цареградский, страх имея, затем и великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьграда его не взял»⁵³.

Размах русского государства не остался незамечен иностранцами. Среди наиболее устойчивых представлений о далекой стране встречаем постоянный набор из холода, варварства, тирании и бескрайних размеров, не имеющих четких границ. Итальянец Павел Йовий (1525): «Страна их весьма обширна, простирается от жертвенников Александра Великого, что находятся у истоков Танаиса, до самого края земель у Полуночного океана почти на самом севере»⁵⁴ (т. е. Северного Ледовитого). Англичанин Джильс Флетчер (1591): «Вся страна занимает большое пространство в длину и ширину... Если бы все владения русского царя были обитаемы и заселены так, как заселены некоторые места, то едва ли бы мог он удержать их под своей властью, или же пересилил бы всех соседственных государей»⁵⁵. Француз Астольф де Кюстин (1839): «В России – сплошь далекие расстояния: на этих голых равнинах, простирающихся куда хватает глаз, нет ничего, кроме расстояний... Эти необъятные просторы – пустыни, лишенные живописных красот; почтовый тракт разрушает поэзию степей; остаются только бескрайние дали да унылая бесплодная земля»⁵⁶.

Наконец, век XX, англичанин Колин Теброн (1983) едет на своем автомобиле в Москву. По дороге он останавливается и ложится на траву на обочине: «Я ощущал ошеломляющее чувство одиночества и опустошения, которым наполнены эти равнины. Я думаю, это меньше связано с их реальной бедностью – песчаные почвы, плохая дренажная система – сколько с неизъяснимой громадой, частью которой они являются. В отсутствии городов или холмов небо

⁵² Слово о погибели земли Русской // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 131.

⁵³ Там же. С. 132.

⁵⁴ Россия в первой половине XVI в.. Взгляд из Европы. М., 1997. С. 265.

⁵⁵ Флетчер Дж. О русском государстве. М., 2002. С. 18.

⁵⁶ Кюстин, маркиз Астольф де. Николаевская Россия. М., 1990. С. 220.

становится страшной пассивной силой. Стань, где хочешь, и три четверти всего пространства поглощаются им, что добавляет безжалостной беспредельности здешней земле»⁵⁷.

Все возраставший век от века размер страны и удаленность ее различных частей друг от друга не уничтожали ощущение государственного единства России. Русский писатель И. А. Гончаров путешествовал по Сибири в середине XIX в. К этому моменту Российская империя уже широко раскинулась от моря до моря. Но ощущения отчужденности, недоступности разных сторон все равно не было. Гончаров сетовал: «“Свет мал, а Россия велика”, – говорит один из моих спутников, пришедший также кругом света в Сибирь. Правда. Между тем приезжайте из России в Берлин, вас сейчас произведут в путешественники: а здесь изъездите пространство втрое больше Европы, и вы все-таки будете только проезжий. В России нет путешественников, всё проезжие...»⁵⁸ Представляется, однако, что дело не в неуважении к российским просторам, а в том, что понятие «путешествие» в данном случае определяется не географическим фактором, а культурным. Можно отъехать не так уж далеко от Москвы, пересечь границу и оказаться в другом мире, среди других народов, живущих по законам своей культуры. А в России можно проехать тысячи километров и все равно остаться в рамках своего, привычного мира.

При всем географическом и природном многообразии в России существовало и существует исключительное культурное единство. Вы можете взять билет на самолет в Петербурге и пролететь 9 часов. Или сесть в Москве на поезд и проехать 7 дней по знаменитому Транссибу – Транссибирской магистрали. Или отважиться на многодневное автомобильное путешествие по российскому бездорожью. И везде вас будет встречать мир, удивительно похожий на тот, который вы уже видели, – русский мир. Меняться будет фон: горы, море, гигантские кедры, тонкие березки, но жизнь людей будет удивительно единообразна: те же дома, тот же уровень жизни, те же особенности быта и традиции, а главное – сами люди.

Попробуйте, сравните небольшой городок где-нибудь под Москвой и в далекой Сибири, разделенные тысячами километров. Отличить их будет невозможно: магазин на центральной площади продает совершенно одинаковый набор товаров, в церкви напротив идет схожая служба, пожилые женщины на лавочке грызут семечки и с одинаковым выражением лиц разглядывают прохожих.

В самых разных уголках России люди садятся за праздничный стол и едят одни и те же блюда, пьют одинаковые напитки. Расслабившись, поют общие песни. Во всей России празднуют одни и те же праздники, причем соблюдая единые традиции. Все читают те же книги, получают в школах одинаковые знания. Но это все только внешние признаки. Сходство же наблюдается и во внутреннем мире, манере поведения, мировосприятии, взглядах, характере. Все это было бы неувидительно в рамках одной страны, если бы не огромные и разнообразные масштабы России.

Культурное многообразие России создают некоторые так называемые малые народы («малые» в плане численности, конечно), сохранившие свои этнические особенности: чукчи, эвенки, хакасы и другие. Но и их быт подвергся общерусскому влиянию, а традиции сохранились, прежде всего в вопросах веры и в виде красивых обрядов.

Россия страна многонациональная: согласно переписи 2002 г., в России проживает более 100 различных народов. Из них 4/5 составляют русские⁵⁹. Более того, эта ситуация не нова, так было в самые разные исторические периоды. Еще летописец писал об объединении различных племен под эгидой общего правителя в едином государстве Русь. С тех пор число разных этнических общностей, входящих в состав России, только увеличивалось и разнообразилось.

⁵⁷ Thubron C. Among the Russians. L., 1983. P. 12.

⁵⁸ Гончаров И. А. Полное собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1907. С. 695.

⁵⁹ Данные переписи приводятся по: www.perepis2002.ru

Этническая принадлежность – вещь сложная вообще, а для России в особенности. Известный историк и мыслитель Л. Н. Гумилев отмечал при самоопределении важность времени, места и собеседника: карел из Калининской области в своей деревне карел, а в Ленинграде – русский. Татарин в Западной Европе – русский (ср. в Америке всех эмигрантов из бывшего СССР называют русскими), а в Новой Гвинее вообще будет просто европейцем⁶⁰.

Единая связующая основа существует при сохранении культурной самобытности разных народов, проживающих в едином российском государстве. Великий французский писатель А. Дюма путешествовал по России в 1858 г. Во время пребывания в Астрахани он в первую очередь интересовался различными нерусскими народами, которые во множестве населяли этот южный город. Своеобразие их быта, образ жизни, традиции произвели на него большое впечатление. Увиденное он подытожил замечательной фразой: «Итак, фон русский, узор – армянский, персидский, татарский и калмыцкий»⁶¹.

Конечно, единство не означает единообразия. Оно отнюдь не исключает особенностей развития разных составляющих страны (на сегодняшний день Россия разделена на 89 регионов). У каждого региона свои природные и климатические условия, свой набор полезных ископаемых, свои соседи, с которыми надо поддерживать отношения, свои приоритеты. Нет здесь и политической идиллии – многие части не отказались бы от независимости, если бы такая возможность представилась.

Даже внутри русского этноса сложились своеобразные субэтносы. Сибиряки считают себя особым народом, чье своеобразие сформировалось под влиянием суровых климатических условий и борьбы за выживание. Также и поморы, чей образ жизни, в отличие от других жителей России, во многом определяет тесная связь с морем. Историко-политические условия отразились на своеобразии культуры и быта казачества.

Однако все это не меняет основы – на уровне культурном и бытовом, на уровне людей, их взглядов, отношения к жизни и миру, на уровне традиций и обрядов, это единство все равно существует. Речь идет именно о единстве в многообразии. К тому же процесс культурного взаимодействия и взаимообогащения не прекращается. Сибирские пельмени, которыми так гордились всегда сибиряки, давно стали достоянием всей России. Казачьи песни популярны в самых разных уголках страны. Поморские изделия из кости повсеместно украшают дома россиян.

Факторы, повлиявшие на сложившееся в России государственное единство при сохранении культурного многообразия, многочисленны и разнообразны. Это географическое единообразие, условия и особенности заселения территорий, и направленная политика государства в разные исторические периоды, особенности русского характера и культуры.

Географический фактор играет важную роль в формировании культурно-бытовых особенностей развития народов, влияет на складывание национального характера. Несмотря на внешнее разнообразие, которое должно вытекать из положения России в разных климатических и географических зонах, природа страны достаточно единообразна. Лес да поле, равнина, изредка перебиваемая холмами, – все это сопровождает русского человека, куда бы он ни поехал в своей стране. Те же березки, те же сероватые поля, реки, дающие жизнь деревням, поселкам и городам, пыльные дороги. Как пелось в популярной в советское время детской песне: «То березка, то рябина, / Куст ракиты над рекой. . . / Край родной, навек любимый, / Где найдешь еще такой!» Этот однообразный пейзаж действительно не наводит уныния на русского человека, он любим им и связан в душе с представлением о Родине.

Небольшая по размерам, относительно территории России, Европа сумела вместить удивительное природно-географическое разнообразие. Здесь и высокие Альпы, и пышная средиземноморская природа.

⁶⁰ Гумилев Л. Н. Этносфера: История людей и история природы. М., 1993. С. 40.

⁶¹ Дюма А. Путевые впечатления в России. В 3 т. Т. 3. М., 1993. С. 257.

земноморская растительность, и озерные края Швейцарии и Финляндии, и засушливые, почти пустынные земли Центральной Испании. Видимо, не случайно, на этой небольшой территории сложилось более 40 государств, жители которых имеют свою культуру и характер.

Два классика русской исторической науки, В. О. Ключевский и С. М. Соловьев писали о географическом единообразии России и его влиянии на русский характер. Приведем их мнения.

В. О. Ключевский: «Однообразие – отличительная черта ее поверхности; одна форма господствует почти на всем ее протяжении: эта форма – равнина, волнообразная плоскость пространством около 90 тысяч квадратных миль (более 400 миллионов десятин), т. е. площадь, равняющаяся более чем девяти Франциям, и очень невысоко (вообще, саженой на 79–80) приподнятая над уровнем моря...»

Теперь путник с Восточно-Европейской равнины, впервые проезжая по Западной Европе, поражается разнообразием видов, резкостью очертаний, к чему он не привык дома. Из Ломбардии, так напоминающей ему родину своим рельефом, он через несколько часов попадает в Швейцарию, где уже другая поверхность, совсем ему непривычная. Все, что он видит вокруг себя на Западе, настойчиво навязывает ему впечатление границы, предела, точной определенности, строгой отчетливости и ежеминутного, повсеместного присутствия человека с внушительными признаками его упорного и продолжительного труда. Внимание путника непрерывно занято, крайне возбуждено. Он припоминает однообразие родного тульского или орловского вида ранней весной: он видит ровные пустынные поля, которые как будто горбятся на горизонте, подобно морю, с редкими перелесками и черной дорогой по окраине – и эта картина провожает его с севера на юг из губернии в губернию, точно одно и то же место движется вместе с ним сотни верст. Все отличается мягкостью, неуловимостью очертаний, нечувствительностью переходов, скромностью, даже робостью тонов и красок, все оставляет неопределенное, спокойно-неясное впечатление. Жилья не видно на обширных пространствах, никакого звука не слышно кругом – и наблюдателем овладевает жуткое чувство невозмутимого покоя, беспробудного сна и пустынности, одиночества, располагающее к беспредметному унылому раздумью без ясной, отчетливой мысли»⁶².

С. М. Соловьев: «Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразие занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения; одинакие потребности указывают одинакие средства к их удовлетворению; и равнина, как бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятна обширность Русской государственной области, однообразие частей и крепкая связь между ними...»

Наконец, природа страны имеет важное значение в истории по тому влиянию, какое оказывает она на характер народный. Природа роскошная, с лихвою вознаграждающая и слабый труд человека, усыпляет деятельность последнего, как телесную, так и умственную. Пробужденный раз вспышкой страсти, он может оказать чудеса, особенно в подвигах силы физической, но такое напряжение сил не бывает продолжительно. Природа, более скупая на свои дары, требующая постоянного и нелегкого труда со стороны человека, держит последнего всегда в возбужденном состоянии: его деятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работает он умом, неуклонно стремится к своей цели; понятно, что народонаселение с таким характером в высшей степени способно положить среди себя крепкие основы государственного быта, подчинить своему влиянию племена с характером противоположным. С другой стороны, роскошная, щедрая природа, богатая растительность, приятный климат развивают в народе чувство красоты, стремление к искусствам, поэзии, к общественным увеселениям, что могуще-

⁶² Ключевский В. О. Сочинения. В 10 т. Т. 1. М., 1987. С. 86–87.

ственно действует на отношения двух полов: в народе, в котором развито чувство красоты, господствует стремление к искусству, общественным увеселениям, – в таком народе женщина не может быть исключена из сообщества мужчин. Но среди природы относительно небогатой, однообразной и потому невеселой, в климате, относительно суровом, среди народа, постоянно деятельного, занятого, практического, чувство изящного не может развиваться с успехом; при таких обстоятельствах характер народа является более суровым, склонным более к полезному, чем к приятному; стремление к искусству, к украшению жизни слабее, общественные удовольствия материальнее, а все это вместе, без других посторонних влияний, действует на исключение женщины из общества мужчин, что, разумеется, в свою очередь приводит еще к большей суровости нравов»⁶³.

Даже Сибирь, расположенная за Уральским хребтом, в Азии, внешне не так сильно отличается от остальной России, как это принято считать. Начать с того, что разделение на Европу и Азию условно. Евразия единственный из шести мировых материков (или континентов), который делится на две части света: Европу и Азию. Подобного рода деления всегда были крайне относительноны и менялись в разные исторические эпохи. Континент един и делится на две части достаточно невнятно.

Известный русский социолог и историк Н. Я. Данилевский в своем знаменитом труде «Россия и Европа» обратил внимание на эту условность границ между двумя частями света еще в XIX в. Об уральских горах он писал: «Хребет этот по высоте своей – один из ничтожнейших, по переходимости – один из удобнейших; в средней его части, около Екатеринбурга, переваливают через него, как через знаменитую Алаунскую плоскую возвышенность и Валдайские горы, спрашивая у ямщика: да где же, братец, горы? Если Урал отделяет две части света, то что же отделять после того Альпам, Кавказу или Гималаю? Ежели Урал обращает Европу в часть света, то почему же не считать за часть света Индию? Ведь и она с двух сторон окружена морем, а с третьей горами – не Уралу чета; да и всяких физических отличий (от сопредельной части Азии) в Индии гораздо больше, чем в Европе. Но хребет Уральский, по крайней мере, – нечто; далее же честь служить границей двух миров падает на реку Урал, которая уже совершенное ничто. Узенькая речка, при устье в четверть Невы шириной, с совершенно одинаковыми по ту и по другую сторону берегами. Особенно известно за ней только то, что она очень рыбна, но трудно понять, что общего в рыбности с честью разграничивать две части света»⁶⁴.

Даже перевалив через эту условную границу и оказавшись в Азии, в Сибири, путешественник по-прежнему оказывался в знакомом ему мире. А. П. Чехов, описывая свое путешествие по Сибири (он ехал на остров Сахалин), обращал на это внимание своих читателей: «Если пейзаж в дороге для вас не последнее дело, то, едуци из России в Сибирь, вы проскучаете от Урала вплоть до самого Енисея. Холодная равнина, кривые березки, лужицы, кое-где озера, снег в мае да пустынные, унылые берега притоков Оби – вот и всё, что удастся памяти сохранить от первых двух тысяч верст. Природа же, которую боготворят инородцы, уважают наши беглые и которая со временем будет служить неисчерпаемым золотым прииском для сибирских поэтов, природа оригинальная, величавая и прекрасная начинается только с Енисея». Но и здесь она оказывается знакомой и различие тоже в основном психологическое, ты знаешь, что кругом бескрайняя тайга и это рознит ее с привычным среднерусским лесом. «Скоро после Енисея начинается знаменитая тайга, – продолжает Чехов. – О ней много говорили и писали, а потому от нее ждешь не того, что она может дать. Вначале как будто немного разочаровываешься. По обе стороны дороги непрерывно тянутся обыкновенные леса из сосны, лиственницы, ели и березы. Нет ни деревьев в пять охватов, ни верхушек, при взгляде на которые кружится голова; деревья нисколько не крупнее тех, которые растут в московских Сокольниках. Сила

⁶³ Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 1. М., 1988. С. 56, 73.

⁶⁴ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 769.

и очарование тайги не в деревьях-гигантах и не в гробовой тишине, а в том, что разве одни только перелетные птицы знают, где она кончается. В первые сутки не обращаешь на нее внимания; во вторые и в третьи удивляешься, а в четвертые и пятые переживаешь такое настроение, как будто никогда не выберешься из этого зеленого чудовища. Взберешься на высокий холм, покрытый лесом, глянешь вперед на восток, по направлению дороги, и видишь внизу лес, дальше холм, кудрявый от леса, за ним другой холм, такой же кудрявый, за ним третий, и так без конца; через сутки опять взглянешь с холма вперед – и опять та же картина...»⁶⁵

Другой великий русский писатель И. А. Гончаров описание Якутска прерывал мысленным возражением: «Да это и в Петербурге все есть, – скажет читатель, – и широкая река, снегу – вдоволь, сосен – сколько хочешь, церквей тоже у нас здесь не мало. А если заглянуть на Петербургскую или Выборгскую стороны, то, пожалуй, найдешь что-нибудь похожее и на юрты. О гордости и говорить уж нечего! Для полноты картины не хватает в Петербурге якутских морозов, а в Якутске – петербургских оттепелей»⁶⁶. Безусловно, якутские зимы дольше и холоднее петербургских, с этим трудно поспорить. И это тоже создает многообразие России, не нарушая ее единства.

Конечно, сибирская природа прекрасна и величественна. Но не стоит преувеличивать ее отличие от среднерусской. Может быть, именно благодаря этому сходству Сибирь стала родной для русских, переселявшихся в нее, да и для всей России в целом. Популярная городская столичная песня начала XX в. «Чубчик» утверждала: «Но я Сибири, Сибири не боюсь, / Сибирь ведь тоже – русская земля».

Унификация и единство страны – давняя традиция. Она имеет гораздо более глубокие корни, чем советский строй, которому ее часто приписывают. Советское государство просто переняло ее, как и многое другое, от того, старого, с которым оно так активно боролось.

Огромную роль сыграли особенности заселения территорий России. Именно в них, а не столько в географическом факторе в значительной мере заложены основы культурно-бытового единства страны. Ключевский писал о том, что история России есть история страны, которая колонизируется, подчеркивая таким образом важность этого процесса.

Освоение новых земель шло в России своим путем, не похожим на колонизационные процессы в других странах. Начать с того, что территории, примыкающие к историческим ядрам европейских государств, были заселены в глубокой древности. Тогда же были определены и границы. Споры и завоевания вокруг границ не прекращались, приграничные территории отходили то в одну, то в другую сторону, достаточно вспомнить, например, Эльзас и Лотарингию, раздираемые между Францией и Германией. Некоторые, подобно Великобритании, засели на изолированной территории и расширяться там, на месте, им уже было некуда (что не спасало, как в случае с теми же составными частями Великобритании, от внутренних дележек). В Европе с древнейших времен колонизировать уже было нечего, можно было только завоевывать.

Колонизация для европейских стран – это продвижение на другие континенты и освоение земель, никак не связанных с родной. Местное население можно было или покорить, поставить себе на службу, или вырезать, или, в лучшем и редком случае, игнорировать. Россию часто сравнивают с Соединенными Штатами, где процесс колонизации шел на своем континенте. Однако понятие «свой» – очень недавнее, покорители Дикого Запада все равно оставались пришлыми людьми из Европы, хотя они и сделали Америку своим домом. Их взаимоотношения с коренным населением строились по одному принципу – убрать то, что мешает. Печальная судьба американских индейцев хорошо известна: они были почти полностью истреблены.

---

⁶⁵ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Сочинения. В 18 т. Т. 14, 15. М., 1987. С. 117, 121.

⁶⁶ Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Л., 1986. С. 796.

Русские поселенцы продвигались по территориям, которые считали своими, они двигались на север, юг и, главное, восток, удаляясь от центра, но никогда не отрываясь от него. В любую точку страны можно было пройти по суше, не пересекая границ других государств. Это придавало целостность и единство расплывшемуся русскому государству. Речь шла не о создании далекой колонии или завоевании для себя чужого континента, а о расширении границ своего государства. В этих условиях коренные народы также включались в состав государства как составная часть его населения. Для русских переселенцев они становились в этом случае соседями. Конечно, в ходе русской истории было разное – и сопротивление местных жителей, и военные действия против них, и суровые конфликты между старыми и новыми жителями. Идиллии здесь не было, как не бывает постоянной идиллии и в отношениях между соседями, все люди разные, и это неизбежно рождает ссоры. Но общее отношение было именно такое – добрососедское, а не захватническое. В тех случаях, когда конфликтов можно было избежать, именно так и старались делать.

Показательный и забавный эпизод приводит в своих воспоминаниях С. Волконский, внук известного декабриста. Отец автора принимал активное участие в освоении Сибири. Вот что он рассказывал: «Припоминается мне еще любопытный случай, показывающий, насколько русский человек способен к колонизации. Во время своей поездки по Амуру Муравьев высадился посмотреть на одну бурятскую деревушку и пришел в негодование, увидав что население, через год после присоединения к России, по-русски не говорит. Он всплил: “Поставить сотню казаков!” Через год отец, проезжая мимо, заехал, чтобы проверить успехи населения. Результат был неожиданный, – все казаки говорили по-бурятски»⁶⁷.

Это, конечно, исторический курьез, но действительно было важно не растерять и свою самобытность. Новые условия, к которым надо подладиться, взаимодействие с народами, традиции которых сильно отличались от родных, часто новые виды деятельности, суровый климат, удаленность от родных и близких людей – все это ставило под угрозу собственные культурные и национальные основы. Однако русским переселенцам удавалось адаптироваться к новой жизни, сохранить самих себя и передать свои культурные основы не только детям и внукам, но и народам, среди которых им было суждено жить.

Вот как просто и безыскусно рисует процесс переселения на новое место старинная казачья песня (в оригинале каждая строчка повторяется дважды):

Полно вам, снежочки, на талой земле лежать,
 Полно вам, казаченьки, горе горевать.
 Оставим тоску-печаль во тёмном во лесу.
 Будем привыкать к азиатской стороне.
 Казаки-казаченьки, не бойтесь ничего.
 Есть у вас, казаченьки, крупа и мука.
 Кашицы наварим, мягких хлебов напечём.
 Сложимся по денежке, пошлём за винцом.
 Выпьем мы по рюмочке, позавтрекаем.
 Выпьем по другой, разговор заведём.
 Выпьем мы по третьей, – отца с матерью вспомянем.
 Выпьем по четвертой, – с горя песню запоем.
 Мы поем, поем про казачье житьё.
 Казачье житьё право лучше всего.

В песне присутствуют все базовые элементы русской жизни, принесенные с собой в «азиатскую сторону»: хлеб да каша как основа существования (до прихода русских Сибирь не знала зерновых и хлеба), общение, беседа, разговор, родовая память, традиционная культура (песня).

⁶⁷ Волконский С. М. О декабристах. Париж, 1921. С. 109.

Начав «горе горевать», песня напоминает о том, что все самое главное есть с собой и традиционный уклад возможен на чужой земле, а заканчивает оптимистично, утверждая, что и в далекой стороне жизнь «лучше всего».

Заселяя новые земли, русские переселенцы преобразовали те места, где селились. Они приносили туда свои навыки и умения, прокладывали дороги (пусть и печально знаменитые, но ведь не было никаких), ставили деревни и города по берегам рек, сеяли хлеб, разводили скот, занимались теми видами деятельности, которые были незнакомы в новых местах, или делали это все по-другому. Восхищался этим свойством русского человека А. И. Герцен, писавший об освоении Сибири: «...горсть казаков и несколько обездоленных мужиков перешли на свой страх океаны льда и снега, и везде, оседали усталые кучки, в мерзлых степях, забытых природой, кипела жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана»⁶⁸.

Другая эпоха и другие края – советский период в Киргизии. Пришедшие в те края русские оценили прекрасный теплый климат и засадили республику плодоносными садами. Скотоводы и кочевники, киргизы сами не имели привычки и навыка садоводства, но высоко оценили это нововведение и охотно ухаживали за посадками. Труд, старание, умение, климат привели к тому, что эти пустынные, порой засушливые места были превращены в цветущий край. Сегодня только небольшие клочки посадок напоминают о былом великолепии, с уходом русских из независимой теперь страны сады исчезли.

Переделка и благоустройство новых земель касались не только сельскохозяйственной деятельности. Строились дома, возводились города, причем все это, независимо от местоположения, принимало знакомые формы. Местный фактор, конечно, учитывался – климат, сейсмологическая ситуация, географическое положение, но принципы градостроительства, видоизменяясь, оставались прежними. Привносились и принципы общественного устройства, система администрирования, социальные отношения.

В каждом конкретном случае преобразования были направлены на оптимальное использование местных условий. А. С. Пушкин, путешествуя по Северному Кавказу, не переставал удивляться переменам: «Из Георгиевска я заехал на Горячие воды. Здесь нашел я большую перемену: в мое время ванны находились в лачужках, наскоро построенных. Источники, большей частью в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе белые и красноватые следы. Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки. Нынче выстроены великолепные ванны и дома. Бульвар, обсаженный липками, проведен по склонению Машука. Везде чистенькие дорожки, зеленые лавочки, правильные цветники, мостики, павильоны. Ключи обделаны, выложены камнем; на стенах ванн прибиты предписания от полиции; везде порядок, чистота, красота...»⁶⁹ Стереотип о бесхозяйственности и лени русских разбивается об историческую реальность.

Впрочем, освоение и преобразование земель для любой колонизации – вещь обычная и естественная. Удивительно другое. Русские переселенцы преобразовали жизнь местного населения. Причем, это была отнюдь не насильственная «русификация», как это нередко представляют, а именно воздействие, обучение, передача навыков и знаний. А вот уже усвоение новых принципов жизни и труда вело к изменениям в быте и взглядах, создавало единство не только русского населения в стране, но и вообще всех граждан государства.

И. А. Гончаров подробно описал в своих записках о путешествии по Сибири, как постепенно сельское хозяйство проникало в Якутию. «Местами поселенцы не нахвалятся урожаем. Кто эти поселенцы? Русские. Они вызываются или переводятся за проступки из-за Байкала или с Лены и селятся по несколько семейств на новых местах. Казна не только дает им средства на первое обзаведение лошадей, рогатого скота, но и поддерживает их постоянно, отпуская по

⁶⁸ Евдокимова С. В. Очерки истории городов Забайкалья. XVII–XVIII вв. Ч. 1. Улан-Удэ, 1993. С. 22.

⁶⁹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 16 т. Т. 8, кн.1. М.-Л., 1948. С. 447.

два пуда в месяц хлеба на мужчину и по пуду на женщин и детей. Я видел поселенцев по рекам Мае и Алдану: они нанимают тунгусов и якутов обрабатывать землю. Те сначала не хотели трудиться, предпочитая есть конину, белок, древесную кору, всякую дрянь, а поработавши год и поевши ячменной похлебки с маслом, на другой год пришли за работой сами»⁷⁰.

«Теперь же, – пишет Гончаров, – многие якуты сами занимаются земледелием». Он описывает увиденное им под Якутском богатое хозяйство, которое вела якутская семья, ставшая состоятельной на торговле зерном. «Поля, пестреющие хлебом» своим изобилием напомнили ему Волжские берега.

С теми же местами связано и еще одно интересное явление, характерное для русской колонизации новых земель. В новые места русские несли просвещение и образование. Причем, хотя в большой степени это было связано с деятельностью духовных лиц, не всегда исключительно в форме религиозного миссионерства. Показательна в этом смысле жизнь и деяния Иннокентия Вениаминова (1797–1879), епископа Камчатского, Курильского и Алеутского. Еще в начале своей бурной деятельности Иннокентий был отправлен миссионером на Алеутские острова, на которых прожил 10 лет. За это время он выучил алеутский язык, создал алеутскую письменность, составил алеутский букварь и грамматику, перевел Евангелие, которое он распространял между местными жителями, переписывая от руки. Позже, находясь на Аляске, он осуществил перевод Евангелия на язык местных индейцев – колошей. Традиционное представление об исконном невежестве и нежелании коренных народов Севера учиться Иннокентий, хорошо изучивший обычаи и психологию алеутов, решительно опровергал. Житие святителя Иннокентия рассказывает: «Трудно описать ту радость, с которой встретили алеуты переводы на их язык этих книг! Почти все они с усердием начали учиться грамоте. Нередко было можно встретить за этим занятием седых стариков и женщин»⁷¹. Заметим, кстати, что созданная русским миссионером-просветителем письменность прекратила свое существование в 1868 г. после перехода островов во владение США. Хотя православная традиция в тех местах уцелела, и многие индейцы Аляски до сих пор носят русские имена и посещают православную церковь.

Деятельность Иннокентия продолжалась по возвращении его в Сибирь. Он переводил священные книги на местные языки (кадьяков, эвенков (тунгусов), якутов и др.), составлял азбуки, открывал школы. Яркая незаурядная личность (он был канонизирован в 1977 г. после обращения к русской православной церкви представителей американской православной церкви), он сделал на удивление много для просвещения народов Севера, их христианизации и распространения образования. Причем никогда не связывал вопросы веры с распространением знаний, учиться могли и необращенные. Но было много и других (тот же Гончаров упоминает первую грамматику якутского языка, составленную Д. Хитровым), и не только лиц духовного звания. Много образованных людей было среди ссыльных поселенцев, они также нередко занимались обучением местных ребятишек. Это не говоря уже об общегосударственной политике, старавшейся распространять образование по стране более или менее равномерно (первый сибирский университет, основанный в 1878 г., – Томский – был девятым в России). Нельзя не упомянуть и географию первых российских университетов, открытых вслед за Московским: Дерптский (1802, Эстония), Виленский (1803, Литва), Казанский (1804), Харьковский (1804, Украина), Петербургский (1819), Киевский (1834, Украина). Больше половины сегодня оказались за границей!

Государственная политика играла далеко не последнюю роль в создании общероссийского единства, это был процесс не только стихийный, возникавший по мере переселения людей, но и целенаправленный, поддерживаемый государством. Это ярко проявилось в сфере

⁷⁰ Гончаров И. А. Полное собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1997. С. 684.

⁷¹ Жития и творения русских святых. М., 2001. С. 608.

образования. Государственная светская система образования в России складывается в XVIII в. и сразу ставит во главу угла принцип единства. Программы, учебники, требования – все разрабатывается в едином ключе для большой страны. Конечно, принимаются во внимание и местные особенности. Так, в XIX в. в гимназиях центральных районов обязательными для изучения языками являются французский и немецкий, в Архангельской губернии – английский, в южных губерниях – греческий, а в Иркутской – китайский. Но общим направлением было единство образовательной системы.

В советский период эта традиция еще более окрепла. Министерство образования, находившееся в Москве, твердо регулировало образовательный процесс в самых удаленных точках Советского Союза. Иностранцы удивлялись и иронизировали: «Ученица 5 класса может в середине учебного года переехать из Москвы в Новосибирск, пойти там в школу и не заметить перемены. Ученики 5 класса в Новосибирске будут проходить те же уроки, что и в Москве, читать те же учебники, и даже темы будут совпадать»⁷². И это было действительно так. Не только единая программа для всех, но даже одинаковая привязка к датам, одни и те же контрольные работы в одинаковые сроки – таков был порядок.

За последние 15 лет ситуация несколько изменилась. Свобода и сопровождающий ее некий хаос (чего только стоит постоянная реорганизация бывшего Министерства образования, где уж тут заниматься вопросами управления образованием) привели к тому, что образовательное единство в стране ослабло. Учебным заведениям на местах была предоставлена возможность самим выбирать отдельные дисциплины и учебные материалы. Результат был предсказуемый – растерянность и снижение качества образования. Сегодня многие учителя в региональных школах скучают без единого учебного плана, программ и учебников, чувствуя себя беспомощными перед лицом огромной информационной и книжной лавины современности.

Государственная политика, направленная на создание единства разных регионов огромной страны, как уже отмечалось, вместе с тем довольно гибко учитывала и местные особенности, если этого требовал здравый смысл и благополучие региона. Так, Гончаров сообщает интересный факт, касающийся продажи алкоголя на Крайнем Севере. Приведем его рассказ полностью: «А вина нет нигде на расстоянии тысячи двухсот верст. Там, где край тесно населен, где народ обуздывается от порока отношениями подчиненности, строгостью общего мнения и добрыми примерами, там свободное употребление вина не испортит большинства в народе. А здесь – в этом молодом крае, где все меры и действия правительства клонятся к тому, чтобы с огромным русским семейством слить горсть иноплеменных детей, диких младенцев человечества, для которых пока правильный, систематический труд – мучительная, лишняя новизна, которые требуют осторожного и постепенного воспитания, – здесь вино погубило бы эту горсть, как оно погубило диких в Америке. Винный откуп, по направлению к Охотскому морю, нейдет далее ворот Якутска. В этой мере начальства кроется глубокий расчет – и... русский, самобытный пример цивилизации, которому не худо бы поучиться некоторым европейским судам, плавающим от Ост-Индии до Китая и обратно»⁷³.

В 1971 г. XXIV съезд КПСС провозгласил появление «советского народа», который понимался как «новая историческая, социальная и интернациональная общность людей, имеющих единую территорию, экономику, единую по социалистическому содержанию и многообразную по национальным особенностям культуру, федеративное государство и общую цель – построение коммунизма». Конституция СССР 1977 г. подтвердила тот факт, что в стране «сложилась новая историческая общность людей – советский народ»⁷⁴.

⁷² Richmond G. From Nyet to Da: Understanding the Russians. Intercultural Press, 1992. P. 82.

⁷³ Гончаров И. А. Указ. соч. С. 686.

⁷⁴ Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской конституции. М., 1987. С. 316.

Сегодня многие воспринимают эти фразы с усмешкой как заблуждения (сознательные или нет) советской эпохи. Вместе с тем единство и унификация народов действительно достигли к концу существования советского государства значительных размеров. Одинаковые дома, одежда, продукты питания, школы, книги, мебель, утренники в детских садах – все это было реальностью в тот период. Тогда же это было удачно высмеяно в популярном фильме «Ирония судьбы, или С легким паром!»: герой, попав в чужую квартиру в чужом городе, никак не может найти «трех отличий», проходит много времени, пока он осознает свою ошибку. Замечали это единообразие и сторонние наблюдатели. Так, известный итальянский журналист Луиджи Барзини в середине 1960-х гг. посмеивался над группами, приезжавшими на экскурсии из Советского Союза. «Русские туристы, – писал он, – все носят одинаковые мешкообразные одежды, такие новенькие, как бывают у провинциальных молодых людей, и одинаковые плащи до пят»⁷⁵.

Нельзя не упомянуть об одном важном «объединителе» России – русском языке. По мере создания империи, включавшей в себя разные народы, возникала и необходимость в языке международного общения, которым для Российской империи (а позже для Советского Союза и Российской Федерации) стал русский язык. Согласно переписи населения 2002 г., из 145 млн. жителей России 142,5 млн. владеют русским языком. Всего же считается, что, включая население бывших республик и зарубежных стран, на русском языке говорят около 250 млн. (надо еще учесть, принимая во внимание политический аспект проблемы, что не все в этом признаются).

Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что распространение русского языка, за исключением определенного отрезка времени, не было насильственным. Открывались школы на местах, давалась возможность изучить его, но это было делом добровольным. Многим хватало основ, необходимых для того, чтобы объясниться на бытовом уровне. После революции, в 1919 г., был принят декрет, согласно которому в стране вводилось обязательное обучение грамоте «на родном или русском языке по желанию». Только в 1938 г. было принято постановление партии и правительства «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Изучение русского языка стало обязательным для всех жителей страны. Это не отменило изучения национальных языков, в том числе в некоторых местах сохранились школы, где отдельные предметы велись на родном языке.

С распадом Советского Союза вопрос о русском языке приобрел ярко выраженное политическое звучание. Его стали называть «языком оккупантов», «языком тоталитаризма», «имперским языком». Многие бывшие советские народы стали демонстративно отказываться от его употребления. Вместе с тем хотелось бы отметить, что русский язык в значительной мере остается языком межнационального общения не только в России, но и за ее пределами. Он необходим не только для общения русских и нерусских, но и для установления контактов между различными нерусскими народами. Как иначе армянин поймет таджика, а киргиз грузина, если не с помощью русского языка. Сейчас, особенно среди молодежи, в бывших республиках внедряется английский язык как международный, но для старшего поколения именно русский сохраняет свое значение.

О том, что противостояние русскому языку искусственно и политизировано, свидетельствуют такие данные. В Республике Карелия в последние годы разработана программа по развитию финно-угорской школы. В постановлении Председателя Правительства Республики Карелия (1997) приводятся следующие данные всесоюзной переписи 1989 г.: 51,5% карелов, 40,6% финнов и 37,5% вепсов признали родным язык своего народа. При этом микроперепись, проведенная в рамках республики, выявила, что 82,5% карелов, 90,6% финнов и 75,7% вепсов общаются дома только на русском языке. В постановлении признается, что «использо-

---

⁷⁵ Barzini L. *Haliens*. Penguin books, 1968. P. 64.

вание русского языка в производственной и образовательной сфере практикуется абсолютным большинством»⁷⁶.

Вместе с языком распространялась и литература, на этом языке написанная. Это породило духовную общность народов России. Пушкин, с его гениальным даром предвидения, писал: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, / И назовет меня всяк сущий в ней язык, / И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой / Тунгус, и друг степей калмык». Ему не просто было важно показать, что он будет любим в своей стране, но и подчеркнуть ее многонациональный состав, духовно объединяемый русской культурой (даже в большей степени, чем религией, т. к. не все народы приняли христианство, многие сохранили свои традиции). Русские литература и язык являлись и являются важным объединительным фактором не только для разных народов, проживающих в России, но и для самих русских, разбросанных по огромной территории. Жители самых удаленных уголков страны росли и воспитывались на одних книгах, позже фильмах, что не могло не сказаться на единстве взглядов, вкусов, представлений о мире.

Культурное общение и обогащение было взаимным. Об этом написано много исследований. Соседствуя бок о бок, народы России перенимали друг у друга обычаи, традиции, привычки. Очень важно отметить, что они становились не просто заимствованиями одного народа у другого, а неотъемлемой частью некоей единой культуры. И входили в плоть и кровь этой общности. Интересно, что даже те народы, которые живут самостоятельно, но какое-то время находились вместе с Россией, не могут расстаться с некоторыми элементами русского влияния, ставшими составной частью их быта. Финны очень любят соленые огурцы и квас, причем не сладкий газированный напиток, который сейчас выдается за квас в России, а настоящий, приготовленный в домашних условиях, забродивший и выдержанный. Они каждый раз извиняются перед приезжими, в том числе и русскими, за то, что любят такой странный, «никому» не известный, но столь любимый ими напиток.

Итак, единство различных регионов России складывалось стихийно и естественно, по мере заселения земель русскими. Уходя жить в далекие края, они несли с собой свой уклад жизни и бережно хранили его, передавая детям. Они распространяли его и на коренных жителей тех мест, в которых селились, превращая их не просто в покоренные народы, а в некое единое целое, что составляло единое государство. Государство, в свою очередь, своей политикой способствовало этим унифицирующим процессам. Это единство проявлялось в самых разных сферах: культура, язык, быт, образ жизни и, что может быть самое важное, мировоззрение, особенности национального характера.

Это единство было реальностью русской жизни, но не всех и не всегда оно радовало. Некоторые видели в этом обезличивание, потерю индивидуального начала. «Теперь пойдет все сплошь, – жаловался писатель-народник Глеб Успенский, – и сом сплошь прет, целыми тысячами, целыми полчищами, так что его разогнать невозможно, и вобла тоже «сплошь идет» миллионами существ, одна в одну, и народ пойдет тоже «один в один» и до Архангельска, и от Архангельска до «Адесты» [народное название Одессы. – Прим. автора] и от «Адесты» до Камчатки... все теперь пойдет сплошное, одинаковое, точно чеканенное: и поля, и колосья, и земля, и небо, и мужики и бабы, все одно в одно, один в один, с одними сплошными красками, мыслями, костюмами, с одними песнями... Все – сплошное – и сплошная природа, и сплошной обыватель. Сплошная нравственность, сплошная правда, сплошная поэзия, – словом, однородное, стомиллионное племя, живущее какой-то сплошной жизнью, какой-то коллективной мыслью и только в сплошном виде доступное пониманию. Отделить из этой миллионной массы единицу и попробовать понять ее – дело невозможное»⁷⁷.

---

⁷⁶ Материал взят с официального сайта Республики Карелия www.gov.karelia.ru

⁷⁷ Азадовский М. К. Русские сказочники // Русская сказка. Избранные мастера. В 2 т. / Ред. и коммент. М. К. Азадовского. Т. 1. М.–Л. 1932. С. 56.

Разочарован был поездкой по Волге, от которой ждал новых ярких впечатлений, француз А. Дюма: «Всякий раз, когда “Нахимов” делал стоянку для закупки дров, мы сходили на берег, но места, меняя названия, ничем не отличались одно от другого. Всюду деревянные избы, где обитают крестьяне в красных рубахах и тулупах»⁷⁸. Он заехал в самую глубинку, ждал чего-то необыкновенного, а нашел то же, что и в ближайших к Петербургу и Москве деревнях. Только общение с людьми, странными, шумными, но очень гостеприимными, скрашивало для него однообразие поездки.

Глубокую связь всех людей, населяющих огромную страну, иронически посмеиваясь, подчеркнул Н. В. Гоголь. Рассказывая о бедствиях русского чиновника в повести «Нос», он не может удержаться от едкого замечания: «Но Россия такая чудная земля, что если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет. То же разумей и о всех званиях и чинах».

Его ставшее классическим описание поездки по России дает щемлящую картину единения страны, одинаковой не только в своем величии, но в нищете и убожестве. «И опять по обеим сторонам столбового пути пошли вновь писать версты, станционные смотрители, колодцы, обозы, серые деревни с самоварами, бабами и бойким бородатым хозяином, бегущим из постоялого двора с овсом в руке, пешеход в протертых лаптях, плетущийся за восемьсот верст, городишки, выстроенные живьем, с деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядные и по ту сторону и по другую, помещичьи рыдваны, солдат верхом на лошади, везущий зеленый ящик с свинцовым горохом и подписью: такой-то артиллерийской батарее, зеленые, желтые и свежеразрытые черные полосы, мелькающие по степям, затянутая вдаль песня, сосновые верхушки в тумане, пропадающий далече колокольный звон, вороны как мухи и горизонт без конца... Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора». Картина эта не имеет географической привязки, это может быть практически любое место огромной страны.

Русская классическая литература дает несчетное число свидетельств единообразия российской жизни: все эти безвестные, а часто и безымянные (просто город N, а где он находится, не имеет значения) города похожи один на другой, населены похожими людьми, живущими по одним законам и правилам. Чехов, Лесков, Гончаров, Гоголь, Тургенев оставили запоминающиеся зарисовки единообразия (а учитывая критическую направленность русской литературы – и однообразия) русской жизни.

А вот один довольно необычный источник косвенно рисует яркую картину российской действительности – такую пеструю, живую, населенную различными народами и вместе с тем удивительно похожую в самых разных регионах страны. Стремление наблюдателя быть объективным, справедливым, доброжелательным еще нагляднее высвечивает реальную жизнь: единую в своем многообразии. Речь идет о переписке великого князя Александра Николаевича (будущего царя-освободителя Александра II) со своим отцом Николаем I⁷⁹.

В 1837 г., в возрасте 19 лет, Александр отправился в путешествие по России, которое длилось более 7 месяцев. Эта поездка была частью образовательного плана, составленного для будущего монарха его наставником поэтом В. А. Жуковским и его отцом-императором. К этому моменту Александр завершил обучение, а впереди у него было еще завершающее программу годичное путешествие по Европе. Основную цель поездки Николай I в своем наставлении сыну сформулировал так: «...знакомься с своим родным краем, сам будешь строго судим». Великий князь и наследник престола отправлялся посмотреть на свою страну, свой народ, дру-

---

⁷⁸ Дюма А. Указ. соч. С. 229.

⁷⁹ Нижеприведенные цитаты даны по: Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. М., 1999. С. 25, 34, 36, 48, 49, 53, 62, 68, 132.

гих посмотреть, а заодно и себя показать. Николай был уверен, что его сын «научится ценить наш почтенный, добрый русский народ и русскую привязанность», но предостерегал его от неосторожных поступков, напоминал, что всеобщую любовь надо еще и оправдать.

Обращает на себя внимание трогательный, задушевный стиль переписки, который сочетается с глубокой почтительностью со стороны Александра и наставничеством со стороны Николая. За бременем трудных и ответственных обязанностей, лежащих на них как на настоящем и на будущем монархах, проглядывает искренняя семейная любовь и привязанность. Суровый император Николай I, каким его обычно рисует историческая литература, предстает в совершенно неожиданном свете – как нежный и внимательный отец. Сын обращается к отцу: «милый, бесценный Папа» и мечтает о том, как обнимет его при встрече. Отец начинает письма с доброжелательного – «любезный Саша», а подписывает совсем уже ласково – «твой старый верный друг Папа». Они вспоминают милые семейные сценки и шалости, искренне скучают друг по другу, а наследник еще и по остальным членам семьи, оставшимся дома.

В воспитательном смысле поездка имела большое значение для будущего императора. Он все больше осознавал свое предназначение, понимал, что это и большая честь, и трудная обязанность. В одном из первых писем Николай спрашивал сына: «Не чувствуешь ли ты в себе новую силу подвизаться на то дело, на которое Бог тебя предназначил? Не любишь ли отныне еще сильнее нашу славную, добрую Родину, нашу матушку Россию. Люби ее нежно; люби ее с гордостью, что ей принадлежен и родиной называть смеешь». Александр, в свою очередь, все сильнее проникается чувством преданности своей стране и народу. «Меня одушевляет новой силой, – пишет он, – и новым желанием исполнять долг мой, который я считаю для себя самую приятную обязанностью». И позже: «...видя землю Русскую теперь изблизи, более и более привязываюсь к ней, считаю себя счастливым, что Богом предназначен всю жизнь свою ей посвятить».

Наследник выехал из Санкт-Петербурга в мае, а возвратился в декабре. За это время он посетил множество городов. Назовем основные, чтобы показать маршрут путешествия: Новгород, Тверь, Ярославль, Кострома, Вятка, Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Курган, Оренбург, Уральск, Казань, Симбирск, Саратов, Пенза, Тамбов, Воронеж, Тула, Калуга, Рязань, Смоленск, Бородино, Москва, Владимир, Нижний Новгород, Рязань, Орел, Курск, Харьков, Николаев, Одесса, Севастополь, Алушка, Керчь, Ялта, Киев, Полтава, Бердянск, Таганрог, Новочеркасск. Его письма хорошо передают атмосферу путешествия. Они создают пестрое полотно русской жизни, рассказывают о встречах с разными людьми, о посещении представителей разных народов, населявших страну. В соответствии с заветами отца, наследник старается быть ко всем справедливым и внимательным, воспринимает окружающую его жизнь благосклонно и доброжелательно. А в результате получается картина, в чем-то схожая с гоголевской (которого, кстати, и отец, и сын часто вспоминают). Везде одно и то же: дурные дороги; город, больница, сиротский дом, фабрики; монастыри, службы, мощи; губернатор, бал, гуляния; острог; прошения и просьбы; гимназия, богадельня, училище; смотр войск, армия, лазарет; посещение туземных племен (если таковые есть в регионе).

Названия городов меняются, схема остается прежней. Правда, некоторое разнообразие вносит состояние осмотренных помещений. Здесь комментарии разные – «все в большом порядке», «помещения ветхие, содержатся довольно неопрятно», «помещение ветхое, почти разваливается», гимназия – «в весьма хорошем удобном здании», Александровская больница в Саратове – «в ней полы все запачканы, стены тоже, белье грязное, тогда как они меня туда ожидали и кое-что подкрасили и подмазали, что же должно быть в обыкновенное время». И так далее. А вот балы везде одинаковые. «Бал был блестящий, между дамами есть довольно хорошенькие. С удивительным радушием меня принимали», – таково общее впечатление.

И повсеместно восторг, «искренний», «неподдельный», проявление любви к императору и его семье. В Калязине восторг народа был столь велик, что наследника сначала чуть было

не задавили, а потом не утопили. «Нигде народ меня не встречал с таким остервенением от радости, – пишет Александр домой, – они отпрягли у нас лошадей... потом при переправе на пароме столько набралось народу, что он было стал погружаться в воду...» Николай этим эпизодом остался крайне недоволен и повелел впредь посылать вперед фельдъегеря к местным властям, чтобы подобных буйств не происходило.

Проявления народной любви встречали Александра повсеместно. Интересно, что не только среди русского населения. Благоприятное впечатление на наследника произвели немецкие колонисты на Волге. Он писал: «...этот добрый народ сделался совершенно русским и называет себя русским, но в них осталась эта почтенная аккуратность немецкого, живут они чисто, пасторы у них преумные, и меня принимали с удивительным радушием, точно как настоящие русские».

Еще он встречался с вотяками, татарами, вогулами, башкирами, киргизами и т. д. Здесь впечатление было смешанное: почти все они показались ему «уродами» (только жены султана «хорошенькими»), но впечатлило их служение России и императору. Так, удивил его башкирский полк («все ужасные уроды, в особенности в новых казачьих мундирах»), который понимал команды русского офицера, не зная русского языка, «единственно от внимания». «Молодцы!» – похвалил их наследник. (Николай ответил на это письмо: «Башкиры добрый народ, но я полагаю, что полезнее со временем обратить его в хлебопашцы, ибо пользы военной от него нет, зло же может когда-нибудь от них произойти. Вообще дикий вооруженный народ иметь за собой не удобно».)

Именно посещение отдаленных краев произвело самое благоприятное впечатление на царевича: он был рад найти там все ту же Русь, да еще и любящую своего правителя. «Восторг, с которым меня здесь везде принимали, – писал он Николаю, – меня точно поразило, радость была искренняя, во всех лицах видно было чувство благодарности своему Государю за то, что он не забыл своих отдаленных подданных, душою ему привязанных...»

Единство разных регионов России привело к удивительному явлению. При всем ее огромном размере, разных условиях проживания, разнообразии географических и климатических зон здесь не сложилось противоборства между разными частями. Нет противоречия между севером и югом, как, например, в Италии или Норвегии, или западом и востоком, как в Германии. При сохранении своеобразия разных регионов (сибиряки называли перемещение на запад за Урал поездкой в Россию, «богатая страна Урал», – говорит персонаж «Приваловских миллионов» и т. д.) о каких бы то ни было серьезных противоречиях речи здесь не шло. Существующие же в стране проблемы – между городом и деревней, между столицей и провинцией – не связаны с географическими частями и едины для разных регионов.

О русской деревне речь еще впереди, в отдельной главе. А вот провинция как своеобразное русское явление заслуживает особого внимания. Понятие «провинция», заимствованное из французского языка, было использовано в петровскую эпоху в системе административного деления. К концу XVIII в. провинции были упразднены. А слово осталось и прочно вошло в русский язык и русскую жизнь. С XIX в. оно стало воплощением противопоставления столичной и нестоличной жизни. Противоречие между центром (вернее центрами, т. к. статус столичности имели и Петербург, и Москва) и остальной Россией стало проявляться гораздо раньше, по мере расширения территории государства и расползания его частей. Это не противопоставление город – деревня, это другая проблема, а большой город – небольшой город, столица – нестоличный город. Надо сразу оговориться, что речь идет о явлении русской культуры, а не политики или экономики. Основой проблемы является фактор, если можно так сказать, психологический, связанный не столько с реальной действительностью, сколько с проблемой восприятия и самовосприятия.

Своеобразное отношение к провинции и провинциальной жизни нашло свое отражение в языке. Посмотрим, какие определения применительно к России дают основные словари русского языка.

Словарь В. И. Даля:

Провинция – губерния, область, округ; уезд. Жить в провинции, не в столице, в губернии, уезде.

Провинциал – живущий не в столице, житель губернии, уезда, захолустья.

Словарь Ушакова:

Провинция – местность, находящаяся вдалеке от столицы или крупных культурных центров, вообще – территория страны в отличие от столиц.

Словарь Ожегова:

Провинция. 1. В нек-рых странах: область, административно-территориальная единица. 2. Местность, территория страны, удаленная от крупных центров.

Провинциал. 1. Житель провинции (во 2 знач.; устар.). 2. перен. Человек провинциальных нравов.

Провинциальный. 1. см. провинция. 2. перен. Отсталый, наивный и простоватый.

В первом и втором случаях все определение исходит из антитезы столице. При этом у Даля есть намек на столичное превосходство, выраженный в слове «захолустье» применительно к провинции. В наиболее позднем из словарей, составленном в эпоху «развитого социализма», когда считалось, что большинство общественных противоречий в нашей стране устранено, из определения исчезает противопоставление столице. Значение же понятия «провинциал» и «провинциальный» вообще становится устаревшим или переносным. А вот набор приводимых во всех словах выражений и словосочетаний во времена Даля довольно нейтральный («провинциальный секретарь») к XX в. приобрел ярко выраженный негативный подтекст, став синонимом отсталости, косности, пошлости: «провинциальные взгляды, манеры», «провинциальные нравы», «провинциальность», «провинциализм».

Столичный город (города), как большой магнит, притягивал россиян. Огромная страна всегда жила со смутным чувством, что все самое лучшее собрано именно в главном центре. И в значительной мере это и правда соответствовало действительности.

В России контраст между столичными городами – Москвой и Петербургом – и провинцией выражен очень ярко. Присущая предшествующей истории России централизация государственной власти и экономики привела к тому, что основные ценности – материальные, культурные, духовные – оказались сосредоточенными в столицах. Самое главное, что в центральных городах оказался более высоким не только материальный, но общеобразовательный и духовный уровень общества. Государство всеми силами старалось загладить это различие. В самых разных удаленных уголках России открывались театры, и очень хорошие, выделялись средства на развитие университетов и библиотек, создавались музеи.

Но проблема все равно сохранялась. Прежде всего в сознании людей, по-прежнему считавших, что в столице находится все самое лучшее. Переезд в Москву (или Петербург) всегда был заветной мечтой многих россиян, этого желали родители своим детям, это виделось вершиной карьеры и пределом благополучия. В последние годы подобной «обетованной землей» стали Европа и Америка, но и сегодня Москва по-прежнему желанный город для многих. В России сейчас есть некоторая обида – распространено представление о том, что Москва выкачивает деньги из страны, живет богато и благополучно, в то время как вся Россия бедствует. Это не совсем справедливо. Контраст между бедностью и богатством сегодня есть в самых разных уголках страны, Москва не является исключением.

Во всех странах Европы люди всегда стекались в столичные города «на ловлю счастья и чинов». Считалось, что там легче сделать карьеру, разбогатеть, выбиться в люди. Яркое свидетельство – литература. Д'Артаньян-младший отправляется в долгий путь в Париж и добивается

там успеха. Тем же путем следуют герои и других писателей: Стендаля – в Париж, Диккенса – в Лондон и т. д. Да и сами авторы чаще всего добиваются признания только после переезда в столицу. Отличие от России заключалось в том, что, сделав карьеру, разбогатев, жители других стран стремились уехать из суетливого города в провинцию, на заслуженный покой. В России же столица был центром притяжения для всех – богатых и бедных, карьеристов и лентяев, разночинцев и аристократов.

Русский человек считал для себя традиционным «скучать в провинции». Своеобразными «певцами» русской провинции стали Гоголь и Чехов. В повести «Моя жизнь», имеющей подзаголовок «рассказ провинциала», Чехов дает развернутую картину жизни провинциального города. Герой признается в любви к своему городу, но любит он зелень деревьев, яркое утро, колокольный звон, а ненавидит людей, живущих в нем. «И как жили эти люди, стыдно сказать! – сетует чеховский герой. – Ни сада, ни театра, ни порядочного оркестра; городская и клубная библиотеки посещались только евреями-подростками, так что журналы и новые книги по месяцам лежали неразрезанными; богатые и интеллигентные спали в душных, тесных спальнях, на деревянных кроватях с клопами, детей держали в отвратительно грязных помещениях, называемых детскими, а слуги, даже старые и почтенные, спали в кухне на полу и укрывались лохмотьями. В скоромные дни в домах пахло борщом, а в постные – осетриной, жаренной на подсолнечном масле. Ели невкусно, пили нездоровую воду».

Небольшие города всегда привлекали русского человека своей близостью к природе, покоем, неспешностью, но отталкивали нравами, бытом, укладом. И сегодня это противоречие сохраняется. С одной стороны, многие, в том числе и жители столиц, считают, что небольшие русские города в большей степени сохранили национальный дух, чем космополитичные столицы. С другой – не утратили своего значения и две гениальные формулы, созданные русской литературой и выражающие проблему русской провинции. Это чеховское – молитва или завывание трех сестер: «В Москву! в Москву! в Москву!»; и гоголевское – мечта провинциала: скажите там, в столице, пусть знают, что «живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский».

Интересно, что другое противопоставление, город – деревня, романтизировало последнюю. Деревня и провинция никогда не были синонимичны. Провинция ассоциировалась с обывательщиной, никчемностью отношений, убожеством нравов, жалким подражанием столичной жизни. Деревня – с умиротворением, чистотой и свежестью нравов, человечностью отношений.

Известный общественный деятель и агроном А. Т. Болотов писал из своего поместья, в котором он поселился, выйдя в отставку в 1762 г.: «Никаких отменно важных и особливых происшествий не случилось со мною во все продолжение сего времени; но оно протекало в мире, тишине и во всех удовольствиях, какие только может доставлять уединенная, простая и невинная сельская жизнь мыслящему и чувствительному сердцу имеющему человеку»⁸⁰.

Князь В. П. Мещерский (1839–1914), публицист, прозаик, издатель газеты-журнала «Гражданин», внук Карамзина, камергер Александра II, друг Александра III; его имя часто сопровождалось ярлыком «реакционный». Мещерский всю сознательную жизнь прожил в столице, но вспоминал об имении отца: «Во мне было сознание ясное и светлое, что наша деревня была именно раем, по совершенному отсутствию зла и по изобилию самых светлых и, так сказать, сладких душевных впечатлений; там царилла какая-то чудная гармония в людях и во всех проявлениях жизни, и ее следы в душе были так глубоки, так сознательны, что остались живыми на всю жизнь»⁸¹.

Граф Вронский, персонаж романа Л. Н. Толстого, – богатый аристократ, военный:

⁸⁰ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. В 3 т. Т. 2. М., 1993. С. 187.

⁸¹ Князь Мещерский. Воспоминания. М., 2001. С. 11.

– Я люблю деревню, – сказал Вронский, замечая и делая вид, что не замечает тона Левина.

– Но надеюсь, граф, что вы бы не согласились жить всегда в деревне, – сказала графиня Нордстон.

– Не знаю, я не пробовал подолгу. Я испытывал странное чувство, – продолжал он. – Я нигде так не скучал по деревне, русской деревне, с лаптями и мужиками, как прожив с матушкой зиму в Ницце. Ницца сама по себе скучна, вы знаете. Да и Неаполь, Сорренто хорошо только на короткое время. И именно там особенно живо вспоминается Россия, и именно деревня.

Люди, между которыми мало общего, воспринимают деревню как покой, как рай, как символ родины. Наконец, Пушкин в письме к жене (1834) тоскует о своем Болдино. Характерно, что Калуга, провинциальный город, для него еще хуже надоевшего Петербурга. Он пишет ей: «...да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить баринном!

Ты разве думаешь, что свинский Петербург не гадок мне? что мне весело в нем жить между пасквилями и доносами?

Что ты мне пишешь о Калуге? Что тебе смотреть на нее? Калуга немного гаже Москвы, которая гораздо гаже Петербурга. Что же тебе там делать?»⁸²

Вместе с тем, несмотря на романтический и даже несколько идеализированный образ деревни в русской культуре, она никогда не была тем, чем, например, для англичан. Как уже говорилось, там отъезд из столицы всегда означал богатство, достижение того уровня благополучия, когда можно себе позволить жить в поместье. Для России расставание со столицей это, как правило, было либо неудача в карьере, либо чудачество, либо ссылка. Тот же Пушкин, так любивший деревню, оказывался в ней в основном вынужденно. Ссылка в Михайловское, одно из чудесных воспоминаний его жизни, была насильной, в Болдино, ставшее символом творческого взлета небывалой высоты, он был вынужден задержаться из-за карантинных. Видимо, русского человека нередко приходится делать счастливым насильно.

Удивительное культурное единство России при ярковыраженном географическом многообразии – результат многовековой истории. Оно складывалось постепенно, по мере продвижения русского народа на юг, север и восток, и составляет важную отличительную особенность России как единого государственного объединения.

---

⁸² Пушкин А. С. Письма к жене. Л., 1986. С. 186.

Власть и народ

Проблема особенностей организации, функционирования, эволюции и развития русского государства едва ли не одна из важнейших в русском мире. Широкая и всеобъемлющая, в самых разных аспектах – от законодательного до социально-политического, она составляет основу различных учебных курсов. Понятие государства очень широко, его единое общепринятое определение отсутствует, а те, которые существуют в науке, сильно зависят от политических и идеологических установок авторов. Толковый словарь русского языка Ожегова дает наиболее простой вариант: «Государство – основная политическая организация общества, осуществляющая его управление, охрану его экономической и социальной структуры». Нередко оно выступает синонимом еще более широкого понятия – «страна».

Ниже речь пойдет о некоторых отличительных чертах русской государственности (под которой подразумевается государственный строй или организация). Причем лишь о той ее части, которая связана с людьми, их представлениями, идеалами и вытекающими из этого национальными особенностями государственного строительства.

Началом русского государства принято считать 862 г. Именно эта дата содержится в русской летописи «Повесть временных лет». Летописание для России имело большое значение, и не случайно. Летописи (самая древняя известная сегодня относится к XI в.) представляют собой рассказ об исторических событиях, записанный по годам. Обычно каждый новый год начинался фразой «в лето» – отсюда и название «летопись». Изложению событий русской истории часто предшествовали рассказы из библейской, античной и византийской истории. Русская история таким образом вписывалась в контекст мировой, что было крайне важно для русского самосознания.

Все известные нам летописи, как правило, являются сводами, которые включают в себя предшествующие летописи, новые записи, а также другие материалы: сказания, легенды, поучения, договора, законодательные акты и пр. Летописание велось в основных крупных городах древнерусского государства, не прекратилось и в период разделения на княжества, а затем продолжилось в едином централизованном государстве. Крупнейшими центрами летописания являлись Киев, Владимир, Суздаль, Ростов, Переяславль, Новгород, Псков, Тверь, Москва. Сохранялась эта традиция очень долго, до XVII в., главным образом в виде местных летописей (из относящихся к позднему времени наиболее интересны Сибирские летописи).

В оригинальном виде самые древние летописи не сохранились. Они дошли в составе более поздних сводов, относящихся в основном к XV–XVI вв. Свои названия летописи получали по городам, в которых создавались (например, Новгородские, Суздальские), княжествам (Галицко-Волынская), составителям (Лаврентьевская – переписана в 1377 г. монахом Лаврентием), месту хранения (Ипатьевская – находилась в Ипатьевском монастыре в Костроме), имени владельца (Радзивилловская – по имени владельцев из рода Радзивиллов, знаменита тем, что богато иллюстрирована) и т. д. Многие летописи были утрачены уже в позднюю эпоху, например во время пожара Москвы в 1812 г.

«Повесть временных лет» – древнейший из известных сегодня летописных сводов, своеобразное ядро многих летописей. Ее полное название: «Се повести времяных [прошлых] лет, откуда есть пошла руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда руская земля стала есть». Составлена она была в XII в. и существовала в нескольких редакциях. В «Повести временных лет» упоминается ее первый автор – монах Киево-Печерского монастыря Нестор (эта редакция не сохранилась), завершивший работу к 1113 г. Потом в 1116 г. она была переработана монахом Выдубицкого монастыря Сильвестром, подвергалась и последующим доработкам. В основу же «Повести временных лет», скорее всего, были положены не дошедшие до нашего времени, еще более древние летописные своды.

Летописи являются важнейшими историческими источниками. Они не только сообщают о тех или иных событиях, но дают им оценку и сами по себе являются памятниками общественной мысли и культуры Древней Руси. Содержащаяся в них информация представляет первостепенный интерес для исследователя русского мира, она связана со всеми важнейшими проблемами русской жизни: государственной властью, общественным устройством, взаимоотношениями с окружающим миром. Написанные часто по заказу и под контролем тех или иных правителей, они, помимо официальной идеологии (что также важно), несут отпечаток личности летописца, отражают не только политику князей, но и важнейшие представления и идеалы, характерные для данного времени.

Именно «Повесть временных лет» чаще всего является и своеобразной метрикой для большинства исторических событий. Традиционно в исторической науке датой рождения города или государства принято считать его упоминание в достоверном письменном источнике. Это нередко приводит к сложным ситуациям, когда очевидно, что основание чего-либо произошло значительно раньше, чем об этом упомянул источник. Например, город Смоленск. Устюжский летописец под 863 г. сообщает, что варяжские князья Аскольд и Дир шли из Новгорода в Киев и, спускаясь по реке Днепр, увидели город Смоленск, к которому побоялись подойти, т. к. был «град велик и мног людьми»⁸³. Именно 863 г., несмотря на очевидность того, что город к этому моменту уже существовал достаточно давно, является официальным годом «рождения» Смоленска.

А вот город Киев в свое время решили «состарить». В 1982 г. вся, тогда еще единая, страна торжественно отметила 1500-летие города. Археологические источники действительно указывают на то, что в конце V – начале VI в. на месте современного Киева находилось древней поселение. Рассказывается о легендарных основателях города Кие, Щеке, Хориве и в «Повести временных лет», правда без датировки. Первое же датированное упоминание относится к 860 г. Далее, согласно летописи, в 882 г. князь Олег с дружиной захватил Киев, и с этого момента он считается столицей древнерусского государства. Устроители торжеств совместили археологические данные и летописную дату и «сделали» годом рождения Киева 482 г. Конечно, в науке такая датировка неприемлема.

Схожая ситуация и с русским государством. Археологические свидетельства, туманные упоминания иностранцев, другие косвенные данные свидетельствуют о том, что русское государство могло сложиться раньше даты, упомянутой в летописи, но год все равно остается неизменным – 862. Хотя в XIX в. велись споры, не ошибся ли Нестор в своих датировках, но победила летописная версия. А весомым подтверждением этой даты стал памятник в Новгороде, поставленный в 1862 г. в честь празднования тысячелетия русского государства.

Так вот в «Повести временных лет» говорится о том, что однажды славянские племена собрались вместе и решили позвать князя, «который бы владел нами и судил по праву». Они отправились к варягам (так в древности на Руси называли норманнских воинов-викингов) и сказали им: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». Так в Новгород пришел Рюрик с братьями Синеусом и Трувором и со своими дружинниками. Его преемник Олег позже занял Киев и сделал его столицей Руси.

Полный текст легенды таков: «В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англй, а еще иные готландцы, – вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И избрались трое братьев со своими родами, и

⁸³ Устюжский летописный свод. М.–Л., 1950. С. 20.

взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля»⁸⁴.

Эта легенда породила множество споров, не смолкающих и по сей день. В XVIII в. к ней привлекли внимание немецкие историки, работавшие в Петербургской Академии наук, Г. З. Байер, Г. Ф. Миллер и А. Л. Шлёцер. Они создали концепцию, основывая ее на летописных сведениях, о якобы несамостоятельном характере славянских народов, которые нуждаются в сильной руке, наводящей среди них порядок. Государство оказывалось, таким образом, привнесенным славянским племенам извне, сами они получались неспособными к созданию подобной организации. Эта теория получила название «норманнской»⁸⁵ (или «варяжской»). Надо напомнить, что Академия формировалась в годы немецкого засилья в России. В то время у власти стояло много представителей германской расы, и эта концепция как нельзя лучше соответствовала политической ситуации. Исследователь М. А. Алпатов называет ее своего рода «идейной бироновщиной»⁸⁶ того времени. Но если с политической бироновщиной было покончено относительно быстро, то идейной была суждена долгая жизнь.

Тогда же раздались и возмущенные голоса против. Одним из самых первых яростных противников норманнской теории был великий русский ученый, основатель Московского университета М. В. Ломоносов. Не отрицая основание русского государства Рюриком, он настаивал на славянском происхождении этого первого русского правителя. Негодование великого ученого, подогреваемое, видимо, общеисторической ситуацией в России и его конфликтами в Академии наук, было столь велико, что он даже написал свою «Древнюю Российскую историю», в основном «вдохновенную» полемикой с норманнистами.

Спор по поводу так называемого «норманнского» вопроса растянулся почти на три столетия. Его долговечность уже сама по себе подчеркивает некоторые особенности развития русского государства: извечное противостояние и одновременно взаимодействие с Западом, необходимость четкого определения места и роли России в мировом контексте. Характерно, что Миллер и Шлёцер – «основоположники» норманнской теории – высоко ценили Россию и русскую историю, считали русский народ великим и его будущее еще более величественным. Миллер даже принял русское подданство, а Шлёцер считал годы, проведенные в России, лучшими в своей жизни. Более того, согласно концепции Шлёцера, вся история человечества, продвижения цивилизации в Европе, связана с завоеваниями, среди которых он выделял три волны: римскую, германскую и норманнскую. Только в случае с последней, причем в той части, где она коснулась России, возникла проблема.

Аргументы норманнистов, как правило, строились на прямом толковании летописи. Те же, кто отстаивали самобытность русской государственности, прибегали к самым разным доводам: что Рюрик был славянином, что эта легенда – поздняя вставка, что ранние страницы, сообщавшие об образовании русского государства, были изъяты из летописи. Обращают внимание на то, что долгое время Рюрик не упоминался ни в каких других древнерусских источниках как основатель династии. Лингвистический анализ имен братьев Рюрика дал повод некоторым ученым утверждать, что Синеус означает в переводе «свой род», а Трувор – «верная дружина», и получается, что Рюрик пришел на Русь не с братьями, а со своим родом и верной дружиной. Это поставило под сомнение все сообщение и позволило сделать вывод о том, что в летопись попал пересказ какого-нибудь скандинавского сказания, а летописец, не зная языка, все перепутал. Некоторые исследователи даже утверждали, что Рюрик был вовсе не человеком, а военным трофеем. Современные отечественные исследователи вообще стараются обходить

⁸⁴ «Повесть временных лет» здесь и далее цит. по: Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. М., 1978.

⁸⁵ Существует два варианта написания термина: в исторической науке более принят «норманнская», а в политологии встречается «норманская».

⁸⁶ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985. С. 181.

этот вопрос стороной, подчеркивая, что если Рюрик и был, то к созданию русского государства он большого отношения не имел.

Впрочем, очевидно, что в споре норманнистов и антинорманнистов на первом плане находится проблема не сугубо историческая, а политическая, причем представляющая огромное значение для понимания русского государства: проблема самобытности и самостоятельности России как государственного объединения. В этом смысле длительность и острота полемики говорят исследователю русского мира гораздо больше об особенностях русского характера, чем реальные доводы тех или иных сторон. Сегодня очевидно, что вопрос об этнической принадлежности Рюрика не имеет никакого значения. В тот период норманнский воин во главе иностранного государства был явлением обычным, вспомним более позднего Вильгельма Завоевателя в Англии – никто же не обвиняет англичан в политической несамостоятельности. А главное, это для них самих не является поводом для волнения.

Каким бы образом легенда о призвании варягов ни оказалась в «Повести временных лет», она есть и стала важной частью русской истории. Очевидно, что государство не возникает моментально и из ниоткуда, для его появления должны быть условия и основания. Отметим, что даже время возникновения русского государства не является вопросом, окончательно решенным в исторической науке, отдельные исследователи считают, что это случилось раньше 862 г., другие – позже. Для понимания русского мира важнее сам факт существования этой легенды, чем реальные события. Легенды часто дают более важный материал для понимания характера народа, чем подлинные исторические факты. Они нередко представляют события так, как их хотели бы видеть, а не как оно было на самом деле. История чаще всего не зависит от воли и идеалов людей, а бытующие в народе предания в гораздо большей степени отражают его взгляды и представления. С этой точки зрения они важнее исторической действительности.

Анализ легенды позволяет сделать некоторые важные выводы о характере русской государственности. Она свидетельствует о том, что правитель на Руси воспринимался как человек, устанавливающий порядок при беспорядке. Уже в это время он предстает как своеобразный посредник, объединитель, причем не только земель, но и различных народов (племен). Особо подчеркивается тот факт, что он призывается народом, причем не отдельными группами, а всеми, т. е. выражает интересы всех. Такой важнейший вопрос, как выбор правителя, решается, согласно легенде, мирно, добровольно и всенародно. Наконец, она указывает на ту огромную роль, которую правитель играл в русской жизни, – правитель и государство воспринимаются как понятия неразрывные. Все эти идеи получили развитие в последующие эпохи, стали определяющими для основ российского государства.

Существует ряд особенностей русской государственности, которые можно проследить в ходе истории России. Несомненно значение и роль идеи преемственности в русском мире. Выше уже упоминался тот факт, что древнейшая летопись начинает свою повесть о том, «откуда пошла русская земля», с библейских времен. Русские, согласно летописцу, оказались в землях сына Ноя Иафета вместе со всей остальной европейской компанией. После разрушения Вавилонской башни они получили славянский язык. Потом вместе со всеми племенами стали расселяться по Европе. Начиная датированную историю русской земли с середины IX в., летописец, видимо, чтобы читатель лучше понял, о каком конкретно времени идет речь, дает отсчет от потопа, от Адама, от Авраама, от Александра Македонского, от рождения Христа, от византийских императоров и т. д. Словом, история Древней Руси плавно вытекает из общемировой, становясь наследницей и продолжательницей библейской традиции. Кто знает, может и история о призвании варягов понадобилась, чтобы показать, что государство и власть на Руси возникли не на пустом месте, а были унаследованы ею от кого-то.

Приверженность традиции и важность идеи преемственности проявились и в русском летоисчислении. Вплоть до начала XVIII в. в России была принята византийская эра – от сотворения мира, календарный год начинался с марта (до XV в.) или сентября (с XV в.). Только Петр

I своим указом в 1700 г. объявил началом года январь, а летоисчисление «подвинул» на 5508 лет⁸⁷, заменив его на общепринятое к тому времени в Европе «рождество Христово» (новая эра).

Еще больше упорства проявила Россия в вопросе введения нового календаря. Юлий Цезарь в 45 г. до н. э. ввел так называемый юлианский календарь, который Россия окончательно приняла с введением христианства в IX в. Продолжительность года – 365 дней и 1/4 суток, каждый 4-й год – високосный. Этот год на 11 мин. 14 сек. длиннее тропического (астрономического) года (т. е. за 128 лет накапливается разница в сутки). В 1582 г. римский папа Григорий XII передвинул счет дней на 10 дней вперед, чтобы компенсировать возникшую за века разницу. Для того чтобы приблизить календарь к реальному астрономическому движению Земли, он сократил 3 високосных дня в каждые 400 лет⁸⁸. Таким образом, различие между календарями юлианским (старым стилем) и григорианским (новым стилем) составляет: в XVIII в. – 11 суток, XIX – 12 суток, XX – 13 суток. Россия вплоть до революции придерживалась старого юлианского календаря, только в 1918 г. григорианский календарь был принят в новой советской России (позже России из европейских стран его приняли только Сербия, Румыния и Греция). При этом Русская православная церковь отказалась признать это «нововведение», так что она до сих пор живет по «старому стилю». Отсюда и обилие праздников в современной России, которые отмечаются и по старому, и по новому стилям: Рождество – 25 декабря по новому стилю, 7 января по старому, Новый год – 1 января по новому, 14 января по старому, отсюда и Октябрьская революция, праздновавшаяся в ноябре (произошла по старому стилю 25 октября).

Очень ярко важность идеи преемственности государственной власти проявилась в период создания централизованного государства. Как известно, древнерусское государство со столицей в городе Киеве к середине XII в. распалось на самостоятельные княжества (хотя формально Киев сохранял статус столицы всей Руси), находившиеся в периодической междоусобной борьбе. Ситуацию ухудшало и завоевание Руси монгольскими войсками. Процесс объединения русских земель был медленным, болезненным и сопровождался преодолением внутренних противоречий и борьбой с внешним захватчиком.

Совершенно неожиданно инициативу собирателя русских земель взяло на себя молодое Московское княжество. Три Ивана сыграли здесь решающую роль, и каждый из них, не в последнюю очередь, опирался на идею преемственности государственной власти. Иван I, прозванный Калита (ок. 1283–1340), что в переводе означает «денежный мешок», правивший в первой половине XIV в., действовал осторожно и хитро. Он сумел не только подчинить своему влиянию другие княжества, но и добиться расположения монгольского хана, который решил ему самостоятельно собирать дань с населения. Это привело к обогащению московского князя: на полученные средства он скупал земли у своих соседей. Он также уговорил митрополита, главу Русской православной церкви, переехать из Владимира в Москву, сделав ее таким образом духовным центром. При Иване Калите начато строительство дубовых стен вокруг Кремля и первых каменных соборов в Кремле – Успенского и Архангельского.

Иван III (1440–1505) был выдающимся государственным деятелем, умным и хитрым политиком и дипломатом. Именно в его правление Русь окончательно избавилась от власти Золотой Орды. Он уже именовался великий князь Московский и всея Руси, а в ряде документов государем и царем. При нем произошло объединение основных земель, включая свободолюбивый Новгород, и появился новый вариант названия страны – Россия.

⁸⁷ Следовательно, чтобы перевести византийскую эру в новую, нужно отнять 5508. Так, начало Русского государства в летописи относится к 6370 г., т. е. 862 г. от Рождества Христова.

⁸⁸ В отличие от юлианского были исключены годы с двумя нулями на конце, у которых первые две цифры не делятся на 4: 1600 – високосный, и по юлианскому, и григорианскому, а 1700-й, 1800-й и 1900-й – только по юлианскому. Таким образом, в 2000 г. разницы не было, следующий сдвиг между календарями будет в 2100 г.

Для Ивана III, стремившегося к укреплению государственной власти, было крайне важно показать связь с предшествующей государственной традицией, опереться на исторические основы. Для этого использовались самые разные пути и способы.

Вторым браком Иван женился на племяннице последнего византийского императора Софье Палеолог. Константинополь пал еще в 1453 г. и московский князь, таким образом, становился наследником византийской традиции. В целях укрепления власти у византийского двора были заимствованы многие церемонии и традиции, с одной стороны, подчеркивающие преемственность московской власти, а с другой – вполне привлекательные для русских людей своей пышностью и красотой. У Рима и Византии, двух великих империй прошлого, а также у их преемницы, Священной Римской империи германской нации, была заимствована и государственная символика – двуглавый орел, ставший гербом российского государства, шапка Мономаха и другие символы. Иван продолжил отстраивать Кремль: обнес его мощными кирпичными стенами, перестроил Успенский, заново отстроил Архангельский и возвел Благовещенский соборы. Для строительства были приглашены итальянские мастера, что также способствовало укреплению идеи о связи России и Запада.

Наконец, Иван IV (1530–1584), получивший прозвание Грозный, стал во главе единого централизованного государства. Он венчался на царство, окончательно закрепил титул царя и самодержца, словом, продолжал укрепление государственной власти. В конце его царствования началось освоение Сибири, выведшее Россию на новые рубежи. А главное, сложилась система государственного управления, был завершен процесс объединения России в единое и неделимое целое.

Процесс создания централизованного государства сопровождался появлением большого количества разного рода повестей и сказаний, в которых главным был вопрос о происхождении царской власти и законности ее наследования, рассказывалось о получении царских регалий, обосновывался тезис о преемственности российского самодержавия от предшествующих царств. В этот сложный исторический период (большая часть сказаний появилась в конце XV – первой половине XVI в.) было очень важно продемонстрировать преемственность государственной власти в России, обосновать тот факт, что она возникла не на пустом месте, а является законной наследницей древней традиции.

Очень популярно и широко распространено в рукописном виде было «Сказание о Вавилонском царстве». Некоторые исследователи считают, что оно было создано в самом конце XIV в., но в XVI получило дальнейшее развитие. В нем рассказывается о том, как три представителя православных стран – русский, грек и «обежанин» (из Абхазии) – доставали для византийского царя Василия царские регалии, которые принадлежали когда-то вавилонскому царю Навуходоносору. В более поздней версии XVI в. появляется продолжение о том, что эти регалии были подарены позже Владимиру Мономаху. Таким образом, Россия становилась преемницей не только Византии, но и вавилонского царства.

«Сказание о князьях владимирских» излагает историю происхождения русских великих князей от римского императора Августа через легендарного Пруса, которого Август якобы послал править землями по Висле и Неману («до нынешних времен зовется это место Прусской землей»). Родственник этого самого Пруса по имени Рюрик якобы был приглашен на Русь править. Идея происхождения русских правителей от римского императора оказалась жизнестойкой: при Иване Грозном в грамотах русских послов указывалось от имени царя, что на московском престоле всегда сидели «прародители наши от рода Августа кесаря». В «Царском Титулярнике», составленном по распоряжению царя Алексея Михайловича, утверждалось, что «корень великих государей, царей и великих князей российских... изыде от превысочайшего кесарского престола и прекрасно цветущего и пресветлого Августа кесаря»⁸⁹. Позже эта кон-

⁸⁹ Титулярник. Т. 2. М., 2007. С. 56.

цепция перешла в язык, в звание «августейшая особа», которое употребляли в адрес лиц царского рода.

В «Сказании о князьях владимирских» говорится и о приобретении царских регалий Владимиром Мономахом от византийского императора Константина Мономаха. Якобы Владимир пришел в Царьград с войском, а Константин решил передать ему символ государственной власти. «С шеи своей снял он животворящий крест, сделанный из животворящего древа, на котором был распят сам владыка Христос. С головы же своей снял он венец царский и положил его на блюдо золотое. Повелел он принести сердоликовую чашу, из которой Август, царь римский, пил вино, и ожерелье, которое он на плечах носил, и цепь, скованную из аравийского золота, и много других даров царских»⁹⁰. Таким образом, дары представляют все самые достойные преемственности царства, они происходят из трех великих городов – Иерусалима, Рима и Константинополя.

Тот факт, что, когда Константин умер, Владимиру было всего два года, значения для легенды не имел. Владимир Мономах, матерью которого была дочь императора Константина, уже своими родственными связями обосновывал идею родства и преемственности двух государств. Поэтому он и был самой удачной кандидатурой для получения царских символов, среди которых была знаменитая «шапка Мономаха». Причем в сказании особо подчеркивается тот факт, что это был не просто подарок, все это по праву принадлежало владимирским князьям и их царственным потомкам. Константин говорит Владимиру, что они «с самого начала твоего рода и твоих предков являются царским жребием, чтобы венчаться ими на престол твоего свободного и самодержавного царства»⁹¹. И так удачно, что о них «вспомнили» через 400 лет, когда это свободное и самодержавное царство создавалось.

К середине XVI в. относится и «Повесть о Новгородском белом клобуке». Теперь уже символ церковной власти, белый клобук, изготовленный в IV в. римским царем Константином, путешествует на Русь из Рима через Царьград. Для придания истории достоверности у повести есть предисловие, в котором рассказывается, как она была найдена в Риме Дмитрием Толмачем. Дмитрий Герасимов, известный еще как Митя Малый, – реальное историческое лицо, переводчик посольского двора, человек образованный, много поездивший по Европе с различными поручениями. Его рассказ о том, как он «горячею просьбой» и «великими мольбами» уговорил книгохранителя римской церкви Якова дать ему эту повесть, действительно придает всей истории правдоподобие.

Согласно повести, патриарху Константинопольскому Филофею явились во сне Папа Римский Селивестр и царь Константин (тот, который когда-то изготовил клобук). Очень торжественно они потребовали, чтобы святыня была отдана русским. И объяснили почему: «И так же как от Рима благодать и слава и честь были отняты, так и от царствующего града благодать Святого Духа изымется в годы мусульманского плена и все святыни будут переданы Богом великой Русской земле. Царя же русского возвеличит Господь над всеми народами, и под власть его подпадут многие из царей иноплеменных... И прозовется страна та озаренною светом Россией, ибо Бог пожелал подобным благословением прославить Русскую землю, наполнить величием православия и сделать ее честнейшей из всех и выше всех прежних»⁹². Вот так клобук оказался в России, а легенда опять-таки очень вовремя была «обнаружена» к моменту создания единого государства.

Наконец, широко известно «Послание старца и игумена псковского Елеазаровского монастыря Филофея великому князю московскому Василию III», в котором излагается знаменитая доктрина «Москва – Третий Рим» (написано около 1514–1521 гг.). И в духовной

⁹⁰ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 453.

⁹¹ Там же. С. 429.

⁹² Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 225.

сфере, так же как и в государственной, надо было подчеркнуть идею преемственности, придать весомость концепции. Важно было не просто отметить тот факт, что после падения Константинополя Россия становилась самым крупным центром православия, не просто возвеличить Москву как ее сердцевину, а непременно сделать «Римом», пусть даже и третьим.

Рим и Константинополь пали в результате отхода от истинной веры, и Москва была объявлена их преемницей, главным центром православия (согласно русской традиции, «четвертому не бывать», так как Бог любит троицу). Филофей так формулирует свою доктрину: «... скажем несколько слов о нынешнем преславном царствовании пресветлейшего и высокопрестольнейшего государя нашего, который во всей поднебесной единый есть христианам царь и сохранитель святых Божиих престолов, святой вселенской апостольской церкви, возникшей вместо римской и константинопольской и существующей в богоспасаемом граде Москве, церкви святого и славного Успения Пречистой Богородицы, что одна во вселенной краше солнца светится. Так знай, боголюбец и христолюбец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, и это – российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать»⁹³. Идея эта так понравилась и правителям, и их подданным, что была впоследствии повторена на разные лады и в других памятниках литературы и общественной мысли.

Хотя, безусловно, основное внимание в России уделялось поиску истоков русской государственности на Западе, но в вопросах преемственности было важно подчеркнуть все возможные исторические связи. Иван Грозный, победив Казанское царство, становился в каком-то смысле и преемником Золотой Орды.

Важность преемственности и традиции в государственной власти подчеркивает и тот факт, что за все время существования монархии в России было только две правящих династии более чем за тысячу лет (особенно наглядно это проявляется при сравнении с европейскими монархиями): Рюриковичи и Романовы, да и те были тесно связаны между собой родственными узами.

Большое значение для поддержания государственной власти имел вопрос о ее законности, тесно связанный с темой преемственности. При этом в народном сознании были свои четкие представления о том, кто законный правитель, а кто нет. Нередко они шли вразрез с официальным законодательством. Правитель должен был относиться к правящей династии, быть прямым наследником, венчан на царство. К тому же, согласно народным представлениям, он должен быть «праведным царем», что в первую очередь включало в себя набожность, а также правильный образ жизни и чистоту нравов. Нарушение законности, вернее, представления о ней неизбежно приводило Россию к смутам, к появлению легенд о чудесно спасшемся законном правителе.

Самый известный пример из истории России – Смутное время. Иван Грозный, женившийся семь раз, имел пять сыновей и трех дочерей. Из них выжило трое: Иван, Федор и Димитрий. Старший сын Иван погиб от побоев, нанесенных ему в гневе отцом. Димитрий умер при невыясненных обстоятельствах, по официальной версии он напоролся на ножичек, с которым играл во дворе. Федор, последний в роду, правил до своей смерти в 1598 г. и не имел наследников. Таким образом, прямая линия наследования была прервана.

К власти пришел Борис Годунов, брат жены последнего царя Федора Иоанновича. Ловкий политик, дальновидный государственный деятель, пытавшийся всеми силами укрепить свою власть, он так и не был признан народом, сомневающимся в законности его власти. В его правление появился самозванец Григорий Отрепьев, выдававший себя за чудесно спасшегося царевича Димитрия, законного правителя России. Несмотря на абсурдность такого предположения, оно было принято многими, и Лжедмитрий I (такое имя он получил в истории)

⁹³ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 453.

вошел с войсками в Москву и венчался на царство. Потом появился Лжедмитрий II, а позже Лжедмитрий III. В Россию вместе с псевдо царевичами вторгаются иноземные захватчики – поляки, шведы. Достигшая процветания при последних московских правителях Русская земля опустошается и приходит в запустение. Словом, смута во всей красе.

Мысль о том, что настоящий, истинный монарх – это царевич Димитрий (заметим, погибший в возрасте 8 лет и никак не успевший проявить себя), сохранилась в памяти народной надолго. Вот как в народной легенде представлены два правителя – подлинный и мнимый: «Случилось в Угличе черное, злое дело... Убили злодеи ангела Божьего, малолетнего царевича Дмитрия. А убили его по наущению злого человека – Бориса Годунова, которому самому захотелось на царство сесть, а Дмитрий-то царевич ему помехой был, потому что он самый кровный, истинный наследник престола был.

Убили Дмитрия царевича. Господь Бог взял его в сонмы ангелов Своих святых и мощи его нетлением прославились, и Борис Годунов сел на царский престол и стал царствовать, как будто и взаправдашний царь правит. Но не снес этого Господь»⁹⁴.

В тот момент не менее важным, чем изгнание захватчиков, было срочное восстановление законной государственной власти. Как было это сделать? Выход был один, и он очень напоминает тот эпизод, который был положен в основание русского государства. Надо было начать все сначала и «призвать», как когда-то, нового правителя. В 1613 г. собирается Земский собор, представлявший самые разные слои населения, и избирает нового государя – Михаила Федоровича Романова. Новому правителю было всего 16 лет, у него не было опыта и хватки Бориса Годунова, но он признан законным царем, связанным кровными узами с предшествующей династией, всенародно избранным.

Подобных примеров в русской истории можно найти множество. Русская императрица Екатерина Великая пришла к власти при сомнительных обстоятельствах, ее участие в убийстве мужа не вызывало сомнений. Она много сделала на благо России, но всю жизнь ее преследовали разного рода самозванцы и самозванки. Даже знаменитый Пугачев, поднявший восстание в 1773 г., объявил себя не кем-нибудь, а спасшимся от смерти мужем Екатерины Петром III.

Павел I погиб от руки убийц. И в начале XIX в. в Сибири стали распространяться слухи о чудесном спасении императора. Его видели в некоем старце Афанасии Петровиче.

При загадочных обстоятельствах в 1825 г. скоропостижно скончался русский император Александр I. Его прямым наследником должен был стать брат Константин, отказавшийся от престола еще до смерти Александра. Выбор между незнатной женой и тяготами русского трона Константин сделал в пользу семейного счастья. Власть перешла к следующему брату Николаю. Но законный, с народной точки зрения, ход был нарушен, и через непродолжительное время в народе появляется легенда о мудром старце Федоре Кузьмиче, живущем в глуши в далекой Сибири. Благородная осанка, образованность, величественные манеры, знание некоторых подробностей жизни императорского двора – все это наводило на мысль, что подлинный правитель России жив. Якобы император Александр не умер, а решил отойти от суетной жизни и удалиться в уединение. Одновременно с этим распространялись слухи о том, что подлинного царя, собиравшегося дать крестьянам свободу, убили (Константин умер от холеры в Варшаве в 1831 г.). Но он на самом деле не умер и готов взять власть в свои руки. Так, легенды и смуты окружали в России любое нарушение законной, с народной точки зрения, власти.

Любая государственная власть поддерживается идеями. Для России в течение многих веков такой идейной и духовной основой было православие. Вера поддерживала особое положение и власть государя в России. Еще при Иване III (для его внука) был введен обряд миропомазания по образцу византийскому. Начиная с Ивана Грозного, он становится обязательным элементом прихода к власти нового государя. Каждый новый правитель русского государства

⁹⁴ Народная проза. Библиотека русского фольклора. М., 1992. С. 79.

должен был пройти этот церковный обряд. Этот день становился днем официального вступления во власть, а также объявлялся главным светским праздником в стране.

В этом был глубокий смысл. Царь становился помазанником Божиим, а государственное служение – своего рода церковным подвигом послушания. Освящение государственной власти в церкви не только укрепляло власть в глазах народа, оно возлагало особую ответственность на российского царя. Оно определяло и особое положение правителя России. Для Востока свойственно обожествление государя, он – бог, который может все. На Западе король прежде всего человек, политик, государственный деятель. В России же он человек, но чья власть освящалась свыше, что возлагало на него особые требования и ответственность. Власть его как бы изначально ограничивалась более могущественной силой. Но это и ставило его в особое положение: бунт против царя становился бунтом против Бога.

Таким образом, в России веками существовала, принимая разные формы и изменяясь в зависимости от эпохи, своеобразная триада: религия – правитель – страна. Она была основой функционирования государства и была важной составляющей народного самосознания, базировавшегося на вере и патриотизме. Все эти три составные части успешно взаимодействовали, опирались друг на друга и поддерживали свое положение. Церковь призывала любить отечество и служить государю, государь – чтить веру отеческую и хранить землю Русскую, ну а любовь к своей стране питалась верой в Бога и государя. Это единение отразилось и в русском языке: слово «государство» происходит от «государь», а оно, в свою очередь, от «господарь», а этимологическое происхождение последнего исследователи видят в слове «Господь».

Особенно это взаимодействие было заметно в критические моменты русской истории, во время войн. Историк А. А. Горский, основываясь на памятниках древнерусской литературы, рассмотрел представления о защите отечества в XI–XV вв. По его подсчетам сражались за: Русскую землю (29 раз), веру (29), конкретный храм как символ города (18), «церкви» вообще (15), христиан (14), князя (9), брата (5), обиду князя (4), раны князя (3), обиду (3), (княжескую) отчину (3), город (2), отечество (2), честь князя (2), государя (2), народ (1), свою жизнь (1), «братью свою» (1), правду свою (1), свою отчину (1), правду государя (1)⁹⁵.

Если подытожить эти данные, то в целом картина получается следующая: за веру – 76 (если сюда включить «конкретный храм как символ города», без него – 58), за страну – 36 (если включить «конкретный храм», который может равно быть и символом веры, и родной страны – 54), за государя – 24. Словом, действует все та же формула «За веру, царя и отечество», появившаяся много позже. Известно, что и во время Великой Отечественной войны солдаты шли в атаку с криками «За Родину! За Сталина!» (т. е. за отечество и царя) и тоже, в каком-то смысле, с верой в идею светлого будущего.

Интересно отметить взаимосвязь и взаимозависимость государственной власти и веры. Очевидна она еще на ранних этапах формирования русской государственности. Достаточно вспомнить хотя бы вышеупомянутые теории периода создания единого государства: свое самодержавное устройство Россия строила в тесной связке с самовыдвижением в главные защитники православия. Падение Константинополя (1453) передало русской церкви лидерство в религиозной сфере, конец татаро-монгольского ига (1480) создал условия для самодержавной власти. Так они и шли рука об руку. Но и в более поздние периоды эта связь отчетливо прослеживается. Так, А. И. Деникин в своих воспоминаниях писал о том, что после отречения царя число солдат, приходивших к исповеди, сразу сократилось в 10 раз, а после Октябрьской революции – еще в 10 раз⁹⁶. Отречение царя было воспринято ими как освобождение от клятвы и перед царем, и перед Богом, и перед отечеством.

⁹⁵ Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...». Личности и ментальность русского средневековья. М., 2001. С. 62.

⁹⁶ Горянин А. Мифы о России и дух нации. М., 2002. С. 189.

Из всего вышесказанного вытекает еще одна важная особенность русской государственности: та особая роль, которую правители играют в жизни государства. Речь идет именно о правителях вообще, а не только о монархах и самодержцах, вне зависимости от того, как они назывались – великий князь, царь, император и даже генеральный секретарь или президент.

В русском народе всегда существовал идеал сильного и справедливого правителя. Советская историческая наука иронично называла это явление «верой в доброго царя», «царистскими иллюзиями», «наивным монархизмом русского народа». Действительно, вера в верховную справедливость является важной чертой русского народа. Правитель всегда прав. Если что-то происходит в государстве не так, значит виновато окружение правителя, мешающее ему, скрывающее от него правду, вредящее народу. Это окружение было разным в разные времена (бояре, помещики, чиновники), но именно оно являлось виновником, с народной точки зрения, всех бед в государстве. Отсюда и стремление дойти до самого верха, достучаться до правителя в поисках правды, открыть ему глаза, чтобы он покарал виновных.

Примеров тому великое множество. Отмена крепостного права была не понята большинством крестьян. Им даровали личную свободу, но велели выкупать землю, на которой они работали испокон веков. Вывод крестьяне сделали один – подлинный императорский манифест подменили злодеи-чиновники, надо предупредить государя.

Совершенно другое время – сталинские репрессии. Сохранился богатейший архив писем к Сталину, в которых люди, пострадавшие от репрессий, старались сообщить вождю о злодеяниях, творящихся за его спиной. Ведь все зло – от окружения, от плохих людей, которые обманывают вождя и творят бесчинства за его спиной. И верили, как когда-то крестьяне, что Он разберется и восстановит справедливость.

Вера в высшую справедливость правителя проявилась уже на самых ранних стадиях развития русского государства. «Повесть временных лет» сохранила легенду о крещении Руси князем Владимиром. Князь долго решал этот вопрос, обсуждал его с боярами, а когда решение о крещении было принято, начал распространять истинную веру в своем народе. Вот как, с трогательным умилением, пишет летописец об этом: «И когда пришел, повелел опрокинуть идола – одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью и приставил 12 мужей колотить его палками... “Велик ты, Господи, и чудны дела твои!” Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем... И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: “Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его”. Они же исполнили, что им было приказано... Затем послал Владимир по всему городу сказать: “Если не придет кто завтра на реку – будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, – будет мне врагом”. Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: “Если бы не было это хорошим, не приняли бы этого князь наш и бояре”».

Конечно, с точки зрения летописца, человека православного, да еще и монаха, уничтожение языческих идолов было делом благим. Но даже и он не может удержаться от размышления о бренности всего сущего: «Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем». То есть он вполне сознает, как тяжело должно было быть людям, которых в один момент заставили отречься от чтимых ими богов. Но, по его представлению, доверие к правителю было столь велико, что не могли возникнуть сомнения в правильности пусть и жесткого поступка. Да и врагом князя никто не хотел себя считать.

А что же делать, если правитель, настоящий, подлинный, не какой-нибудь узурпатор власти, оказывался несправедлив? С подобной ситуацией столкнулись приверженцы старой веры, не принявшие реформу 1653 г., проведенную патриархом Никоном. Алексей Михайлович был истинным православным царем⁹⁷. Сначала они надеялись, что он просто введен в заблуждение

⁹⁷ Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000.

«еретиком» Никоном и ничего не знает о творимых «бесчинствах». Они обращались к нему с различными посланиями, умоляя остановить погибель страны, которая, по их мнению, непременно произойдет в случае отхода от истинной веры. Они молились за спасение его души.

Потом стало очевидно, что царь поддерживает перемены. Возникли сомнения, началась мучительная борьба между верой в царя земного и небесного. Царская власть сохраняла свою незыблемость в системе ценностей, но и отказаться от старой веры, как она требовала, было невозможно. Потом пришла спасительная мысль о подмене царя, возникли сомнения в его «истинности». Сама по себе идея власти осталась нетронутой, но теперь надежды связывались с «подлинным» царем – наследником престола.

Еще более радикальный выход из ситуации нашли монахи Соловецкого монастыря. Как известно, этот монастырь оказал наиболее твердое сопротивление церковным нововведениям, вылившееся в знаменитое Соловецкое восстание или «сидение». Монахи, мучительно переживая создавшуюся противоречивую ситуацию, когда невольно они оказались втянутыми в конфликт с сакральной царской властью, обратились к Алексею Михайловичу с неожиданной просьбой, которую потом не раз повторяли в других челобитных. Они попросили его прислать войско и убить их, чтобы не мучаться больше сомнениями и неправедными мыслями в адрес монарха. Они обращаются к нему с огромным почтением: «Благоверному и благочестивому и в России пресветло сияющему, от Небесного Царя помазаннику, в царех всея вселенныя великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу». Но просят об одном: «вели, государь, на нас свой меч присылать царьской и от сего мятежного жития преселити нас на оное безмятежное и вечное житие, а мы тебе, великому государю, не противны...»⁹⁸

Об удивительном пиетете по отношению к государю говорят и свидетельства иностранцев. Многие считали это признаком варварства и свойственной русской государственности тирании. Другие восхищались этим свойством русских, считая, что подобная власть государя служит благоденствию России. Ниже приводятся выдержки из трудов, вышедших в Европе в первой половине XVI в. Этот век, когда Европа «обнаружила» на своих восточных границах объединенное, централизованное, самодержавное русское государство, к тому же еще все укреплявшее свою мощь и расширявшее границы, был особо богат на свидетельства иностранцев о России. Так было в самые разные эпохи: сильная и пугающая своим размахом Россия всегда привлекала внимание иностранных наблюдателей, пусть даже и не всегда доброжелательных, но заинтересованных. Как только она слабела, интерес внешнего мира к ней угасал, о ней забывали, чтобы вновь с удивлением «открыть» в момент могущества.

Авторы разные, из разных стран. Кто-то из них путешествовал по России, кто-то пользовался рассказами русских путешественников и чужими трудами. Но все они сходятся в одном: власть правителя в России – это реальность, которая поддерживается верой народа в его справедливость и силу.

Франческо да Колло, итальянец:

«Нет здесь никакого писаного закона, но Князь старательно следует собственным обычаям. Его воля, однако, единственно почитается за закон, и настолько ему все подчинены, что, если он прикажет кому пойти и повеситься, бедняга не усомнится немедленно подвергнуть себя таковому наказанию. Не видно ни у кого и такой смелости, чтобы кто-то решился сказать – это имущество мое; но говорит – по милости великого Государя приобрел я сие имущество. <...> Сей князь может поставить под ружье около 400 тысяч конников, по большей части лучников, а также других – копьеносцев и владеющих саблями, при весьма малых расходах, ибо

⁹⁸ Там же. С. 128.

они воюют не по найму, но из любви, уважения, страха и подчинения, и обильное питание является для них единственной наградой»⁹⁹.

Альберт Кампенский, голландец, жил в Риме:

«Никто [из московитов] не смеет в чем-либо перечить воле государя. Их он по своему усмотрению переселяет из одного места в другое, то и дело выводя новые колонии или взаимозаменяя [жителей] друг другом, как ему заблагорассудится. Люди [там] – рослые, выносливые в тяжелых трудах и привычные к суровому климату. Тем, которые имеют склонность к пьянству, государь под угрозой тяжелейших кар запретил употреблять мед, пиво и всякое другое питье, которое может опьянить; исключение делается для некоторых главных праздников года. В этом (хотя бы для них и было очень трудно), как и во всем остальном, они смиренно повинуются»¹⁰⁰.

Иоганн Фабри, немец, советник и исповедник эрцгерцога Австрийского Фердинанда:

«Замечательно и заслуживает высшей похвалы у них то, что всякий из них, как бы ни был он знатен, богат и могущественен, будучи потребован [великим] князем хотя бы через самого низкого гонца, тотчас спешит исполнить любое повеление своего императора, яко повеление Божье, даже тогда, когда это, казалось, сопряжено с риском или опасностью для жизни. ... Словом, нет другого народа, более послушного своему императору, ничего не почитающего более достойным и более славным для мужа, нежели умереть за своего государя. Ибо они справедливо полагают, что так они удостоятся бессмертия»¹⁰¹.

Сигизмунд Герберштейн, австрийский дипломат:

«Они прямо заявляют, что воля государя есть воля Божья и что бы ни сделал государь, он делает это по воле Божьей. Поэтому также они именуют его ключником и постельничим Божьим и вообще веруют, что он – свершитель Божественной воли. Поэтому и сам государь, когда к нему обращаются с просьбами о каком-нибудь пленном или по другому важному делу, обычно отвечает: “Бог даст, освободится”. Равным образом, если кто-нибудь спрашивает о каком-либо неверном и сомнительном деле, то обыкновенно получает ответ: “Про то ведает Бог да великий государь”. Трудно понять, то ли народ по своей грубости нуждается в государе-тиране, то ли от тирании государя сам народ становится таким грубым, бесчувственным и жестоким»¹⁰².

Этнографические данные свидетельствуют о том, что далекий царь был близок крестьянству, воспринимался им как родное существо, сопровождал в повседневной жизни. В очерках Пермской губернии 1869 г. записано: «Грозит ли мужику даже наказание за какой-нибудь проступок, он утешает себя словами: “Батюшка наш царь простит нас, слепых людей, и помилует”. Замирает ли у него сердце от страха при каком-нибудь грозном явлении природы, вместе с глубоким вздохом вы наверняка услышите: “Что-то теперь у нашего царя-батюшки делается?”»¹⁰³.

Отношения между правителем и народом, в идеальном виде, носили семейный характер. Отец может быть строг, но справедлив, он наказывает, но любит и защищает свою семью. Это отразилось и в языке – «царь-батюшка», «отец наш» называли государя в народе, а о себе говорили «мы – дети государевы». Отсюда и стремление иметь сильного правителя, который был равнозначен в народном сознании сильному государству.

В крепостном крестьянстве широко было распространено представление о том, что земледельцы только временно принадлежат тому или иному помещику, настоящий их владелец – государь. Это отразил в своей знаменитой «Книге о скудости и богатстве» И. Т. Посошков, рус-

⁹⁹ Франческо да Колло. Доношение о Московии. Итальянец в России XVI века. М., 1996. С. 12.

¹⁰⁰ Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 106.

¹⁰¹ Там же. С. 177–178.

¹⁰² Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 74.

¹⁰³ Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 442.

ский экономист и предприниматель эпохи Петра I: «По моему мнению, царю паче помещиков надлежит крестьянство беретчи, понеже помещики владеют ими временно, а царю они всегда вековые и крестьянское богатство – богатство царственное, а нищета крестьянская оскудение царственное»¹⁰⁴.

Известный общественный деятель второй половины XIX в. А. Н. Энгельгардт передавал представления мужиков о государе в следующих выражениях: «Царь хочет, чтобы всем было равно, потому что всех он одинаково любит, всех ему одинаково жалко. Функция царя – всех равнять». И далее о крестьянине: «Случайности природы он сосредоточивает в Боге. Случайности всевозможной политики – в царе. Царь пошел воевать, царь дал волю, царь дает землю, царь раздает хлеб. Что царь скажет, то и будет; деньги платятся царю, а разбирать, что такое урядник или непременный член, это уж совершенно не нужные подробности...»¹⁰⁵ Правитель, таким образом, становился и мериллом справедливости, равенства и власти.

Интересные и неожиданные свидетельства особого отношения к власти нашел исследователь П. В. Лукин, проанализировавший так называемые непригожие речи – те высказывания, которые, с точки зрения российских органов власти XVII в., наносили ущерб «государской чести». То есть по сути это, казалось бы, противоправительственные выступления, за которые наказывали по суду. Тем неожиданней выводы, к которым приходит исследователь. Он пишет о том, что проведенное исследование следственных дел о «непригожих речах» позволяет говорить о сакрализации царя и царской власти. В системе народных ценностей только Бог стоял выше него. При этом сакрализация не означала обожествления. Он также отмечает существование в народном сознании идеального образа «праведного» и «благочестивого» государя и свойственных ему «правил поведения», хотя они и представляются несколько абстрактно и расплывчато. Заметим, что эти представления характерны для самых разных слоев населения и регионов России, что засвидетельствовано в довольно подробно составленных судебных документах.

Вот примеры подобного рода «речей». Курский тюремный сиделец сын боярский Серый Сергеев (1626/1627) на допросе рассказал о ссоре: «...в прошлом де во 135 г. У Антошки Плотникова на беседе я был и, напився де пьян, тюремный сторож Сенька учал меня лаять и я де ему молил: “Мужик де, про что меня лаешь, бороду де тебе за то выдеру!” И он де, Сенька, молил: “Не дери де моей бороды, мужик де я государев и борода де у меня государева”». А вот два посадских человека из Костромы Митька Калинин и Мишка Огарев пострадали из-за спора в кабаке из-за 2-х рублей, спрятанных в шляпе: «...и схватил де с него, Мишки, тот Митька шляпу, а в шляпе де было денег два рубли, и он де, Мишка, учал де ему, Митьке, говорить: “Стану де я на тебя бить челом государю”»¹⁰⁶. Таких примеров, нелепых, смешных, трагических, самых разных, приводится очень много. В них ярко проявляется стремление русских людей XVII в. в любой спорной ситуации, независимо от ее серьезности, бить челом государю. И связано это было в первую очередь с представлением о царе как о гаранте общественного порядка.

Таким образом, можно говорить о том, что в России веками складывался идеал государственной власти как законной, централизованной, сильной. Главное место в системе государственного устройства отводилось правителю. Служба государю и государству приравнивались, а патриотизм нередко выражался в любви к своему правителю.

Вместе с тем важно еще раз подчеркнуть, что подобное отношение к государю отнюдь не означало его обожествления. Полнота власти и доверие народа не означали вседозволенности. Во-первых, над царем земным стоял Царь Небесный, и его власть была гораздо более

---

¹⁰⁴ Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. СПб., 2004. С. 183.

¹⁰⁵ Энгельгардт А. Н. Из деревни. М., 1987. С. 540, 405.

¹⁰⁶ Лукин П. В. Указ. соч. С. 20, 25.

всеобъемлющей. Даже сам Иван Грозный в своем первом послании к сбежавшему в Литву князю Курбскому, своему бывшему сподвижнику, примкнувшему к его врагам, отмечал пределы царской власти: «Потому и все Божественные писания наставляют в том, что дети не должны противиться родителям, а рабы господам ни в чем, кроме веры. А если ты, научившись у отца своего, дьявола, всякое лживыми словами своими сплетаешь, будто бы бежал от меня ради веры, то – жив Господь Бог мой, жива душа моя – в этом не только ты, но и твои единомышленники, бесовские слуги, не смогут нас обвинить»¹⁰⁷. То есть вера все-таки находится вне власти государей. Само послание, написанное в полемическом запале, прославляет царскую власть, но даже грозный царь не мог не сделать оговорку. Кстати, сам факт существования двух писем к князю, в которых Иван в каком-то смысле оправдывается перед своим бывшим приближенным, тоже указывает на то, что царь, как любой человек, не мог просто отмахнуться от обвинений в свой адрес.

И русские правители, хорошо сознавая свою особую роль в жизни государства, вели себя просто и, как сейчас сказали бы, демократично. Итальянец Павел Йовий писал о том, что «государь имеет обыкновение с замечательной пышностью и особенным радушием, нисколько, впрочем, не вредящим его царственному величию, пировать принародно с вельможами и послами... Ни при себе, ни в других местах он не содержит в качестве телохранителей отрядов преторианских воинов, его окружает только его собственная челядь»¹⁰⁸. Сам Павел в России не был, но широко пользовался информацией как других путешественников, так и русских, посетивших Италию. Так что его мнение если и не всегда отражает реальную действительность, зато хорошо передает расхожие мнения.

Почитание правителя и особое народное доверие, скорее, только повышали и требования, предъявляемые к нему. Это отразилось и в упомянутых выше «непригожих речах». Так, калужский стрелец Паршка Семенов в мае 1626 г. обвинялся в том, что он «говорил про государя, что государь женился дважды, а им, стрельцам, своево государева жалованья дать не велел...»¹⁰⁹ В повторной женитьбе Михаила Федоровича ничего предосудительного не было, его первая жена умерла бездетной, но царю в народном сознании предъявлялись более жесткие, чем к обычным людям, моральные требования. Князь Курбский, анализируя каким образом «добрый род русских князей» произвел Ивана Грозного, видит причину в том, что Василий III родил его во втором браке, так «через поправление закона и похоть родилась жестокость»¹¹⁰.

Наконец, ощущение близости к государю, родства с ним, осознание той огромной роли, которую он играет в жизни страны, побуждало всех мыслящих людей самых разных эпох обращаться к нему с советами и своего рода поучениями. Это еще раз подчеркивает то человеческое начало, которое видели в нем.

Один из самых загадочных авторов древнерусской литературы – Даниил Заточник. Созданные им «Слово» и «Моление» Даниила Заточника относят к XII–XIII вв. В исторических источниках отсутствуют какие-либо сведения о его жизни, неизвестно, когда он родился и умер, кем он был, каким образом получил блестящее, судя по его произведениям, образование. Это дало повод некоторым исследователям предположить, что Даниил вообще персонаж вымышленный. Другие, наоборот, считают его автором чуть ли не всех главных древнерусских литературных произведений, включая знаменитое «Слово о полку Игореве». Как бы там ни было, произведения существуют и представляют собой ярчайший источник по истории Древней Руси, раскрывающий внутренний мир русского человека той поры. Даниил Заточник обращается вначале к князю с хвалебной речью: «Голос твой сладок и образ твой прекрасен;

¹⁰⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 124.

¹⁰⁸ Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 288.

¹⁰⁹ Лукш П. В. Указ. соч. С. 112.

¹¹⁰ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 221.

мед источают уста твои, и дар твой как плод райский». После чего переходит к настойчивым советам, как правителю надо жить: «Да не будет сжата рука твоя, княже мой, господине, на подаяние бедным: ибо ни чашею моря не вычерпать, ни нашими просьбами твоего дому не истощить... Господине мой! Не лиши хлеба нищего мудрого, не вознеси до облак глупого богатого...»¹¹¹ и т. д.

Старец Филофей (начало XVI в.) заключает свое послание к великому князю Василию извинением: «...не зазри о том, благочестивый царь, что дерзнул я писать твоему величеству». Он пишет о той особой миссии, которая выпала на долю князя как подлинно православного правителя. А затем открыто учит его, как надо жить и править: «Это ж тебе написал, любя, и призывая, и моля благодатью Божьей, что переменишь ты скупость на щедрость и немилосердие на милость. Утешь плачущих и рыдающих день и ночь, избавь обиженных из рук обижающих»¹¹².

В начале XVIII в. И. Т. Посошков пишет: «Царь судия и подобен он Богу. Того бо ради и всякой вещи за имя царское от мирских нельзя быть неотменной, ибо и в суде у царя, яко у Бога, нет лица ни богату, ни убогу, ни сильну, ни маломочну, всем суд един, и то стал быть суд Божий»¹¹³. Что не мешает ему написать целую книгу о том, как надо правильно управлять государством.

Особое отношение народа к верховной власти, его любовь и доверие, почитание и уважение, а также предъявляемые высокие требования возлагали на правителей русского государства особую ответственность. И она прекрасно ими осознавалась. Владимир Мономах составил для своих наследников своего рода кодекс поведения государя. Правитель, по его мнению, не должен пренебрегать даже мелочами: «Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, – то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите»¹¹⁴.

Что-то очень личное в отношении к своему народу и государству ощущается в предсмертных словах строгого Николая I. Его наследник Александр II передал их на следующий день после кончины отца Государственному Совету: «Покойный государь, мой незабвенный родитель, любил Россию и всю жизнь постоянно думал об одной только ее пользе. Каждое его действие, каждое его слово имело целью одно и то же – пользу России. В постоянных и ежедневных трудах его со мною он говорил мне: “Хочу передать тебе Россию устроенною, счастливою и спокойною”. Провидение судило иначе, и покойный государь в последние часы своей жизни сказал мне: “Сдаю тебе мою команду, но, к сожалению, не в таком порядке, как желал, оставляя тебе много трудов и забот”»¹¹⁵. Николай очень сильно, как личную вину, переживал неудачи русской армии в Крымской войне, он не мог не видеть и острых нерешенных проблем в русской экономике и в сфере социальных отношений. Управление сложным и обширным хозяйством, забота о народе, ведение военных действий – все это теперь падало на плечи его преемника. Умирая, он беспокоился о будущем страны, о том, справится ли его сын со своими непростыми обязанностями.

---

¹¹¹ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1980. С. 403.

¹¹² Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 441.

¹¹³ *Посошков И. Т.* Указ. соч. С. 242.

¹¹⁴ Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. М., 1978. С. 403.

¹¹⁵ *Татищев Сергей.* Император Александр Второй. Кн. 1. М., 1996. С. 155.

Во время проведения первой всероссийской переписи населения в 1897 г. последний российский император Николай II написал о роде своих занятий: «Хозяин земли русской». Таким образом, он вполне определенно указал на то место, которое правители занимали в России.

В этом присущем русскому менталитету идеале сильного правителя нередко видят свидетельством некоей особой рабской психологии русского человека. Найти объяснение сложившимся идеалам всегда достаточно сложно. Безусловно, речь может идти только о комплексе исторических, географических, политических и других условий. Приведем только несколько наиболее очевидных причин. Среди них размер страны: чтобы удержать ее в целостности, единой, нужна сильная центральная власть, иначе – неизбежный хаос и распадение на части. Нестабильная экономика, сложности ведения хозяйства: в одних регионах засуха, в других морозы, где-то бедные почвы, где-то болота – все это приводит к зависимости регионов друг от друга. Чтобы регулировать единую экономику, перераспределять, интегрировать, вмешиваться в региональную хозяйственную политику, исходя из общих интересов, нужен сильный центр. Несовершенство русских законов и легкомысленное отношение к их соблюдению делали правителя еще и высшим судьей (отсюда и знаменитое пушкинское выражение: «Должен быть один человек, стоящий выше всего, выше даже закона»). Важную роль сыграл и религиозный фактор: освящение государственной власти церковью выводило эту власть на особую высоту. Сказывалась и присущая русской культуре патриархальность семейных отношений: один Бог на небе, один отец в семье, один государь в стране. Он может быть строгим, даже жестоким, но он всегда прав. К тому же он и кормилец, и поилец, и заступник.

Россия много веков была страной многонациональной. В этих условиях нужен был посредник, миротворец, стоящий над всеми, проводящий единую государственную политику в этом вопросе. Как упоминалось выше, будущий император Александр II в юности путешествовал по России. Он оказался первым представителем царского рода, посетившим Сибирь. Четко выполняя данные отцом инструкции, он встречался с представителями разных народов, населявших сибирские земли. В письме Николаю I он привел слова местных жителей: «Они говорят, что доселе Сибирь была особенная страна, а теперь сделалась Россиею»¹¹⁶. То есть именно правитель придавал стране единство.

Россия, находясь между Востоком и Западом, постоянно подвергалась военным нападениям. Войны много веков были неотъемлемой частью русской истории. Отсюда и идеал царя (правителя) – воин, защитник своего народа и отечества. Не случайно самыми популярными государями в народе были те, кто вели успешные войны. Даже если они и не попадали под остальные требования, которым должен соответствовать идеальный царь. Среди них – Иван Грозный, Петр I, Александр I, Александр II. Характерно, что в случае с последним большее восхищение у простого народа вызывали победа в русско-турецкой войне, его личное участие и мужество, чем отмена крепостного права.

Эти причины лишь малая часть материалистических причин, определивших сложившийся в народе идеал. Были еще и духовные, лежащие в характере и менталитете русского народа. Словом, причин можно найти много, но суть простая – ослабление центральной власти в России неизбежно приводило к развалу и хаосу.

Исходя из вышеуказанных идеалов, становятся понятны и многие «загадки» русской истории, и проблемы сегодняшнего дня. Вот, например, Иван Грозный. Для современного человека он является символом тирании и насилия. Известны казни, проводимые в его царствование, преследование несогласных, подавление непокорных. А в народных песнях и сказаниях он предстает правителем, любимым народом. Кого он преследовал? Бояр, тех, кто угне-

¹¹⁶ Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М., 1999. С. 14.

тал народ. Он укрепил государство, ознаменовал свое правление военными победами. Это и было важно для народа. Отсюда большое число разного рода песен и сказаний, прославляющих царя. Вот одно из них, довольно характерное: «Когда на Москве был царем Иван Грозный, он хотел делать все дела по закону христианскому, а бояре гнули все по-своему, перечили ему и лгали. И стала народу тягота великая, и начал он клясть царя за неправды боярские, а царь совсем и не знал о всех их утеснениях. Насмелились тогда разные ходоки, пришли в Москву и рассказали царю, как ослушаются его князи-бояре, как разоряют людей православных, а сами грабят казну многую и похваляются самого царя известью. Разозлился тогда царь на бояр и велел виноватых казнить и вешать». (Записано в 1878 г. в с. Стеньшино Липецкого уезда Тамбовской губернии.)¹¹⁷ Здесь объясняется политика Грозного, показывается, что проводимые им казни организуются ради спасения народа, по его же, народа, просьбе. Множество песен величает также военные успехи царя, в первую очередь покорение Казанского и Астраханского ханств.

Известно, что И. В. Сталин очень уважал грозного царя. В период его правления временно была пересмотрена традиционная точка зрения историков на эпоху Ивана Грозного. Последний оценивался исключительно как мудрый дальновидный политик, служивший России и своему народу. Интересно, что действительно некоторое сходство ситуаций между двумя правителями существует. Сталина тоже считали победителем в войне. Проводимые в стране репрессии с точки зрения народного восприятия также нередко оценивались как борьба с теми представителями власти, которые угнетают народ и проводят за спиной вождя несправедливую политику. Не случайно их подчеркнуто именовали «врагами народа» (а не правительства или даже отечества). В почитании Сталина нашло отражение традиционное для России восприятие сильной власти как справедливой и правильной. Кстати, первые правители советского государства хорошо понимали важность учета народной психологии. Может быть, этим частично был вызван и культ личности, исходивший из того, что в России всегда все лучше через край, лучше «пере», чем «недо».

Выборы же никогда не представляли интереса для русского человека. Начать с того, что в России не любят выбор вообще. Когда с развитием рыночных отношений в страну хлынул поток товаров, и прилавки магазинов заполнились разнообразными наименованиями, многие жаловались на то, что чувствуют себя несчастными. Зачем столько видов сыра, колбасы и зубной пасты? Как разобраться во всем этом многообразии? А не ошибся ли я в выборе? Многие даже с тоской вспоминали прежние времена, когда покупка туфель или куска хорошего мяса с трудностями, через знакомых или после огромной очереди делала человека счастливым, возрождала древнее чувство добытчика, обеспечивающего себя и семью.

Схожие чувства вызывают и политические выборы. Одно дело, когда это острая необходимость, как было во времена Смуты в 1613 г., когда была прервана законная династия и шла война. Или когда выборы – это праздник сильной власти, как было в советское время, когда они были безальтернативными и сопровождались гуляньями, праздничными мероприятиями и продажей дефицитных товаров в буфете на избирательном участке. А наблюдать за спорами и борьбой политических противников, да еще и выбирать одного из них – это в России интереса не вызывает. Да и веры в выборы очень мало: «все равно изберут, кого им надо, и без нас» – таково распространенное мнение.

Когда же еще и объявляются суммы, расходуемые на предвыборную кампанию, всеобщему недоумению нет предела. В отношении простых людей к этому вопросу не так уж много изменилось по сравнению с предшествующими эпохами. Оно сродни переживаниям старушки из гениальной поэмы А. Блока «Двенадцать» (1918):

От здания к зданию
Протянут канат.

¹¹⁷ Народная проза. Библиотека русского фольклора. М., 1992. С. 85.

На канате – плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»
Старушка убивается – плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий – раздет, разут...

Вопросы истории государства российского часто малопонятны иностранцам. Во все эпохи русское правительство они оценивали чаще всего негативно. Почитание правителя всегда принималось за склонность русских к насилию над собой, сильная власть – за тиранию. В выпускаемой британцами серии «Ксенофобских путеводителей» как бы суммируется принятая на Западе точка зрения: «Русские за почти тысячу лет привыкли к плохому правлению. В своей истории они знали только одну альтернативу плохому правлению – отсутствие правительства вообще»¹¹⁸.

К историческим явлениям вообще нельзя подходить с современными идеологическими мерками, а уж к русским – в особенности. Понятия, термины, слова меняются с течением времени, в разных странах наполняются своим смыслом, а навешанные ярлыки только затемняют картину. Вот, например, Петр I – реформатор из реформаторов, практически безоговорочно любим мировыми русистами, его деятельность в России ассоциируется с понятиями «прогресс», «демократизация», «европейский уровень». Что же сделал этот реформатор и демократ: отменил совещательный орган Боярскую думу и создал вместо нее полностью подвластный ему Сенат, приказы преобразовал в коллегии, развил и расширил бюрократическую систему, отменил патриаршество, подчинив своей власти церковь и т. д. Словом, довел свою власть до абсолюта.

Единовластие и сильная власть в России никогда не означали всевластия. Пример: Генрих VIII в Англии единолично ввел новую церковь, полностью изменив духовную жизнь страны. В России же попытка реформировать существующую церковь привела в XVII в. к расколу, отзвуки которого дошли до сегодняшнего дня. Так называемые старообрядцы по сей день этих перемен не признали. Сильная центральная власть в России всегда сочеталась с самоуправлением, с разного рода демократическими структурами: Боярской думой, крестьянской общиной, земством и т. д.

Служение государю сливалось в сознании русского человека со служением государству, а любовь к правителю была одним из проявлений патриотизма. Не так давно один таксист, человек, далекий от исторических или политических изысканий, рассуждая о Николае II, последнем русском императоре, воскликнул: «Он не имел права отрекаться от престола!» Так, почти через сто лет человек, выросший в совершенно иную эпоху, крайне далекий от монархических взглядов, оценил поступок императора как предательство, несоблюдение той ответственности, которая была возложена на него судьбой, историей и Богом.

Не случайно в подготовке русской революции большую роль играло расшатывание и разрушение образа монарха: нагнеталась история с Распутиным, подчеркивалась слабость и неспособность правителя к решительным действиям, его неумение справиться с внешне и внутривнутриполитической ситуацией. Вместе с тем важность места и роли государя в русской истории отнюдь не свидетельствует о том, что для порядка России нужна только монархия, как это иногда представляется. Речь идет только о таком правлении, которое базируется на следовании некоторым правилам, обусловленным традицией развития России. При этом сами формы правления могут быть современными и новыми.

---

¹¹⁸ Roberts E. The Xenophobe's Guide to the Russians. L., 1993. P. 53.

Идеалы – вещь удивительно живучая. Совершенно иной по форме советский период сохранил многое из идеалов прошлого, с которым он так активно боролся. В частности, веру в сильного правителя. Идеология, форма правления, правитель – все изменилось, а чувства остались. И сегодня, во вновь изменившихся условиях, важно помнить эти уроки истории. Народ по-прежнему ждет своего героя. Только бескомпромиссный правитель, сильный и решительный, будет пользоваться уважением народа.

Русская интеллигенция

Особое отношение к правителю и сильной власти, сложившееся в России, привело к появлению интереснейшего феномена, который довольно условно можно назвать «русской интеллигенцией». Идиллической картины – могучий правитель и восхищенный им народ – в действительности никогда не было и быть не могло. Выше шла речь об идеалах, а не о реальной ситуации в стране. Была и другая сторона медали – отторжение всего официального, исходящего сверху, свойственное русскому характеру. Вера в «доброе» правителя часто сочеталась с недоверием к государству, которое он воплощал. Сомнение – очень русская черта, так же как и критиканство. А в России всегда было, что критиковать и в чем сомневаться.

Из этого противоречия, кстати, проистекают и особенности русского патриотизма. Часто он тихий, скрытый, как бы застенчивый. Русские чрезвычайно склонны к самокритике и самобичеванию. Но не надо забывать, что это оборотная сторона гордости и самолюбия. Так что иностранцам не стоит покупаться на заявления типа: «В этой стране жить нельзя!» Русские часто жалуются на жизнь (слава Богу, поводов хватает), но вряд ли оценят столь же критическое отношение со стороны постороннего человека.

Сильная власть, столь необходимая для поддержания порядка в огромном многонациональном государстве, рождала и протест. Наиболее полное выражение протест против государственной власти получил в деятельности русской интеллигенции. Можно сказать, что интеллигенция – явление искони присущее русскому государству, своеобразная реакция и своего рода противовес идее о сильном правителе и вере в «доброе царя». Она была особенно активна в периоды укрепления русского государства, когда у власти стоял сильный правитель.

Понятие «интеллигенция» используется в данном случае достаточно условно. В этом вопросе в науке нет терминологического единства. Споры о том, что такое интеллигенция и каково ее значение в жизни общества, не смолкают вот уже без малого 150 лет. Каковы же основные определения и концепции по данному вопросу.

Традиционно считается, что термин «интеллигенция» ввел в широкое употребление в 1870-х гг. почти забытый ныне писатель П. Д. Боборыкин. Петр Дмитриевич Боборыкин (1836–1921) прожил долгую и насыщенную событиями жизнь. Выходец из старинного дворянского рода, он считал себя представителем той самой «интеллигенции», о которой писал. В начале своих воспоминаний он обещает показать «писательский мир и все, что с ним соприкасается, и вообще жизнь русской интеллигенции, насколько я к ней приглядывался и сам разделял ее судьбы»¹¹⁹. Жизнь самого Боборыкина сложилась неплохо: он учился на трех факультетах – юридическом Казанского университета, химическом и медицинском Дерптского – и ни один не закончил. Что не помешало ему позже сдать экзамен на степень кандидата права в Петербургском университете, а в 1900 г. даже стать академиком.

Он был журналистом и сотрудничал (в числе прочих) с такими крупными журналами, как «Отечественные записки» и «Вестник Европы». В какой-то период своей жизни увлекся театром и стал театральным критиком. Много и с удовольствием жил за границей. Встречался со многими знаменитостями: А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, И. С. Тургеневым, А. Н. Островским, М. Е. Салтыковым-Щедриным, Ап. А. Григорьевым и многими другими. Дружил с А. Дюма-сыном, Дж. Элиотом, У. Коллинзом. Постоянно находился в гуще общественно-политической, философской и литературно-художественной жизни как России, так и Западной Европы.

Но главным делом своей жизни Боборыкин считал писательский труд. Писал он очень много. Романы выходили один за другим («Опять набоборыкал роман», – ворчал по его адресу

¹¹⁹ Боборыкин П. Д. За полвека. М., 2003. С. 6.

Салтыков-Щедрин). Его литературное наследие составляет 70 увесистых томов. Плодovitость, которой позавидовали бы многие! Он писал обо всем, что видел вокруг, что волновало русское общество того времени: о «женском вопросе», судебном процессе над А. В. Сухово-Кобылиным, быте и нравах новой русской буржуазии, «славянском вопросе», разочаровании русской интеллигенции «хождением в народ» и, конечно, о любви. Один из самых известных его романов «Китай-город» рассказывает о купеческой Москве начала 1880-х гг., «Василий Теркин» (именно так!) – о появлении в России мыслящего купца, «Из новых» – о поисках и блужданиях русской интеллигенции.

Он прожил долгую и вполне благополучную (особенно учитывая все катаклизмы русской истории тех лет) жизнь и умер в 1921 г. в Швейцарии, в Лугано, оплакиваемый знакомыми и друзьями. Известный правовед А. Ф. Кони написал в некрологе по поводу смерти П. Д. Боборыкина: «...исчез европеец не только по манерам, привычкам, образованности и близкому знакомству с заграничной жизнью, на которую он смотрел без рабского перед нею восхищения, но европеец в лучшем смысле слова, служивший всю жизнь высшим идеалам общечеловеческой культуры, без национальной, племенной и религиозной исключительности»¹²⁰. Таков был человек, объявивший себя «крестным отцом» понятия «интеллигенция» и считавший себя одним из ярких ее представителей. Как это ни странно, но именно этим он остался в истории. Все 70 томов его романов благополучно забыты, а вот в разных словарях и энциклопедиях он всегда упоминается в статье «интеллигенция» как человек, который ввел это понятие в русский язык.

В последние 10 лет традиция связывать понятие «интеллигенция» с именем Боборыкина сильно пошатнулась. Оказалось, что слово это употреблялось в русском языке задолго до плодovitого автора романов. Так, недавно была опубликована запись в дневнике В. А. Жуковского. Он описывал страшный пожар в Петербурге, когда сгорело много человек, а через несколько часов рядом с пепелищем устроили бал и танцевали до утра как ни в чем не бывало. Эту публику Жуковский и описал в дневнике: «кареты, наполненные лучшим петербургским дворянством, тем, которое у нас представляет всю русскую европейскую интеллигенцию». В комментарии к тексту историк С. О. Шмидт высказывает предположение, что слово это поэт, скорее всего, услышал от Александра Тургенева, а тот привез его из Франции, где как раз в это время Бальзак «возымел идею организовать партию интеллектуалов с печатными органами», где он мог бы публиковаться. Эту партию Бальзак предполагал, как пишет С. О. Шмидт, назвать «партией интеллигентов», что засвидетельствовано в письме классика к Эвелине Ганской от 23 августа 1835 г.¹²¹

Есть и более ранние свидетельства употребления слова «интеллигенция» в русском языке. Академик В. В. Виноградов отмечал, что оно использовалось в языке масонской литературы еще во второй половине XVIII в.: «...часто встречается в рукописном наследии масона Шварца слово “интеллигенция”. Им обозначается здесь высшее состояние человека как умного существа, свободного от всякой грубой, телесной материи, бессмертного и неощутительно могущего влиять и действовать на все вещи»¹²². Слово «разумность» для перевода лат. *intelligentia* было предложено В. К. Тредьяковским еще в 30-х гг. XVIII в.¹²³

Слово «интеллигенция» в значении, близком к современному, появляется в русском литературном языке 60-х гг. XIX столетия. Оно широко использовалось в художественной литературе, встречается в документах личного характера. Интересно, что уже тогда оно нередко имеет слегка негативный или насмешливо-презрительный оттенок. Н. П. Огарев в письме (1850) к историку Т. Н. Грановскому пишет: «Какой-то субъект с гигантской интелли-

¹²⁰ Там же. С. 668.

¹²¹ Дружба народов. 2000. № 8.

¹²² Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 299.

¹²³ Виноградов В. В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1994. Словарная статья «Интеллигенция».

генцией рассказал, что жена моя говорит, что вы – друзья мои – меня разорили! И вместо того, чтобы обратиться ко мне с запросом (если уж духа не хватало рассердиться на клевету), вместо того обвиненье субъекта с гигантской интеллигенцией было принято за аксиому». В дневниках министра иностранных дел П. А. Валуева и литературного цензора А. В. Никитенко (изданы в 1865) также встречается понятие «интеллигенция». «Управление, – пишет Валуев, – по-прежнему будет состоять из элементов интеллигенции без различий сословий». «Народ погружен в глубокое варварство, интеллигенция развращена и испорчена, правительство бессильно для всякого добра», – говорит Никитенко¹²⁴.

В. И. Даль помещает это слово во втором издании «Толкового словаря» (в первом, 1863 г., оно отсутствует), объясняя его таким образом: «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей».

И. С. Тургенев вкладывает слово «интеллигенция» в уста своего персонажа в «Странной истории» (1869) и сопровождает его комментариями повествователя. Видно, что в разговорной речи это слово тогда было новым: «“Послезавтра в дворянском собрании большой бал. Советую съездить: здесь не без красавиц. Ну и всю нашу интеллигенцию вы увидите”. Мой знакомый: как человек, некогда обучавшийся в университете, любил употреблять выражения ученые. Он произносил их с иронией, но и с уважением». Иронически отмечено модное слово «интеллигенция» в «Литературном вечере» И. А. Гончарова (1877): «Возьмешь книгу или газету – и не знаешь, русскую или иностранную грамоту читаешь! Объективный, субъективный, эксплуатация, инспирация, конкуренция, интеллигенция – так и погоняют одно другое».

У Салтыкова-Щедрина в «Пошехонских рассказах»: «Многие полагают, что принадлежность к интеллигенции, как смехотворно называют у нас всякого не окончившего курс недомка, обеспечивает от исследования, но это теория несправедливая»¹²⁵.

В 1890 г. И. М. Желтов в заметке «Иноязычие в русском языке» писал: «Помимо бесчисленных глаголов иноземного происхождения с окончанием -ировать, наводнивших нашу повременную печать, особенно одолели и до тошноты опротивели слова: интеллигенция, интеллигентный и даже чудовищное имя существительное – интеллигент, как будто что-то особенно высокое и недостижимое. ... В известном смысле, впрочем, эти выражения обозначают действительно понятия новые, ибо интеллигенции и интеллигентов у нас прежде не бывало. У нас были “люди ученые”, затем “люди образованные”, наконец, хотя и “не ученые” и “не образованные”, но все-таки “умные”. Интеллигенция же и интеллигент не означают ни того, ни другого, ни третьего. Всякий недочка, нахватавшийся новомодных оборотов и слов, зачастую даже и круглый дурак, затвердивший такие выражения, считается у нас интеллигентом, а совокупность их интеллигенцией»¹²⁶.

П. Д. Боборыкин, который объявил себя «крестным отцом» термина и в этом качестве встречается почти во всех словарях, справочниках и энциклопедиях XX в., широко использовал его в прессе и в каком-то смысле действительно популяризировал его, ввел в массовый оборот. Боборыкин объявил, что заимствовал этот термин из немецкой культуры, где он использовался для обозначения того слоя общества, представители которого занимаются интеллектуальной деятельностью. Он объяснял, что в него вкладывается особый смысл: он определял интеллигенцию как лиц «высокой умственной и этической культуры», а не как «работников умственного труда». По его мнению, интеллигенция в России – это чисто русский морально-этический феномен. К интеллигенции в этом понимании относятся люди разных профессиональных групп, принадлежащие к разным политическим движениям, но имеющие общую духовно-нравственную основу.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ *Виноградов В. В.* Указ. соч.

¹²⁶ *Желтов И. М.* Иноязычие в русском языке // Филологические записки, вып. 4–5. Воронеж, 1890. С. 2, 3.

Вопрос о происхождении слова «интеллигенция» имеет большое значение. Во-первых, оно помогает понять содержание, суть явления, во-вторых, важно время его появления и распространения в русском обществе. Наконец, политическую остроту имеет вопрос о заимствовании. Неоднократно отмечалось, что слово «интеллигенция» вошло в иностранные языки из русского. В последние годы, когда вопрос о том, что в России есть своего, а что привнесенного (с очевидным перевесом в сторону последнего), стал особенно актуальным, авторы все чаще указывают на французское, немецкое и даже польское происхождение слова. Очевидно, что, будучи латинским в своей основе, оно было распространено в разных европейских языках, но как термин (*intelligentsia*, *intelligenza*), означающий вполне конкретный феномен общественной жизни, причем именно русской, оно вернулось в иностранные языки из русского, но уже с новым содержанием.

Выше шла речь о появлении и бытовании термина «интеллигенция». Каковы же основные определения этого понятия? Попытки четко и научно его сформулировать относятся к началу XX в., когда вопрос об интеллигенции, ее месте в революционном движении стал особенно остро, и уже нельзя было игнорировать существование некоей особой группы людей, повлиявших на ход исторического развития страны.

Существует две основных точки зрения на то, что такое интеллигенция. Одна, зародившись в начале XX в., потом получила развитие в эмигрантской литературе и стала вновь популярной в России сегодня. Согласно ей, интеллигенция представляет собой особую часть образованного общества, играющую большую роль в духовной жизни страны. Эта «особость» наполнялась авторами разным смыслом. Литература по проблемам интеллигенции огромна, столько же примерно и попыток объяснить, что это такое. Приведем лишь некоторые.

Легальный марксист П. Б. Струве в начале XX в. писал: «Русская интеллигенция как особая культурная категория есть порождение взаимодействия западного социализма с особыми условиями нашего культурного, экономического и политического развития. До рецепции социализма в России русской интеллигенции не существовало, был только “образованный класс” и разные в нем направления».

Известный русский философ и богослов Г. П. Федотов, живший после революции в эмиграции, в статье «Трагедия интеллигенции» (1926), говоря о русской интеллигенции, подчеркивал: «...мы имеем дело с единственным, неповторимым явлением истории». Его определение звучит парадоксально, хотя и вполне конкретно: «...русская интеллигенция есть группа, движение и традиция, объединяемые идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей». Развивая свое понимание проблемы, Федотов писал далее от том, «что интеллигенция – категория не профессиональная. Это не “люди умственного труда” (*intellectuals*). Иначе была бы непонятна ненависть к ней, непонятно и ее высокое самосознание. Приходится исключить из интеллигенции всю огромную массу учителей, телеграфистов, ветеринаров (хотя они с гордостью притязают на это имя) и даже профессоров (которые, пожалуй, на него не притязают). Сознание интеллигенции ощущает себя почти, как некий орден, хотя и не знающий внешних форм, но имеющий свой неписанный кодекс – чести, нравственности, – свое призвание, свои обеты. Нечто вроде средневекового рыцарства...»¹²⁷ Подобное сходство интеллигенции с неким старинным орденом – рыцарским или монашеским – отмечали и многие другие философы.

Литературный критик и социолог Р. В. Иванов-Разумник (статья 1907 г.) на вопрос «что такое интеллигенция?» отвечал: «интеллигенция есть этически антимещанская, социологически внесловная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умствен-

¹²⁷ Федотов Г. Россия и свобода: Сборник статей. N. Y., 1981. 14, 16, 19.

ному, общественному и личному освобождению личности»¹²⁸. Он подчеркивал ее огромную роль в жизни России и, как и многие другие, считал, что «история русской общественности есть история русской интеллигенции».

Подобное возвеличивание роли интеллигенции вызывало критику со стороны революционных деятелей. Так, Л. Д. Троцкий, еще находясь на службе советского правительства, незадолго до его высылки в эмиграцию опубликовал статью «Об интеллигенции». Ее появление он объяснял следующим образом: «Настоящая статья написана была в тоне вызова тому национально-кружковому мессианизму интеллигентских кофеен, от которого даже на большом расстоянии (Петербург, Москва – Вена) становилось невоготу». «На этой мании величия, – продолжал Троцкий, – г. Иванов-Разумник построил, как известно, целую философию истории. Русская интеллигенция, как несловная, неклассовая, чисто-идейная, священным пламенем пламенеющая группа, оказывается у него главной пружиной исторического развития; она ведет великую тяжбу с «этическим мещанством», завоевывает новые духовные миры, которые частично, в розницу, ассимилируются мещанством, – она ни на чем не успокаивается и со странническим посохом в руках идет все дальше и дальше – к мирам иным. И это самодовлеющее шествие интеллигенции и образует русскую историю... по Иванову-Разумнику»¹²⁹. Насмешка над концепциями, преувеличивающими роль и значение интеллигенции в русской истории, в статье Троцкого вполне мягкая, либеральная, небольшевистская. Она признает интеллигенцию как особую группу людей, но возражает против ее чрезмерного возвеличивания.

О проблемах интеллигенции писал находившийся в эмиграции писатель и общественный деятель А. И. Солженицын (в Россию вернулся после перестройки). В статье «Образованщина» (1974) он горячо разоблачил тот образованный слой советского тогда общества, который «самозванно или опрометчиво зовется сейчас “интеллигенцией”, предложив назвать его «образованщина». Гневно заклеив интеллигентов-«соглашателей», оставшихся жить и работать в Советском Союзе во «лжи» и «предательстве», он, к сожалению, не дал развернутого позитивного образа «интеллигента», хотя и подчеркивал, что явление это живо и не умерло после революции (получается, чтобы остаться честным, а значит и интеллигентом, необходимо было эмигрировать).

Вот каким видится Солженицыну образ настоящего интеллигента: «Каждый из нас лично знает хотя бы несколько людей, твердо поднявшихся и над этой ложью и над хлопотливой суетой образованщины. И я вполне согласен с теми, кто хочет видеть, верить, что уже видит некое интеллигентное ядро – нашу надежду на духовное обновление. Только по другим бы признакам я узнавал и отграничивал это ядро: не по достигнутым научным званиям, не по числу выпущенных книг, не по высоте образованности “привыкших и любящих думать, а не пахать землю”... не по отчужденности от государства и от народа, не по принадлежности к духовной диаспоре (“всюду не совсем свои”). Но – по чистоте устремлений, по душевной самоотверженности – во имя правды и, прежде всего, – для этой страны, где живешь. Ядро, воспитанное не столько в библиотеках, сколько в душевных испытаниях»¹³⁰. Как и когда-то понятие «интеллигенция» идеализируется, в него вкладываются некие идеалы, которые, как и любые идеалы, всегда далеки от реальной жизни.

Схожая позиция у еще одного видного деятеля русской культуры, известного ученого, литературоведа, историка и культуролога Д. С. Лихачева. В сложный для России (как его называют «переходный») период он выступил в защиту русской интеллигенции. Главным для него, вполне в духе времени, является понятие «свобода» и «умственная порядочность». «К

¹²⁸ Интеллигенция – Власть – Народ. Антология. М., 1992. С. 85.

¹²⁹ Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 20. М.–Л., 1926. С. 238.

¹³⁰ Новый мир. 1991. № 5. С. 43.

интеллигенции, по моему жизненному опыту, – писал Лихачев, – принадлежат только люди свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обязательствам... Основной принцип интеллигентности – интеллектуальная свобода, свобода как нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли». И далее: «Я бы сказал еще и так: интеллигентность в России – это прежде всего независимость мысли при европейском образовании». Сложность эпохи определила и некоторые уступки в определении уровня «свободы» и «независимости». «Человек должен иметь право менять свои убеждения по серьезным причинам нравственного порядка»¹³¹, – отмечал Лихачев, давая таким образом индульгенцию тем интеллигентам, которые за короткий период времени несколько раз поменяли свои убеждения.

Поисками определения понятия «интеллигенция» занимались и западные ученые. Один из наиболее крупных специалистов по проблемам освободительного движения в России британец Е. Ламперт писал в 1957 г.: «Изгнанные из существовавшего русского мира, они стали изгнанниками из мира вообще, ведя дома и за границей жизнь полную одиночества, неприятия чужого, преданности своему, что предполагает скорее сравнение с религиозным орденом, чем с социологически объяснимым явлением. Они не вели себя как представители политической группировки или партии, защищая свои законные интересы, а как индивидуалисты и новаторы, не связанные ни с кем традицией, стоящие одиноко и изолировано»¹³².

Из других западных историков следует упомянуть и американца Р. Пайпса. Сборник «Русская интеллигенция», посвященный памяти Е. Ламперта, дает следующее определение: «...общественное объединение, которое в силу своего образования было отделено от «народа», а в силу своего просвещенного, ориентированного на Запад мировоззрения – от монархии и ее бюрократического аппарата»¹³³.

В советском обществе (и это вторая точка зрения на то, что понимается под словом «интеллигенция») господствовало более общее представление об интеллигенции, которое включало в это понятие всю образованную часть общества. Еще В. И. Ленин сформулировал его следующим образом: «Интеллигенция – все образованные люди, представители свободных профессий вообще, представители умственного труда (brain worker, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда». При этом интеллигенцию не признавали классом, а только некоей «прослойкой» общества.

Подобного рода определение представляется слишком общим и универсальным. Оно совершенно не объясняет, что же делало русскую интеллигенцию столь уникальной, что вызвало жаркие споры о месте интеллигенции в русской истории в начале XX в., почему это слово вошло в мировые языки и чем она отличается от intellectuals и educated society. Однако именно в этом значении – образованная часть общества – оно закрепилось не только в специальной литературе, но и в повседневном обиходе в советский период и в значительной мере сохранилось по сей день.

Именно его придерживаются все основные словари, справочники и энциклопедии советского периода. «Историческая энциклопедия»: «Общественная прослойка, в которую входят лица, профессионально занимающиеся умственным трудом. Интеллигенция играет большую роль в развитии общества, с ее деятельностью в первую очередь связано развитие науки, техники, искусства, народного образования и т. д.»¹³⁴. «Толковый словарь» Ожегова (середина XX в.): «Люди умственного труда, обладающие образованием и специальными знаниями в раз-

¹³¹ Новый мир. 1993. № 2. С. 3–9.

¹³² Lampert E. Studies in Rebellion. L., 1957. P. 31.

¹³³ Pipes R. The Historical Evolution of the Russian Intelligentsia // The Russian Intelligentsia. N. Y., 1961. P. 47.

¹³⁴ Историческая энциклопедия. Т. 6. М., 1965. С. 111.

личных областях науки, техники и культуры; общественный слой людей, занимающихся таким трудом».

Наконец, современные российские издания пытаются объединить две позиции – как сложную дореволюционную и эмигрантскую, так и упрощенную советскую. «Большой энциклопедический словарь» (2-е изд., 1998): «Общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры. Понятию интеллигенция придают нередко и моральный смысл, считая ее воплощением высокой нравственности и демократизма. Термин “интеллигенция” введен писателем П. Д. Боборыкиным и из русского перешел в другие языки». «Российская цивилизация. Энциклопедический словарь»: «Интеллигенция – социальная группа, отличающаяся занятием умственным трудом, высоким образовательным уровнем и творческим характером своей деятельности, сохраняющая и несущая в другие социальные группы ценности и достижения мировой культуры, а также характеризующаяся специфическими психологическими чертами и позитивными нравственно-эстетическими качествами»¹³⁵.

Многообразие определений показывает сложность проблемы и ее важность, ибо, по словам уже упоминавшегося философа Г. Федотова, «мы имеем здесь дело с одной из роковых тем, в которых ключ к пониманию России и ее будущего»¹³⁶. Постараемся выделить основные отличительные признаки русской интеллигенции, объединяющие самых разных ее представителей и делающие ее важной частью русского мира.

1. Вне всякого сомнения, в понятие «интеллигенция» всегда включались люди образованные. Вопрос об образовании в России всегда был связан с проблемой духовности и веры (подробнее об этом см. главу «Традиции образования в России»). Не вредит ли одно другому? Не подрывает ли светское образование не только религию, но и государственные устои? Эти вопросы всегда очень остро стояли для страны, в которой слишком многое поддерживалось верой в Бога, государя, отечество. В каком-то смысле русская интеллигенция оправдывала своим существованием подобного рода опасения.

2. Русская интеллигенция – это всегда оппозиция правительству, причем любому. В случае если власть меняется, оппозиционное отношение переносится на новое правительство. Так, посвятивший большую часть своей жизни борьбе с советским режимом А. И. Солженицын хотя и вернулся на родину после развала советского строя, но и новую власть не признал. В частности, в 1998 г. он отказался от ордена Андрея Первозванного, мотивируя это невозможностью принять его от верховной власти, доведшей Россию до гибельного состояния.

Не только оппозиция правительству, но протест против русской действительности и критика существующего режима стали основой формирования русской интеллигенции, ее своеобразным кредо. Эта критика, принимавшая часто форму отрицания и полного неприятия существующего общества, в середине XIX в. вылившаяся в нигилизм, является определяющей чертой интеллигенции. Литературный критик и один из наиболее ярких представителей русской интеллигенции Н. А. Добролюбов считал критику одной из основных задач русской интеллигенции: «Нам следует группировать факты русской жизни... Надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыха – до того, чтобы противно стало читателю это царство грязи»¹³⁷.

Критическое отношение к себе вообще характерно для русского народа, тем более что в России во все времена было что критиковать. Русская литература вскрывала язвы и смеялась сквозь слезы над русской жизнью. Пресса без устали привлекала внимание к порокам и недостаткам окружающей действительности. Интересно замечание князя В. П. Мещерского,

¹³⁵ Российская цивилизация. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 78.

¹³⁶ Федотов Г. Указ. соч. С. 13.

¹³⁷ Добролюбов Н. А. Огни. Кн. 1. Пг., 1916. С. 66–67.

представившего в 1861 г. во вполне официальную (во всяком случае, в этот период) газету «Санкт-Петербургские Ведомости» статью о визите императорской четы в монастырь. Статью, к его большому удивлению, печатать отказались. А на вопрос о причинах ответили: «Уж очень вы поэтизируете монастырь, а затем, по правде сказать, не такое теперь время, чтобы восхищаться Царскими поездками»¹³⁸. Позитивную статью об императорском семействе в проправительственную газету поместить было нельзя, а вот критическую – пожалуйста.

Даже в заидеологизированные времена советского социального оптимизма критиканство пробивало себе дорогу в широкие массы через популярные во всех слоях общества анекдоты (заметим, что, когда после начала перестройки стало модно ругать всех и вся, жанр политических анекдотов довольно быстро умер).

Но ни один самый суровый критик не был так суров к России, как русская интеллигенция. Солженицын объяснял это следующим образом: «Чем крупнее народ, тем свободнее он сам над собой смеется. И русские всегда, русская литература и все мы, – свою страну высмеивали, бранили беспощадно, почитали у нас все на свете худшим, но, как и классики наши, – Россией болея, любя...»¹³⁹

Нередко критические отношение во взглядах интеллигенции превалировало, доходило до одержимости, возводилось в культ. В. Г. Белинский заявлял: «Отрицание – мой бог», таким образом превращая критику в своего рода религию.

3. Русскую интеллигенцию характеризует отсутствие конкретных задач и целей. Ей несвойственны практические действия. Именно поэтому настоящие революционеры не принадлежат к разряду интеллигенции. Ни смена власти, ни государственный переворот, ни революция ее не интересуют. Если критика правительства ведется для достижения одной из вышеуказанных целей, значит это уже не интеллигенция.

Идеи и концепции – вот основное содержание ее деятельности. Причем, как правило, отвлеченные и оторванные от жизни. Троцкий, иронизируя, называл взгляды русской интеллигенции «коралловыми украшениями», подчеркивая их декоративный, оторванный от реальности, бесполезный характер. Он писал: «...позже, когда идеи перестали быть коралловыми украшениями, а стали для интеллигенции пружинами действий, иногда героически-самоотверженных, – и в эту более зрелую эпоху наша историческая бедность создала колоссальное несоответствие между идейными предпосылками и общественными результатами интеллигентских усилий. Вбивать часами гвозди в стенку стало как бы историческим призванием русской интеллигенции»¹⁴⁰.

4. Когда же, по иронии истории, ее идеи принимают реальный характер и воплощаются в жизнь, интеллигенция всегда теряет, не может приспособиться к обстоятельствам, это всегда вызывает ее кризис или даже крах. Особенно заметно это проявилось в двух российских революциях, а потом, много позже, с началом перестройки. Первую революцию в России, начавшуюся в 1905 г., нередко называют интеллигентской, такую большую роль сыграла последняя в создании благоприятных условий для нее. В значительной степени именно критика интеллигентами существующего порядка подготовила общественное мнение к революционным переменам. Но реальность оказалась далекой от абстрактных умопостроений.

Хорошо эту ситуацию описал Г. Федотов: «...интеллигенцию разлагала ее удача. После 17 октября 1905 г. перед ней уже не стояло мрачной твердыней самодержавие. Старый режим треснул, но вместе с ним и интегральная идея освобождения. За что бороться: за ответственное министерство? за всеобщее избирательное право? За эти вещи не умирают. Государственная Дума парализовала парламентаризм и отбивала, морально и эстетически, вкус к политике. И

¹³⁸ Мещерский В. П. Мои воспоминания. М., 2001. С. 99.

¹³⁹ Солженицын А. И. На возврате дыхания. М., 2004. С. 305.

¹⁴⁰ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 238.

царская, и оппозиционная Россия тонула в грязи, коррупции и пошлости. Это была смерть политического идеализма»¹⁴¹.

Не случайно появившийся в 1909 г. небольшой сборник «Вехи» стал событием в жизни страны, общественного движения и истории русской интеллигенции. Авторы поставили задачу подвести своего рода итог произошедшему, разобраться в проблеме «интеллигенция и революция». Один из авторов, философ С. Н. Булгаков, выражая общую позицию «веховцев», как их называли, подчеркивал, что именно «интеллигенция была нервами и мозгом гигантского тела революции. В этом смысле революция есть духовное детище интеллигенции, а, следовательно, ее история есть исторический суд над этой интеллигенцией»¹⁴².

После выхода сборника разразилась буря, ставшая отражением, с одной стороны, отсутствия единства в рядах интеллигенции, а с другой – ее неспособности справиться с реальной жизненной ситуацией. Сборник атаковали со всех сторон, справа и слева, свои и чужие, революционеры и консерваторы. Л. Н. Толстой писал о том, что содержание сборника носит в основном отрицательный, разоблачительный характер, в нем нет позитивной, творческой программы, которая бы отвечала на исконно русский народный вопрос: «что делать?»¹⁴³ В. И. Ленин резко критиковал идею о решающей роли интеллигенции в революции, считая ее главной движущей силой пролетариат и беднейшее крестьянство. Председатель Совета министров П. А. Столыпин выразил свое мнение следующим образом: «Появление такого сборника, как «Вехи», есть акт бунтовщический и дерзко революционный в том своеобразном духовно-умственном царстве, которое именуется русской интеллигенцией, и его революционная сила направлена против тирании того идола, которому приносилось столько человеческих жертв, имя же которому политика»¹⁴⁴. Пролетарский писатель М. Горький в частном письме называл «Вехи» «мерзейшей книжицей за всю историю русской литературы»¹⁴⁵. Многоречивые же статьи самих представителей интеллигенции заполнили страницы российской прессы того периода.

5. Важной чертой русской интеллигенции, тесно связанной с уже упоминавшимися, является ее бескорытность. В ее деятельности, разоблачениях и критике действительности нет личной заинтересованности, а есть искренняя вера в то, что именно таким образом можно улучшить жизнь. Если правительство критикуется с целью захвата власти, это уже совсем другая история. Писатель и публицист А. Н. Радищев, которого часто называют первым русским интеллигентом, начал свое знаменитое и очень критическое по отношению к российской действительности «Путешествие из Петербурга в Москву» фразой: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала».

Пусть результаты критики оказывались далеки от идеала, но поползновения были благородными. Об этом несоответствии горько писал Н. А. Некрасов: «Суждены нам благие порывы, / Но свершить ничего не дано».

6. Русская интеллигенция всегда прозападно ориентирована (даже так называемая славнофильская ее часть). Стремление найти положительные образцы в других странах – явление универсальное и нормальное, однако нигде оно не доходило до такой крайности (Россия – страна крайностей), порой до полного отрицания возможности собственного развития. Достаточно обратиться к одному из первых и вполне невинных (по современным меркам) трудов, рассматривающих судьбу России с позиции интеллигенции. Речь идет о знаменитом «Философическом письме» П. Я. Чаадаева: «...мы не принадлежим ни к одному из великих семейств

¹⁴¹ Федотов Г. Указ. соч. С. 55.

¹⁴² Вехи. М., 1909. С. 25.

¹⁴³ Там же. С. 3.

¹⁴⁴ Новое время. 23 апр. 1909. С. 4.

¹⁴⁵ Архив М. Горького. Т. 9. М., 1966. С. 65.

человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода... Мы так странно движемся во времени, что с каждым нашим шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно. Это – естественный результат культуры, всецело основанной на заимствовании и подражании. У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса... Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок». Суровый и довольно безысходный для России приговор.

Интересно, что в силу особенностей своей натуры русский интеллигент, оказавшись за границей, всегда испытывал разочарование («верность» Западу сохранили те, кто восхищался им сидя дома), включая в поле своей критики и новое место жительства. Горько разочаровались в Европе два политических эмигранта-западника середины XIX в. А. И. Герцен и В. С. Печерин. А вот славянофил-неинтеллигент Н. В. Гоголь так до последнего дня и боготворил Италию.

Философ С. Н. Булгаков писал об интеллигенции: «Она есть то прорубленное Петром окно в Европу, через которое входит к нам западный воздух, одновременно и живительный, и ядовитый»¹⁴⁶.

7. Отличительная черта русской интеллигенции – ее изолированность от общества. Она существует как бы между правительством, по отношению к которому находится в постоянной оппозиции, и народом, благо которого, как правило, является ее целью и который вместе с тем остается непонятым ею. Известный острослов граф Ф. В. Ростопчин якобы так оценил восстание декабристов: что во Франции «чернь» учинила революцию, чтобы сравняться с аристократией, а у нас вот аристократия устроила революцию в интересах черни. Некрасов включил эту фразу в поэму «Русские женщины»: «В Европе сапожник, чтоб барином стать, / Бунтует, – понятное дело! / У нас революцию сделала знать: / В сапожники, что ль, захотела?» Взгляды интеллигентов, радевших о благе народа, оставались непонятыми не только в правительственных кругах, но и вызывали подозрение в самом народе, не понимавшем этих «умничающих» и чуждых ему дворян и разночинцев.

Показателен тот факт, что до сих пор в русском языке слово «интеллигент» имеет негативные коннотации, несет в себе заряд презрительного отношения, подразумевает беспомощность, бесполезность, умствование. Словосочетание «гнилая интеллигенция» стало устойчивым. Это отношение отражено и в художественной литературе. В «Мастере и Маргарите» М. А. Булгакова ироническое отношение к интеллигенции вкладывается в уста «простого» парня, необразованного пролетарского поэта Ивана Бездомного: «Он умен, – подумал Иван, – надо признаться, что среди интеллигентов тоже попадаются на редкость умные. Этого отрицать нельзя!»

О том, что не только народ не понимал интеллигенцию, но и ее интерес к нему был абстрактным и далеким от реальной жизни, свидетельствует в своих мемуарах И. А. Бунин. Запись от 20 апреля 1919 г.: «Те, которым, в сущности, было совершенно наплевать на народ, – если только он не был поводом для проявления их прекрасных чувств, – и которого они не только не знали и не желали знать, но даже просто не замечали, как не замечали лиц извозчиков, на которых ездили в какое-нибудь Вольно-Экономическое общество. Мне Скабичевский признался однажды:

– Я никогда в жизни не видал, как растет рожь. То есть, может, и видел, да не обратил внимания.

А мужика, как отдельного человека, он видел? Он знал только “народ”, “человечество”... Страшно сказать, но правда: не будь народных бедствий, тысячи интеллигентов были бы прямо

¹⁴⁶ Вехи. С. 33.

несчастнейшие люди. Как же тогда заседать, протестовать, о чем кричать и писать? А без этого и жизнь не в жизнь была...

...Длительным будничным трудом мы брезговали, белоручки были, в сущности, страшные. А отсюда, между прочим, и идеализм наш, в сущности, очень барский, наша вечная оппозиционность, критика всего и всех: критиковать-то ведь гораздо легче, чем работать. И вот:

– Ах, я задыхаюсь среди этой Николаевщины, не могу быть чиновником, сидеть рядом с Акакием Акакиевичем, – карету мне, карету!

Отсюда Герцены, Чацкие... Какая это старая русская болезнь, это томление, эта скука, эта разбалованность – вечная надежда, что придет какая-то лягушка с волшебным кольцом и все за тебя сделает: стоит только выйти на крылечко и перекинуть с руки на руку колечко!

Это род нервной болезни, а вовсе не знаменитые “запросы”, будто бы происходящие от наших “глубин”.

“Я ничего не сделал, ибо всегда хотел сделать больше обыкновенного”.

Это признание Герцена.

Вспоминаются и другие замечательные его строки:

“Нами человечество протрезвляется, мы его похмелье... Мы канонизировали человечество... канонизировали революцию... Нашим разочарованием, нашим страданием мы избавляем от скорбей следующие поколения...”¹⁴⁷

В приведенной выше пространной цитате перечислены почти все основные особенности, они же беды, русской интеллигенции.

8. Интеллигенция всегда связана с писательским делом, будь то художественная литература, публицистика или журналистика. Немало в ее рядах «пишущих» философов, реже встречаются представители других ветвей гуманитарного знания, как правило только те, кто занимается также и публицистикой. Именно с помощью «пера» интеллигенция оказывает сильнейшее влияние на общественное мнение страны. Отсутствие целей и задач для реальной деятельности, о которых говорилось выше, отнюдь не означает того, что она не имеет влияния в обществе.

Через общественное мнение интеллигенция часто дает мощный толчок к преобразованиям. Общественное мнение всегда имело большое значение в жизни страны. «Опять и опять отмена крепостного права, подготовка и проведение реформы, – с удивлением отмечал в 1890-х гг. знаток русской истории и жизни англичанин М. Бэринг, – со всей очевидностью показали, что в решающие моменты русской истории именно общественное мнение имеет реальную и абсолютную власть! Это особенно удивительно для эпохи, когда свободы прессы официально не существовало»¹⁴⁸.

Нередко при описании той или иной эпохи употребляется выражение: «это было в воздухе» – революция, реформы, смена власти и т. д. Это присутствие, предчувствие, ожидание нового, как правило, создается усилиями интеллигенции. Именно это позволило известному религиозному философу и публицисту В. В. Розанову заметить по поводу революции 1917 г. – «Собственно никакого сомнения, что Россию убила литература».

Другое дело, что, когда события (реформы, революция или перестройка) начинаются, интеллигенция полностью теряет инициативу и контроль над ситуацией (часто оправдываясь: «Мы не к этому призывали! Нас не поняли») и, если выживет, может вновь уйти в оппозицию, теперь уже к новому режиму. Существует огромный разрыв между высокими идеалами и теориями интеллигенции, начавшей процесс, и его реальным практическим завершением.

---

¹⁴⁷ Бунин И. Окаянные дни. М., 2003. С. 286.

¹⁴⁸ Baring M. The Russian People. L., 1911. P. 226.

Таким образом, для интеллигенции важна идея, идеал, теория, а не действие. Она, скорее, своеобразный фермент, вызывающий брожение в обществе, недовольство существующим режимом, готовящий почву для революций или иных кардинальных перемен в обществе.

Во всей полноте русская интеллигенция расцвела во второй половине XIX – начале XX в. Однако в том или ином виде она знакома русской истории в разные эпохи. Например, А. М. Курбский (1528–1583) – князь, государственный деятель, сподвижник Ивана IV, затем бежавший в Литву (ученые до сих пор спорят – предательство это было или борьба с тиранией). Человек прекрасно образованный, известно, что он изучал грамматику, астрономию, риторику, историю и философию, прекрасно владел иностранными языками, сам писал обличительные памфлеты против своего бывшего господина. Оказавшись на Западе, он активно критиковал и католическую церковь. И уж конечно, – правление Ивана Грозного и современную ему российскую действительность. Образ, вполне вписывающийся в общую картину русской интеллигенции.

Были и другие, «забраживавшие» русское общество в самые разные периоды: А. Н. Радищев и Н. И. Новиков, П. Я. Чаадаев и А. И. Герцен, западники и славянофилы, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, В. Г. Белинский и многие другие. По мере расширения и укрепления государства российского, распространения образования, усиления связей с Западом увеличился и круг недовольных существующим режимом.

В советское время на первом этапе интеллигенции был нанесен сильнейший удар. В первых, ее идеи, воплотившись в жизнь, продемонстрировали свою нежизнеспособность. Во вторых, цвет русской интеллигенции был либо уничтожен, либо выслан из страны. Советское правительство, руководители которого выросли на трудах этой самой интеллигенции, прекрасно понимали, какое влияние она оказывает на общество, сея сомнения и недовольство режимом. Поэтому приговор был суров. Созданная же так называемая новая интеллигенция не имела ничего общего со старым явлением, кроме, разве, названия. Не случайно даже сам термин в этот период наполняется новым, более общим, смыслом, чтобы полностью уничтожить всякое воспоминание о старой русской интеллигенции. Естественно, не издаются труды философов-интеллигентов, их имена как бы вычеркиваются из русской истории. Когда много лет спустя, после начала перестройки, труды старой русской интеллигенции были опубликованы и стали доступны всем, публику ждало некоторое разочарование – ничего особенного с политической точки зрения в них не было.

Философ Ф. А. Степун писал в эмиграции о «новой» советской интеллигенции: «Число интеллигенции в старом смысле в Советской России в настоящее время весьма незначительно. То, что за границей считается новой советской интеллигенцией, является полной противоположностью тому, чем были рыцари интеллигентского ордена. Старые интеллигенты были профессионалами идеологических построений и явными дилетантами в практической жизни... старая интеллигенция должна воскреснуть, но воскреснуть в новом облике. Не только России, но и всем европейским странам нужна элита людей, бескорыстно пекущаяся о страданиях униженных и оскорбленных, которых еще очень много в мире, строящая свою жизнь на исповедании правды, готовая на лишения и жертвы. Вот черты старой русской интеллигенции, которые должны вернуться в русскую жизнь. Дух же утопизма, дилетантского распорядительства в областях жизни, в которых ничего не понимаешь, и легкомысленной веры в то, что истины изобретаются философами, социологами и экономистами, а не даруются свыше, должен исчезнуть»¹⁴⁹.

Однако в одном Степун ошибался: традиции старой русской интеллигенции были подспудно живы и в советской России, причем в самые строгие с идеологической точки зрения времена. Они пробивались в «разговорах на кухне», в трудах отдельных писателей и поэтов,

¹⁴⁹ Степун Ф. А. Сочинения. М., 2000. С. 625–626.

как ни следила за ними цензура, в лекциях университетских профессоров. В конце 1950–1960-х гг. при первой же возможности во время «оттепели» эта традиция вышла наружу в виде так называемого диссидентского движения, которое стало тихо будоражить общество.

В конце XX в. возродившуюся новую интеллигенцию ждал еще один удар: оказалось, что столь желанное избавление от советского строя не решило основных проблем российской действительности. Как и когда-то, после революции, почва вновь ушла у нее из-под ног, и она оказалась без идей, идеалов и перспектив. Многие, провозгласившие себя интеллигенцией в новых условиях, всего лишь пользовались ситуацией и отнюдь не бескорыстно, что никак не вяжется с самой сутью интеллигенции.

Менялись названия, ориентиры, идеалы (нет единой линии), дети порой отрекались от отцов, но сохранялась общность черт: протест и критика существующего режима, оппозиция к государственной власти, изолированность от народа и правительства, западная ориентация, наличие идеи, порой переходящей в подобие религии, огромная роль в формировании общественного мнения в русской жизни вообще. Не просто чудаки и мечтатели, витающие в облаках, они жгли и жалили, бичевали и развенчивали вполне успешно, в конце концов расшатывая государственные устои (в этом их «деятельность» была успешной).

Несмотря на оторванность от народа и ориентацию на Запад, интеллигенция воплощала многие черты русского характера. Преданность идее, своеобразную религиозность (даже если бог – отрицание), вечный поиск веры и идеала, доведение всего до крайности, критиканство – все это свойственно русской культуре в целом. При всем ее «западничестве» она перемалывала западные идеи на русский лад, изменяя их порой до неузнаваемости. При крайне критическом, скептическом, а порой прямо нигилистическом отношении к жизни русской интеллигенции свойственны и высокая жертвенность, и готовность умереть ради идеи, и бескорытность.

Русскую интеллигенцию нельзя оценивать с позиций «хорошо или плохо», «нравится или не нравится». Она неотъемлемая составляющая русской жизни, и без нее русский мир будет неполным. Она своеобразный и в каком-то смысле необходимый обществу «возмутитель спокойствия». Сейчас, со времен перестройки, в эпоху слабой власти интеллигенция в России практически отсутствует. Здесь нет для нее питательной среды: что толку противостоять тому, что и так еле держится. Те же, кто относят себя к разряду современных интеллигентов, либо преследуют политические, либо нередко экономические, словом, какие-то практические цели.

Интеллигенцию часто ругают или превозносят, исходя из политических или религиозных взглядов авторов. Лучше всего просто признать, что она естественное явление русской жизни.

Глава 3. Россия и мир

«Окно в Европу» или «железный занавес»?

Два излюбленных образа определяют отношение России к внешнему миру: «окно в Европу» и «железный занавес». В их противоречивости есть некая гармония, они взаимно дополняют друг друга, передавая весь спектр умонастроений. Оба они широко используются в литературе и средствах массовой информации.

Несколько слов о происхождении этих выражений.

Первое принадлежит перу итальянского путешественника в Россию Франческо Альгаротти (1712–1764), посетившего Петербург в 1739 г. по приглашению лорда Балтимора, который представлял английский двор на бракосочетании Анны Леопольдовны, племянницы императрицы Анны Иоанновны. Эту поездку он описал в своей книге «Путешествие в Россию» (в некоторых переводах – «Письма о России»). Альгаротти был сочинителем, писал на самые разные темы (от анализа творчества Горация до трактата по военной субординации), дружил со знаменитостями. Он сочинил оду императрице Анне Иоанновне, прославляя ее как мудрую и прозорливую правительницу.

Книга Альгаротти написана в форме писем. Она описывает увиденную итальянцем жизнь России, обновленной в результате петровских преобразований. Автор подробно останавливается на быте, нравах, экономике, политике страны. Но это не выделило бы книгу из значительного числа записок о России, появившихся в XVIII в., если бы не одно письмо. Вот его начало:

«Милорду Харви

Петербург, 30 июня 1739 г.

Находясь на Севере, я списываюсь с Вами, Милорд, так часто, как только могу, и уж конечно, не дам отбыть этой почте, не сообщив последних своих новостей; впрочем, и Ваших известий я жду как можно скорее. Но о чем же мне написать Вам прежде остального, как не об этом городе, об этом огромном окне, – так бы я сказал, – недавно распахнувшемся на Севере, через которое Россия может взирать на Европу?..»¹⁵⁰

Но конечно, никакой заезжий итальянец не сделал бы это выражение столь популярным и значимым, каким оно стало в русской культуре. Да и нет ничего запоминающегося в этом отрывке. Нужен был гений А. С. Пушкина, чтобы оно заиграло, заискрилось и стало неотъемлемой частью языка. В его тетрадях есть запись, свидетельствующая о том, что он читал труд итальянского автора: «Петербург – это окно, через которое Россия смотрит в Европу». И это вылилось в величественную фразу его Петра I: «Природой здесь нам суждено / В Европу прорубить окно». Именно после публикации «Медного всадника» эта фраза стала стремительно входить в язык и умы русского общества. Надо полагать, у императора были более грандиозные планы в отношении вхождения России в круг мировых держав, но именно «окно в Европу» стало символом не только нового города Петербурга, но и во многом всех позитивных внешнеполитических отношений России с миром.

История с выражением «железный занавес» тоже немного запутана. Традиционно его приписывают английскому премьер-министру Уинстону Черчиллю, тоже большому любителю и умельцу «навешивать» ярлыки. Однако специалисты обнаружили, что первоначально эту фразу употребил русский философ Василий Розанов в произведении «Апокалипсис нашего времени»: «Со скрипом и треском в конце российской истории опускается железный занавес».

¹⁵⁰ Звезда. 2003. № 5.

Затем его использовала британская политическая деятельница-социалистка и суфражистка Этель Сноуден в книге «Через большевистскую Россию» (1920): «Наконец-то мы оказались за “железным занавесом”». Наконец, 5 марта 1946 г. Уинстон Черчилль, выступая со своей знаменитой речью в Фултоне (в США), употребил это выражение для обозначения водораздела, разделившего послевоенную Европу на два лагеря: западные державы и страны, попавшие под контроль Советского Союза. Он предупреждал мир об опасности, связанной с этой ситуацией, и его речь традиционно считается началом «холодной войны». Нет сомнений, что именно с его легкой руки фраза «железный занавес» пошла гулять по свету. Она особенно прижилась в Советском Союзе и чрезвычайно популяризировалась в постсоветской России. Средства массовой информации при малейшей конфронтации с Западом немедленно начинают пугать новым «занавесом».

Внешний мир всегда присутствует в русской жизни. Он либо отгорожен железным занавесом и тогда волнует особенно остро, либо просматривается в окно и тоже по-своему загадочен. Иногда, правда, открывается дверь, но это не так интересно и волнующе.

Популярность этих двух выражений раскрывает две важные особенности взаимодействия России и мира. Во-первых, можно уверенно говорить о том, что ориентирование (или «оглядка») на другие страны стало отличительной особенностью истории государства российского. Причем, если говорить точнее, не просто на внешний мир, а конкретно на Запад. Географическое направление не имеет значения, речь идет о некоей культурно-исторической или, как сейчас принято называть, цивилизационной общности. Подобное отношение характерно именно к Западу, хотя с Востоком Россию исторически связывали не менее тесные, а в каком-то смысле и более близкие отношения. Но это в плане международном и политическом: торговля, путешествия (сегодня – отдых), освоение земель. Многие восточные народы постепенно вошли в состав империи, жили бок о бок с русскими, а значит, несмотря на всю «экзотичность» быта и нравов, были «своими»¹⁵¹. Представители же Запада, несмотря на сходство исторического развития и культуры, близость вероисповедания (христианство, хотя и западное), внешний облик, в конце концов все равно оставались «чужими», настоящими иностранцами.

Именно Запад всегда являлся для русского государства своеобразным мерилom ценностей. Вся история становления и развития страны, все ключевые исторические эпохи и события в России тем или иным образом связаны с проблемой Запада – даже в тех случаях, достаточно нередких в русской истории, когда Запад отвергался, критиковался и считался неизбежным злом, от которого предпочтительно было отгородиться каким-нибудь занавесом.

Речь идет об удивительно тонком и в каком-то смысле загадочном явлении. Хотелось бы сразу оговориться, что оно не подразумевает ни идеи «рабского подражания», ни «политической и культурной несамостоятельности», ни «извечного заимствования у Запада», в которых нередко, и совершенно несправедливо, обвиняют Россию. Достаточно посмотреть на результат, чтобы убедиться, что ни о каком копировании и подражании говорить не приходится. За более чем тысячелетнюю историю взаимодействия с Западом Россия, даже заимствуя отдельные достижения других стран (а кто этого не делал?), все-таки осталась культурно самобытной. Ее в меньшей степени затронули процессы тотальной глобализации, чем другие европейские страны.

И все-таки именно «оглядка» на Запад незримо присутствует при всех важнейших событиях истории России. Выше уже упоминался ряд моментов: начало государства российского, которое связано с приглашением варягов и породило 900 лет спустя столько ненужных волнений по поводу русской самобытности; крещение Руси, которое летописная легенда связывает с выбором вер, «предлагаемых» представителями разных народов; образование централизованного государства и ключевое для этого процесса в идеологическом смысле «нахождение» кор-

¹⁵¹ См., например: Образ России / Под ред. академика Е. П. Чельшева. М., 1998. Гл. «История. Россия и Восток».

ней русской государственности в Византии, Риме и даже Вавилонском царстве; летописание, начинавшееся от сотворения мира и только потом выходявшее на местные события; провозглашение Москвы «третьим Римом» как свидетельство истинности веры и многое другое.

Сообщая об основании Киева, летописец особо подчеркивает тот факт, что на Руси все было, как в других странах: «Как в древности был царь Рим (Ромул) и в его честь назван город Рим. Также Антиох и был (город) Антиохия... был также Александр (Македонский) и во имя его – Александрия. И во многих местах города были наречены во имя царей и князей. Так же и в нашей стране назван был великий город Киев во имя Кия»¹⁵².

«Слово о законе и благодати» (первая половина XI в.) киевского митрополита Илариона считают сейчас началом отечественной религиозно-философской мысли¹⁵³. Произведение состоит из трех частей: первая представляет собой изложение истории возникновения христианства и его противоборства с иудаизмом, вторая посвящена распространению христианства в различных странах, в том числе и на Руси, третья – восхвалению князей Василия и Георгия (христианские имена Владимира и Ярослава). Обращение к русской теме начинается характерным упоминанием. Иларион «объясняет» причину своего интереса к деяниям русских князей: «Ибо не в худой и неведомой земле владычествовали, но в Русской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли»¹⁵⁴.

Последующие тысячу лет для русского государства было очень важно, чтобы о нем «ведали и слышали» в мире, даже если оно и находилось порой в резкой конфронтации с этим миром. В самом начале советской эпохи новое правительство выдвинуло лозунг: «Догнать и перегнать Америку!» по важнейшим промышленным показателям. И так все годы Россия (или Советский Союз, в зависимости от времени) то и дело старается догнать, а еще лучше обогнать кого-нибудь. Почему это так важно, почему нельзя просто развиваться, идти своим естественным путем, что-то улучшать, что-то усовершенствовать, – одна из тайн русской души. Нет, все должно быть непременно лучше, чем у соседа. Или хотя бы также. А иначе нет радости и удовлетворения от работы.

Удивительно, что и в советское время, наполненное идеологическим неприятием Запада, войнами, «горячими» и «холодными», пресловутым железным занавесом, отгородившим страну от внешнего воздействия, именно внешний мир оставался по-прежнему мерилем ценностей. Ну как тут не вспомнить знаменитую цитату из фильма «Чапаев». Простой паренек Петька искренне восхищается своим командиром, верит в его всемогущество. Он допытывается: мог бы его командир командовать дивизией? Мог. А армией? Тоже мог. Он ищет, что бы такое спросить, чтобы уже предел, вершина, дальше некуда: «А в мировом масштабе?» Чапаев задумался: «Нет, Петька, не могу, языков не знаю». Это, видимо, единственное препятствие.

В советский период все дети в детских садах во всех уголках необъятной родины учили стихотворение С. Михалкова «Они и Мы». Весь мир в нем поделен на две части: добро и зло, свет и тьма, война и мир. Характерна и концовка:

Они – идут назад дорогой тьмы,
А мы идем вперед, дорогой к свету.
На всей земле сейчас Они и Мы,
И мы сильнее – сомнений в этом нету!

Это деление – они и мы, больше ничего на свете нет, мы должны всегда друг о друге помнить – таков извечный закон жизни (ну не уничтожить же Их всех, до этого все-таки не доходило) – очень показательно и типично.

¹⁵² Рыбаков Б. А. Кто основал Киев? // Наука и жизнь. 1982. № 4.

¹⁵³ Русская идея / Сост. М. А. Маслин. М., 1992. С. 7.

¹⁵⁴ Иларион. Слово о законе и благодати. М., 1994. С. 73.

Современные политики, а вслед за ними и средства массовой информации (впрочем, может быть, зависимость обратная) давно забыли понятия «хорошо» и «плохо». Теперь существует только «(не) соответствует мировым стандартам» (иногда «цивилизованным странам»). Что это за стандарты, кто их установил, что определяет уровень цивилизованности государства, – не знает никто, да и не хочет знать. Но именно это сегодня является главным ориентиром нашей деятельности. В минуты всплеска патриотических чувств делается упор на то, что у нас что-нибудь лучше, чем у них. Если сообщается о разработке нового лекарства, экспериментального военного самолета или изобретении морозоустойчивого дорожного покрытия, то самым важным становится тот факт, что все это «не имеет аналогов в мире». А то, что в аптеках лежит только аспирин, авиапарк не обновлялся несколько десятилетий, а российские дороги, видимо, по-прежнему являются главным оборонным средством страны (враг по ним не проедет, правда, и жители России тоже), уже не имеет значения. «Нет аналогов» – значит настоящее достижение.

Самый сложный вопрос заключается в поиске причин такого рода явлений. «Клеветники России», критически оценивающие весь ход исторического развития страны, относят это к «рабской психологии» народа, его государственной несамостоятельности, склонности к подражательству. Ф. М. Достоевский писал о склонности русского народа к «всемирной отзывчивости и к всепримирению», о способности «полнейшего перевоплощения в гении чужих наций», выраженную в гении Пушкина. Русский философ В. В. Розанов считал, что все дело в том, что Россия воплощает женское начало, а Европа – мужское. «Русские имеют свойство отдаваться беззаветно чужим влияниям <...>, – писал он. – Именно вот как невеста и жена – мужу <...>. Но чем эта “отдача” беззаветнее, чище, бескорыстнее, даже до “убийства себя”, тем таинственным образом она сильнее действует на того, кому была “отдача”»¹⁵⁵. Большинство же исследователей и философов просто принимают эту особую роль Европы в духовной жизни страны как некую данность, не акцентируя внимания ни на размахе данного явления, ни, тем более, на его корнях.

Если все-таки попытаться проанализировать причины столь пристального внимания к Западу, то ответ можно найти в определенных особенностях русского характера. В первую очередь это та общинность, соборность или коллективизм (это явление называют по-разному, но в конечном счете суть одна), о которых речь пойдет в следующей главе. Веками русский крестьянин жил бок о бок со своими соседями, сообща решал основные вопросы жизни, работал, веселился, привык считаться с их мнением, даже в некоторой степени зависеть от него. «На миру и смерть красна!», «всем миром навалимся», – говорили в народе, вкладывая в эти фразы особый смысл: вместе ничто не страшно, можно преодолеть любое препятствие. «Мир» – так называли сами крестьяне свое объединение, свою общину. Но «мир» – понятие более широкое, это еще и Вселенная, вся Земля. Совпадение этих понятий в русском языке не может быть случайностью. Мир – это сначала деревня, край, губерния (регион), потом страна, континент, наконец, планета, Вселенная. Подобное восприятие жизни привело к тому, что русский народ ощущал себя частью некоего единого общего целого, чувствовал свою сопричастность к этому великому единству. Подобно тому как для отдельного человека большую роль играло мнение его соседей, для государства было важно мнение окружающих народов. Сложилась своеобразная привычка оглядываться на то, что считают и думают о тебе окружающие, будь то жители соседнего дома, деревни или, в государственном масштабе, соседней страны.

¹⁵⁵ Русская идея / Сост. М. А. Маслин. М., 1992. С. 10.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.